

ИРВЭ КАМРЕ

ВОДА И ГЛИНА

Психологическая драма
Роман взросления

Irve Kamre
Вода и глина

«Автор»

2026

Kamre I.

Вода и глина / I. Kamre — «Автор», 2026

Юной Эриве каждый шаг даётся с трудом. Пока её ровесники строят планы и совершают ошибки, она учится жить в ритме, который диктует её слабое тело. Всю жизнь Эрива верила, что знает о своей трагедии всё: несчастный случай, долгая кома и непреклонная бабушка Роза, которая вытащила её с того света, когда остальные сдались. Но после смерти бабушки девочка остаётся один на один с миром взрослых — и с родителями, с которыми её разделяют годы отчуждения. В их австрийском доме скрывается тайна, способная разрушить всё. Эриве предстоит узнать, почему мать не может смотреть ей в глаза, почему отец пытается откупиться дорогими подарками и что на самом деле произошло в тот роковой день. «Вода и глина» — это роман взросления о настоящей дружбе, о праве быть неудобным, о физических и душевных шрамах и о том, как из осколков чужого предательства собрать собственную свободу.

© Kamre I., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Рассказ Аарона	8
Акт I. Детство	11
Тёмная вода	15
Буря	17
Снег и пылинки	20
Праздник упряжек	24
Маятник	27
Запах дома	31
Русский чай	35
Цветные наклейки	39
Волшебная дверь	41
Лошадки	44
Парусник	46
Золотой пони	49
Визит	52
Акт II. Библиотека	54
Квазар	54
Восьмое марта	58
Надежда	62
Забывтый тайник	65
Ложь и молитва	70
Первое сентября	73
Остров свободы	77
Какао	80
Укулеле	84
Качели	88
Акт III. Юность	92
«Начало»	93
Изоляция	97
Кинотеатр	101
Озеро	104
Торт	109
Дневник	112
Бабл-ти	115
Площадь	118
Порог	122
Фонтан	125
Акт IV. Отражения	129
Контур	129
Дыхание	132
Ford Granada	135
Порядок у лета	138
Сон	140
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Irve Kamre

Вода и глина

Пролог

*Человек — вселенная живых и мёртвых звёзд.
Хрупкая. Одинокая.
Я держу свой свет каждый день. И не отпускаю.
— Мольнар Эрива*

«Ночной вызов»

Венгрия. Осень 2024 года.

Это была обычная октябрьская ночь с субботы на воскресенье. В нашем полицейском участке, в этой глуши, время тянулось вязко и лениво. Мы с напарником сидели, тупо уставившись в телефоны.

Ни драм, ни происшествий. Свадьбы и дни рождения давно отгремели, жаловаться на шумную музыку было некому — деревни спали глухим сном.

Здесь вообще редко что случалось. Главным потрясением могла стать сбежавшая корова или сосед, по ошибке уехавший из корчмы на чужом велосипеде.

Когда до конца дежурства оставались считанные часы и мы уже мысленно были дома, у своих чайников, поступил вызов диспетчера.

Голос в радиии буднично сообщил: в соседнем селе, прямо посреди дороги, стоит машина с заведённым мотором. Трактористы, возвращавшиеся с полей, передали, что внутри находится несовершеннолетний.

Мы с напарником переглянулись. Брошенная машина ночью? С ребёнком? В нашей забытой богом дыре?

Мы выехали, гадая, что за странная история нас ждёт. Я молча вдавил педаль газа в пол. Мало ли какая там ситуация.

На месте было светло и странно: жёлтые проблесковые маячки тракторов разрезали темноту. В центре дороги стоял чёрный Volkswagen Caddy. Удлинённая версия, такие обычно берут большие семьи.

Машина мигала аварийкой, тихо гудел мотор.

Возле машины стоял знакомый тракторист — серый от усталости.

— Ничего не трогали. Двери не на замке, — сказал он тихо. — Девчонка спит — дышит, шевелится. Мы тут стоим, чтоб никто не влетел, вас дождались.

Я подошёл ближе, луч фонарика ударил в стекло, и я остановился.

На водительском сиденье, свернувшись калачиком, спала девчонка. Она прижимала к груди край смешной плюшевой пижамы, пристроив голову на центральный подлокотник. Лица толком не было видно — только бледное пятно в темноте. Коротко блеснули цветные нитки, вплетённые в тонкие косички. А внизу, на коврике у педалей, валялись огромные плюшевые тапки в виде лап динозавра. Вся сцена выглядела абсурдом. Но под этой нелепостью кольнула тревога — пугала её неестественная поза. Я на секунду замер, выискивая взглядом движение груди.

Дышит. Ровно, как в глубоком сне.

Я опустил луч фонаря ниже, осматривая салон. Рулевая колонка. Подрулевые лепестки. Полностью ручное управление. Конечно — я узнал её. Луч фонаря дрогнул в моей руке.

— Я знаю, кто это, — мой голос просел, став хриплым.

Напарник подошёл ближе. Подсветил фонариком.

— Это наша Пони, — добавил я.

— Ривка, что ли? — осторожно, полушёпотом спросил напарник.

— Эрива, — поправил я. И выдохнул, боясь разбудить её: — Вернулась.

— Кинь диспетчеру: на месте, в машине взрослый, жива, спит. Личность установлена, — скомандовал я.

Я тихо потянул ручку двери. Щёлкнул замок. Из салона меня обдало сухим жаром работающей печки.

— Помоги мне. Мы отвезём её домой.

Напарник запнулся:

— Э-э... в старую библиотеку?

— Нет, — отрезал я, представив холодные комнаты дома Розы.

— Позвони моей матери. Скажи, мы везём Эриву. Пусть греет чай и стелет диван. А сам вызывай Золи-бачи с платформой. Так её не перегонишь, там всё на ручном.

Доставать её из-за руля было мучением — мешали рычаги ручного управления, её безвольные ноги путались в ремнях. Мне пришлось неуклюже перехватить её, рискуя разбудить, но она лишь глубже уткнулась мне в шею. Уязвимая. Живая. Напарник, поняв меня без слов, достал из патрульной машины служебный плед и мягко накрыл её.

— Всё, держу, — твёрдо сказал я, перехватывая её удобнее. — Скажи мужикам, пусть не маячат. И так достаточно света

Я сделал шаг к своей машине, чувствуя, как тепло Эривы проникает сквозь форму, согревая мои ладони. Свет фонарей переливался на мокром асфальте, где топтались трактористы.

— Это внучка Розы, — бросил я им, не оборачиваясь. — Домой приехала.

Трактористы переглянулись, кто-то понимающе кивнул, и напряжение, висевшее над дорогой, исчезло.

Мы подъехали к дому, и он встретил нас светом. Казалось, мама включила всё, что смогла. Посреди чёрной деревенской ночи дом сиял.

Мама уже ждала у калитки, кутаясь в тёплый халат. Она стояла в напряжённой позе, чуть подавшись вперёд. Стоило колёсам зашуршать по гравию, как она рванулась навстречу. Я даже не успел заглушить мотор, а задняя дверь уже распахнулась.

— Так, молчи, — бросила она мне, пресекая любые объяснения. — Неси аккуратно. Я голову придержу.

Я занёс Эриву в дом. Тепло навалилось сразу, запахло выпечкой и чистым бельём. Я бережно опустил её на разложенный диван в гостиной. Она даже не шелохнулась.

Мама тут же накрыла её вторым одеялом и замерла, прислушиваясь к дыханию.

— Спит, — шепнула она, не оборачиваясь. — Вымоталась девчонка.

Эрива действительно спала тем глубоким сном человека, который привык доверять чужим рукам. Её лицо расслабилось, дыхание выровнялось, став почти неслышным в тишине комнаты. Мама отошла к дверному проёму и замерла. Её взгляд, тёплый и печальный, сколь-

зил по спящей фигуре, по растрёпанным волосам. Рядом стоял табурет: стакан воды, телефон, ключи.

— Аарон, сынок, — она покачала головой, словно продолжая свой внутренний разговор.

— Ох, не хочу вспоминать

Она замолчала и тяжело оперлась о косяк.

— Господи, какая она была. Страшная, худющая Бедное дитя. И бедная Роза... — мама вздохнула. — Сколько всего было.

Она не договорила, вытерла руки о передник и отступила в коридор.

— Пойду заберу её вещи из вашей машины, — бросила она на ходу.

Тихо хлопнула входная дверь, оставив меня одного в полумраке комнаты. Я смотрел на спящую Эриву, и хотелось возразить. «Страшная» — нет. Мама ошибалась.

Она никогда не была страшной. Худой — да, до прозрачности. Искалеченной, напуганной, сломанной — безусловно. Но я помнил её иначе. Я помнил, как тётя Роза склонялась над ней, и её лицо светлело. Я помнил тот самый первый момент, когда увидел её. До того дня моя жизнь была прямой и предсказуемой, как эта деревенская улица.

А потом в деревне появилась она...

Рассказ Аарона

Всё начиналось в далёком 2014 году.

Наша деревня пряталась в долине — между зелёными холмами Мечека, сразу за перевалом, недалеко от города Печ. Если разогнать мой старый мопед и выскочить на верхушку, на секунду кажется, что сверху видишь всё целиком. Внизу лощина — тёплый воздух, тишина. Глядя на эти возделанные участки, сразу понимаешь — у нас любят землю.

Я летал по улицам так, будто деревня принадлежала мне одному: треск двухтактника, сизый хвост выхлопа, собаки, которые лениво поднимали головы и снова падали в тень. Забор к забору — люди разные, языки, национальности: но улица одна. Привычка жить рядом и не устраивать войну из каждой мелочи.

Деревня дышала железной дорогой. По однокорейке ползал наш рыжеватый «Vzmot» — выцветший рельсовый автобус, который мы называли «альмашлада» — яблочный ящик. Он шатался, как пьяный, и проводник всегда выходил на перрон, давал свисток — и мне каждый раз казалось, что это команда не машинисту, а всему месту: «Едем дальше». Хотя на самом деле у нас почти никто никуда не ехал. По утрам по асфальту цокали копыта: повозка, конная двойка, дети в школу — как в старых фотографиях, только в цвете.

Прошлое здесь не исчезало. Оно просто шло рядом.

Но если у деревни и было место, которое я считал настоящей загадкой, то это — бывшая библиотека. Дом стоял чуть в стороне. Фасад — выцветший, пятнистый. Трещинки, местами проступает кирпич. Сам дом казался каким-то нескладным, как будто его собирали по частям. Покойный Имре, муж тёти Розы, в девяностые выкупил это здание, разглядев в нём улей. И улей работал до сих пор — многослойный и шумный.

Внизу — торговля и мужская жизнь: табак, хлеб, красные вывески «АВС», кислое вино и вечные разговоры. Велосипеды грелись у стены, а внутри звенели стаканы.

Над этим — квартиры. Тюлевые занавески, тихие жизни, которые не любят чужих глаз.

А под самой крышей — чердак, где время окончательно застряло. Там пахло сухой бумагой и пылью. Лежали горы старых советских книг. Этажом ниже жарили картошку, ещё ниже спорили и пили.

Тётя Роза жила вне этого слоёного пирога. Она жила в самой глубине двора. Стоянка магазина выходила к её огороду. Отреставрированный традиционный «парастхаз» — старый фермерский дом с белёными стенами и длинной верандой — казался настоящим островом тишины.

Во дворе стояло старое тележное колесо, превращённое в клумбу, и засыпанный колодец-журавль — как стражи, которые охраняют покой.

Дом Розы всегда был открыт. Мы с братом были там своими: таскали колкое, душистое сено кроликам, а под конец лета, когда грузовик с рёвом вываливал у ворот гору дров, становились главными помощниками. Пилить, колоть, складывать поленицу. Громко, тяжело, и после этого Роза кормила тебя так, будто ты спас её от холодной зимы. Однажды, укладывая очередной тюк сена, я заметил, что исчезла машина. Я спросил — больше из привычки, чем из любопытства.

Тётя Роза ответила спокойно:

— Продала.

И добавила, как между делом:

— Скоро уеду.

Внутри что-то зацепилось: я даже забыл закрыть клетку с кроликом, и мне пришлось потом долго бегать за ним по опустевшему двору. После смерти дяди Имре она почти не покидала деревню. Про неё ходили слухи — что где-то далеко есть дочь, что она иногда уезжает к

ней, что возвращается ещё тише, чем была. Но продать машину отрезать себе путь? Это было не «по-Розиному». Роза всегда оставляла себе выход.

А потом она уехала — и дом стал чужим.

Сначала пришла грубая сила: ломали, крушили, выносили мешки мусора, поднимали едкую пыль. Тишину двора нарушил грохот: у старого колодца поставили бетономешалку, и она крутилась целыми днями, перемалывая песок и цемент. Постоянный треск шестерёнок стал звуком той весны. Потом пошли «специалисты». Одни сменяли других так быстро, что я перестал различать, кто что делает. Провода тянулись по всему дому. Появились какие-то трубы, коробки, решётки, кондиционер. Дом обрастал электроникой, теряя свой прежний вид.

Пока хозяйки не было, я присматривал за кроликами. Их у Розы всегда было много — десятка два, не меньше. Клетки жили своей жизнью: кто-то рождался, кто-то подрастал, кто-то исчезал в тот день, когда тётя Роза, пряча глаза, относила их к Пишта-бачи. Роза и муху бы не обидела — рука на живое не поднималась. Пишта-бачи делал всё быстро и молча. Потом Роза готовила так, что даже мне, подростку, который жил на скорости и бензине, хотелось задержаться за столом.

Однажды я помогал выносить промасленные клеёнки после маляров и заглянул внутрь. И остолбенел. Большой тёплой комнаты тёти Розы не было. Её как будто заменили — на белую. Полы стали гладкими, блестящими, как зеркало. Стены — холодными, моющимися. Потолок опустился ниже, пряча под гипсокартоном гудящие внутренности климат-контроля. Света было слишком много. В углу громоздились коробки, плотно замотанные в плёнку. На них было написано «Fragile» и «Medical».

Мне захотелось быстрее уйти оттуда, как будто в этот дом привезли кусок другого мира — не нашего, не деревенского.

Зачем и ради чего? Откуда деньги — и почему именно так? Но я недолго думал над этими вопросами. Мне было четырнадцать. Проблемы взрослых были мне непонятны. Не играй допоздна. Не ешь чипсы. Не гоняй. А скорость у меня была. Я рассекал деревню на мопеде, выжимая из него всё, что он мог. Моим храмом был гараж старшего брата — там я пропадал часами. У меня была мечта. Я видел себя гонщиком ралли. Мне не было дела до странностей взрослых. Я искренне не понимал, зачем убивать старый уютный дом ради этой больничной белизны.

Май 2014 года.

Тот день стал последним днём, когда ворота дома оставались открытыми. Потом они захлопнутся почти на год, отрезав этот двор от остального мира. Я помню каждую секунду, словно это видеозапись, которую прокручивают в замедленном режиме.

Улица сошла с ума.

У дома Розы и вдоль нашей улицы выстроились дорогие автомобили. Возле них, как муравьи, суетились люди из «большого города». Они были одеты слишком чисто, слишком дорого. Мужчины в узких костюмах нервно потягивали густой кофе из бумажных стаканчиков, спорили, шелестели документами, перекладывая папки. Прямо у крыльца тёти Розы урчал двигатель странного Mercedes-Benz Sprinter. Белый, с синими полосами и мигалками, на австрийских номерах. Это была не просто скорая — это был реанимобиль.

Вокруг собралась небольшая толпа. Люди стояли поодаль, переглядывались, шептались, строили безумные теории, прикрывая страх любопытством.

Появился мэр села, Сабольч-бачи. Он вылез из своей машины, красный, взмыленный.

— Не стойте, не толпитесь! Я сам не в курсе, ради бога, — сказал он по-хозяйски, махнув рукой зевакам.

Он пытался завязать галстук, но узел не выходил.

— Сабольч, давай сюда, господи боже, — окликнула его соседка, перехватывая шёлк ткани.

— Что там Роза натворила? Вроде здоровая, вон, ходила... Кого везут-то?

Мэр лишь дёрнул плечом, буркнул благодарность и, поправив пиджак, поспешил к дому, где его уже ждал человек в сером костюме. Дверь за ними закрылась, отрезав нас от тайны.

Я пошёл мимо автомобилей, медленно, стараясь выглядеть равнодушным, но сердце колотилось где-то в горле. Всё это напоминало сцену из фильма: не хватало только агентов и жёлтой ленты.

И вдруг... дверь распахнулась.

Нервный человек в костюме буквально вылетел на крыльцо, размахивая папкой.

— Всё! — бросил он кому-то в толпу. — Поехали! Время!

Из фургона выпрыгнули люди в голубых медицинских костюмах и начали суетиться. В дверях показалась тётя Роза. Я привык видеть её улыбчивой, мягкой, пахнувшей сдобой, но на пороге стояла чужая женщина с каменным лицом. Ни одной эмоции. Казалось, если тронуть — она рассыплется. Я стоял за соседней машиной, невидимый для взрослых.

И тут из фургона спустили пандус и выкатили это. Показалась огромная, громоздкая каталка на массивных колесах. Она вся была опутана гофрированными трубками, прозрачными шлангами, проводами, мигающими датчиками. Белая масса простыней и пластика. И среди этой аппаратуры, стянутая чёрными ремнями, лежала...

Я похолодел.

Мне показалось, что тела нет. Под простынями почти ничего не угадывалось — настолько оно было маленьким и хрупким. Казалось, на подушке лежала только голова. Кожа — белая, как первый снег, почти прозрачная; вены просвечивали сквозь неё. И на этом белом полотне — два огромных закрытых глаза, как у куклы.

Парамедики развернули эту громоздкую конструкцию. Теперь я мог разглядеть девочку, подключенную к аппаратам, и от этого становилось только страшнее. Процессия двинулась к дому. Тётя Роза, застывшая в дверях, не сделала ни шага навстречу. Лишь коротко кивнула, пропуская их внутрь.

Каталку по пандусу вкатили прямо с крыльца в дверной проём. Туда, в ту самую комнату. В тот момент меня осенило. Вот зачем нужен был этот идеально ровный, залитый эпоксидкой пол. Вот зачем убрали пороги. Вот зачем нужна была эта стерильная белизна и вентиляция.

Как только двери дома закрылись, скрыв за собой Розу, мэра и врачей, всё сразу стало обычным — деловым и холодным. Человек в костюме глянул на часы, что-то быстро отметил в планшете и махнул рукой своим помощникам.

— Всё. Закончили!

Началась деловитая суета. Люди из «большого города» сложили горкой пустые стаканчики, бросили в контейнер, захлопнули папки и расселись по своим машинам. Взревели моторы, заглушая шум ветра. Кортёж тронулся. Они уезжали быстро, поднимая клубы пыли, словно спешили поскорее покинуть это место.

Через минуту улица опустела. Пыль медленно оседала на придорожную траву. Остался только реанимобиль и машина местного врача. Старые ворота дома тёти Розы были плотно закрыты. Теперь они выглядели иначе — не как вход в гостеприимный двор, а как дверь, за которой лучше не стоять. Я знал, что теперь внутри, за этими стенами, жила девочка, вся в трубках и проводах. Я посмотрел на окна бывшей гостиной. Там, сквозь щели жалюзи, пробивался тот самый яркий свет, который теперь будет гореть всегда.

Так в нашей жизни появилась Эрива.

Пока я жил своей скоростью, за закрытыми воротами у Розы начиналась жизнь по другим правилам.

Акт I. Детство

«Купол»

В белой комнате стоял монотонный, гипнотический гул. Мерно работал аппарат ИВЛ, тихо шуршал компрессор противоположного матраса. Этот звук теперь заменял тиканье часов. Местный врач, пожилая Илона, которую Роза знала уже пятнадцать лет, сдвинула очки на нос и вчитывалась в пухлую медицинскую карту с австрийскими печатями. Она знала, кто перед ней стоит. Роза — не просто деревенская жительница. В советское время она была без пяти минут кандидатом наук, и руки у неё помнили не только огород, но и скальпель.

— Тяжёлая сочетанная травма... — бормотала Илона, бегая глазами по строчкам немецкого.

— Диффузное аксональное... — Илона не договорила, снова посмотрела в лист. — Тетрапарез бульбарный...

Медсестра выглянула из-за плеча врача и шепнула, глядя на Розу с жалостью:

— Роза-нени, это значит... ну, понимаете, сознания нет. Это вегетативное состояние. Как говорят.

— Апатический синдром, — жёстко перебила её Роза. — Я умею читать.

Медсестра осеклась и отступила. Илона сняла очки, устало потирая переносицу. Теперь врач и Роза смотрели друг на друга как равные. Без сантиментов.

Илона замолчала, задержав взгляд на одной строчке.

— Здесь, — она постучала ногтем по бумаге.

Роза наклонилась, всматриваясь. Несколько секунд она молчала.

— Это старое, — сказала она наконец, но голос прозвучал неуверенно. — До транспортировки.

Илона ничего не ответила. Только посмотрела на неё чуть дольше, чем требовалось.

— Роза, — голос Илоны стал тише и серьёзнее. — Ты знаешь, что это значит. Лучше меня знаешь.

Она хлопнула ладонью по папке.

— Восемь месяцев комы. Шансы на выход тают с каждым месяцем. Это не «сон», Роза. Это когда сердце работает, а человек — нет. Зачем ты привезла её сюда? Ей место в хосписе, а не в частном доме.

Роза стояла у стены, прямая, как струна, вытирая руки стерильной салфеткой.

— В хосписе её не будут ворочать каждые два часа. Здесь у неё есть шанс.

— Какой шанс, Роза?! — врач повысила голос, обведя рукой оборудование. — Господи, ты устроила здесь реанимацию. Ты понимаешь, что это значит?

Илона подошла к аппаратуре, касаясь холодного пластика.

— Дело не в том, чтобы купить или взять в аренду это всё. Ты можешь продать ещё... Всё продать. Дело в обслуживании. Санация трахеостомы — ты готова не спать сутками? Контроль гастростомы. Профилактика контрактур — массаж, гимнастика. Катетеры, риск инфекций...

Врач повернулась к Розе, глядя ей прямо в глаза:

— Ты одна. Тебе не двадцать. Ты берёшь на себя работу целой больницы. Твоя спина сломается через неделю, а твой мозг — от этого гула.

— Я справлюсь, — отрезала Роза. Её голос звучал сухо, без эмоций.

— Расходники закуплены на три месяца вперёд. Антисептики, зонды, фильтры для ИВЛ. Мне нужно от тебя только одно: официальное наблюдение участкового врача. Рецепты на противосудорожные и миорелаксанты. Остальное — моя забота.

Услышав это, Илона не просто замолчала — она горько, нервно усмехнулась, как от плохой шутки.

— Официальное наблюдение? Рецепты? Роза, ты, кажется, забыла, где мы живём.

Врач открыла документы на первой странице и ткнула пальцем в графу с личными данными.

— Посмотри сюда. Гражданство — Австрия. Адрес — Грац. Для венгерской системы здравоохранения этой девочки не существует. Она — призрак.

Илона захлопнула папку. Медсестра вздрогнула. Она стояла у дверного проёма, сжимая перед собой ручки медицинской сумки. Илона подошла к ней и, коснувшись плеча, тихо сказала:

— Подожди в машине.

Дверь тихо хлопнула. Илона повернулась к Розе:

— Я не могу завести на неё карту. У неё нет ТАЈ (номер социального страхования) и нет местного учёта. Без этого я не имею права вести её как пациента и выписывать рецепты на льготных бланках — это сразу всплывёт при любой проверке. А диазепам и баклофен — строгий учёт, Роза. Если я выпишу это «в воздух», на иностранца без страховки, и с ней что-то случится ко мне придут не с жалобой — за лицензией. Ты просишь меня сделать подлог.

Роза стояла неподвижно, её челюсти сжались.

— Я не прошу дотаций. Я заплачу. Я найду, как. Мне всё равно, как это будет выглядеть — только не бросай меня.

— Дело не в деньгах! — Илона сорвалась на крик, но тут же понизила голос, косясь на девочку. — Дело в законе. Если она умрёт... а она может умереть в любую минуту... как я буду писать заключение? «Смерть на дому неустановленного лица, получавшего рецептурные препараты»?

В комнате стало тихо. Слышно лишь шипение ИВЛ: пшш-хууу — звук жизни, который стоил слишком дорого — и не только в деньгах.

— Тебе придется оформлять *megállapodás*, — продолжила Илона. — Сделать ей прописку и закрыть взносы за два года разом. Иначе ТАЈ не активируют.

Роза подошла к врачу вплотную.

— Я сделаю. Но пока ты можешь вести её частно. Я всё оплачу. А если она умрёт... — Роза на секунду запнулась, глядя на внучку. — Я возьму это на себя.

Врач долго молчала. Она смотрела на девочку — бледную, окутанную трубками. Потом перевела взгляд на Розу — на её упрямый подбородок, на руки, которые дрожали, но были сжаты в кулаки.

— Ты разоришься на этом, — тихо сказала Илона.

— Это не твоя забота, — отрезала Роза.

Илона вздохнула, признавая поражение перед этой безумной логикой и принимая на себя этот колоссальный риск.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я выпишу на бумаге. И буду приходить. Но, Роза. Она сложила бумаги в свою сумку.

— Это всё очень зыбко. Если что-то пойдёт не так — ударит по нам обоим.

Илона пошла к выходу и задержалась, бросив взгляд на Розу:

— Я завтра приеду.

Роза кивнула, прикрыв глаза:

— Спасибо.

Врач вышла. Щёлкнул замок. Роза осталась одна.

Она подошла к монитору, проверила сатурацию и поправила контур дыхательной трубки. Долго стояла с закрытыми глазами, едва касаясь пальцами губ. Затем ушла на кухню и щёлкнула кнопкой чайника. Сухой треск разнёсся по всей кухне. Она тут же его выключила, затаив дыхание и вслушиваясь в гул компрессора. Тяжело вздохнула, выпила стакан воды и вернулась к девочке.

Первые ночи были самыми страшными из-за звука. В абсолютной тишине деревенского дома, где раньше скрипели только половицы, теперь царил ритм ИВЛ.

Пшш-хууу. Пшш-хууу.

Роза не могла спать. Она лежала в соседней комнате, но её мозг был подключен к мониторам через стену. Любое изменение тональности компрессора, любой лишний писк заставляли её вскакивать. В какой-то момент она перестала бороться и перенесла кресло в белую комнату. Сидела часами, глядя на грудную клетку внучки.

Вверх-вниз.

Это было не дыхание ребёнка. Это работала машина. Роза ловила себя на мысли, что ей страшно отойти, отвлечься, моргнуть. Ей нельзя пропустить момент, когда трубка забьётся мокротой или изменятся показатели на мониторе. Любовь трансформировалась в функцию: проверить, заправить, слить, поправить.

Раньше кухня Розы была сердцем дома: там пахло тестом, жареным луком, паприкой. Теперь кухня стала лабораторией. Роза перестала готовить для себя. Она ела всухомятку, стоя, на ходу. Зато для Эривы она совершала священнодействия. На столе стояли банки с энтеральным питанием. Роза, как аптекарь, отмеряла дозы, разводила смеси стерильной водой, следила за температурой. Никаких комочков. Идеальная консистенция.

Процесс кормления был самым механическим. Подключить шприц Жане к гастростоме — трубке, торчащей прямо из живота. Медленно, чтобы не вызвать спазм, ввести серую питательную массу. Потом промыть водой. Роза иногда ловила себя на том, что хочет сказать: «Ложечку за маму». Но слова застревали в горле. Кому говорить? Желудку? Она кормила систему пищеварения, а не девочку. И от этого её собственная еда теряла вкус.

В один из вечеров Роза, вымотанная счетами за электричество и управлением «старой библиотекой», стояла над кроватью со шприцем. Обычно она вводила смесь медленно, растягивая процесс на полчаса. Но сегодня, глянув на часы, решила, что ничего страшного не случится, если побыстрее закончить процедуры и выпить чаю. Она ввела смесь в гастростому чуть быстрее обычного. И сразу же, не выждав свои тридцать минут, опустила изголовье кровати, чтобы поменять бельё.

Желудок не выдержал — девочку вырвало. Смесь пошла обратно в дыхательные пути. Эрива не могла откашляться. Она начала булькать, лицо посинело.

Роза застыла от ужаса. Секунда промедления. А потом включился инстинкт. Она рванула Эриву на себя, перевернула на бок, едва не вывихнув ей плечо. Схватила аспиратор, чтобы отсосать жидкость. Дрожащими руками она вводила трубку глубоко, слишком глубоко, царапая слизистую. Аппарат чавкал, вытягивая смесь из дыхательных путей.

— Дыши! Ну же! — кричала она на безмолвное тело. — Только не пневмония, Господи, только не пневмония...

Сатурация упала до 80. Пищал монитор.

Девочка задышала, но хрипела ещё сутки. Роза сидела рядом, не смыкая глаз, слушая каждый хрип, боясь пневмонии. После этого Роза повесила на стену таймер. Больше никогда, ни при каких обстоятельствах, она не опускала кровать раньше чем через час после еды. Она поняла: спешка в этой комнате убивает.

Самое тяжёлое — это чистка дыхательных путей: аспиратор работал громко и противно чавкал. Роза вводила катетер в трахеостому. Тело девочки выгибалось, лицо краснело, из

закрытых глаз текли бессознательные, рефлекторные слёзы. Для Розы это было пыткой. В какой-то момент катетер зашёл слишком глубоко. Эрива дёрнулась. На секунду сатурация прыгнула вниз.

— Чёрт — вырвалось у Розы. Она вытащила катетер слишком резко. Руки дрожали. Этого нельзя было допускать. Никогда.

— Тише, тише, сейчас всё уберем, — прошептала она, но руки действовали жёстко.

Ей приходилось причинять боль, чтобы сохранить жизнь.

После каждой такой процедуры Роза шла в ванную и долго мыла руки, пытаясь смыть ощущение дрожащего под пальцами беспомощного тела. Эрива была худой, но «мёртвый вес» тяжелее живого. Тело, лишённое тонуса, растекается по кровати. Каждые два часа. По будильнику. День и ночь.

Роза выработала технику. Опустить бортик кровати. Подтянуть скользящую простыню. Рывок на себя — поворот на бок. Подложить валики под спину, под колени, под пятки. Она проверяла каждый сантиметр кожи. Малейшее покраснение вызывало у неё панику. Пятнышко на крестце — это враг. Роза мазала, массировала, припудривала.

Её собственные руки огрубели от антисептиков, спина ныла не переставая. Она стала похожа на тень. Но кожа Эривы оставалась чистой, розовой, без единого следа. Роза гордилась этим. Это был её единственный видимый результат.

Пару раз в неделю приезжала приходящая медсестра — сменить катетер, поставить сложные капельницы, помочь искупать целиком.

Для Розы это были странные моменты. С одной стороны — помощь. С другой — ревность. Медсестра была молодой, энергичной, пахла духами и улицей. Она могла громко сказать: «Ну что, красавица, давай мыться!»

Включала радио. Напевала, пока меняла капельницу. Она относилась к Эриве проще. Розу это раздражало. Ей казалось, что медсестра слишком груба, слишком неосторожна.

— Осторожнее с головой! Не тяни так руку! — одёргивала она помощницу.

Когда медсестра уходила, Роза тут же всё переделывала: поправляла складки на простыне, выравнивала трубки под идеальными углами. Никто не мог сделать это так хорошо, как она. Только она знала «язык» этого тела.

Тёмная вода

Месяцы летели — время уже не измерялось календарём. Оно измерялось усталостью.

Роза держалась изо всех сил, но это была не сила — это было постоянное усилие не сорваться. Она монотонно говорила с девочкой, расчёсывала отрастающие волосы, читала ей книги. Часто спала, сидя на стуле у высокой кровати, уронив голову на постель.

В одну из таких ночей в дверь постучали. Точнее, не постучали. В дверь кухни, выходящую на задний двор, поскреблись. Звук был сухой, неприятный, как старая ветка царапает доску.

На дворе стояла дождливая ноябрьская ночь.

Роза, вздрогнув, отложила журнал наблюдений и пошла открывать.

На пороге стояла Мори́ка — старая цыганка, сухая, с чёрными мутными глазами. В деревне её звали «тудош ассонь» — «знающая женщина». Это было древнее, тяжёлое звание. К ней не ходили гадать на женихов. К ней шли, когда коровы начинали доиться кровью, когда ребенок кричал ночами не своим голосом или когда врачи в больнице разводили руками. Её боялись, уважали и обходили стороной, зная: если Мори́ка стоит у твоего порога, значит, беда уже пришла.

Гостя не переступила порог. Она замерла у самого косяка, втягивая носом воздух, пахнущий спиртом и хлоркой. Её лицо исказилось от отвращения и животного страха.

— В дом не войду, — прохрипела она, отшатнувшись. — Тут тесно.

— Что тебе нужно, Мори́ка? — устало спросила Роза. — Уходи.

Мори́ка дёрнулась, будто её ударили словом. Глаза метнулись куда-то за плечо Розы, вглубь дома.

— Ты не видишь? — зашептала она быстро, сбивчиво. — Или не хочешь видеть?

Цыганка наклонилась вперёд, сделав короткий шаг.

— Она пришла не одна, — сказала Мори́ка тише. — Всегда так бывает. Когда кто-то висит между.

— Там никого нет, — жёстко сказала Роза. — Только я и внучка.

— Внучка — Мори́ка сглотнула. — Я не про тело говорю.

Она провела ладонью по груди, будто отгоняя что-то от себя.

— Её душа не держится за этот мир, Роза. А такие тянут за собой.

Роза почувствовала, как кислый запах табака проникает в дом.

— Ты уже слишком близко подошла, — прошептала Роза.

— Ты думаешь, что спасаешь. А на самом деле — Мори́ка осеклась, полезла в складки мокрой юбки и достала тёмный пузырёк.

— Дай, — сказала она почти умоляюще. — Дай ей и отпусти. Чёрная вода. Травы. Пару капель.

— Ты предлагаешь мне убить её? — спросила Роза ровно.

— Прекрати это, — выдохнула Мори́ка. — Не для неё. Для тебя. Для дома.

Она вдруг всхлипнула — коротко, зло.

— Не мешай ей, Роза. Не вытягивай.

Роза смотрела на тёмное стекло. Всего одна ложка. Рука дрогнула, потянулась вперёд и обхватила холодный пузырёк. В этот момент за стеной, в белой комнате, ритмично пшикнул аппарат ИВЛ. Звук был громким в ночной тишине.

Роза подняла глаза на цыганку. Мори́ка тряслась, глядя в темноту коридора. И этот чужой, животный страх перед её девочкой заставил Розу крепко сжать челюсти. Наваждение спало.

— Забери это, — сказала она тихо.

— Она никогда не встанет! — зашипела Морики, пятась под дождь.

Роза шагнула вперёд, под дождь, и схватила цыганку за руку. Её огрубевшие от антисептиков пальцы больно впились в худое запястье.

— Слушай меня. Забери это и запомни.

Роза с силой вложила пузырёк обратно в ладонь Морики.

— Если моя девочка встанет ты сама выпьешь это.

Глаза Морики расширились.

— Ты с ума сошла... — выдохнула она.

— Проваливай, — отрезала Роза.

Морики с шипением выдернула руку, будто обожглась.

— Она заберёт тебя, Роза! С собой заберёт...

Она развернулась и побежала в темноту, бормоча защитные заговоры, прижимая к груди пузырёк, как спасение от того, что жило в доме Розы.

Роза осталась одна. Холодная вода текла по лицу, смывая оцепенение. Смахнув капли со лба, она шагнула обратно в тепло и плотно закрыла за собой дверь.

Пшш-Хууу.

Она долго и тщательно мыла руки. Большой палец с силой скользнул по кончикам остальных. Затем она открыла горячую воду и подставила под струю ладони. Держала до тех пор, пока кожа не покраснела.

Затем проверила девочку и медленно ушла в свою спальню.

Она не зажгла электрический свет. Рука уверенно легла на гладкую поверхность деревянной коробки, спрятанной в глубине ящика.

На кровать легли письма. Стопка бумаги, исписанной летящим, твёрдым почерком. Они были перевязаны тонкой шёлковой лентой. Роза не развязывала узел. Ей достаточно было коснуться его кончиками пальцев.

Она достала старую фотографию.

Роза чиркнула спичкой над бронзовым подсвечником. Маленькое пламя на мгновение выхватило из темноты её лицо — постаревшее, напряжённое. Но когда загорелись свечи, в их тёплом полумраке черты Розы смягчились. Она смотрела на фотографию воспалёнными, сухими глазами. Плечи опустились.

— Ты так мне нужен

Она прикрыла глаза, позволяя ритму аппарата слиться с собственным сердцем.

— С годовщиной тебя.

Пшш-Хууу

Буря

Спустя неделю после визита Морики началась буря.

Не просто гроза — что-то тяжёлое, с порывами ветра, с низким гулом.

Окна дрожали. Свет мигнул. Раз. Потом ещё раз — длиннее, болезненнее. Лампы дневного света затрещали и погасли. Дом погрузился в плотную тьму. В ту же секунду тишину разорвал новый, чужой звук. Пронзительный, непрерывный писк. Это включился ИБП — источник бесперебойного питания. Красный индикатор вспыхнул в темноте.

Щелчок. Гудение. Аппарат ИВЛ тревожно пискнул, сигнализируя о переходе на батарею, но продолжил качать воздух. На дисплее загорелась тревожная оранжевая надпись. Роза выронила шприц. Пластик стукнул о пол, но она этого не услышала.

Её оглушил писк бесперебойника. Он сверлил мозг, ввинчивался в уши. Она кинулась к аппарату. Ей нужно было проверить цифры. Сколько осталось заряда? Двадцать минут? Час? Она смотрела на светящийся экран, но не видела ничего — зелёные и оранжевые символы расплывались. Она не могла их прочитать.

— Нет... нет... — шептала она, хватаясь за холодный пластик стойки. — Куда смотреть? Где цифры? В голове проносились спутанные мысли:

«Генератор, сарай, шнур... Только бы успеть».

Машина вдруг запищала иначе — прерывисто, истерично.

Пип-пип-пип!

Что это? Спазм? Трубка перегнулась? Или это она сама сошла с ума? Роза метнулась к окну. Там, за стеклом, бушевал ад. Ливень стеной. Нужно бежать во двор. В сарай. Дёрнуть шнур стартера. Бензин... есть ли там бензин?

Роза рванулась к тумбочке и схватила телефон. Пальцы скользили по экрану, как по льду.

«Илона» — имя было в избранном. Она нажала вызов. Гудок. Второй.

— Илона, — выдохнула Роза в трубку, и в этот момент дом снова взвыл тревогой. — Свет ИБП он...

В динамике зашипел ветер, связь прерывалась.

— Роза? — донеслось едва слышно. — Роза, ты где?!

— Генератор... — сказала Роза, сама не узнавая свой голос. — Я во двор

И линия оборвалась.

Она сунула телефон в карман халата и на секунду застыла, глядя на кровать.

А если она уйдёт — Эрива задохнётся?

А если не уйдёт — ИБП сядет, и она задохнётся всё равно.

Аппарат стучал: чтак-чтак-чтак, как будто заколачивал гвозди.

Роза сорвалась с места. Дверь распахнулась — и в лицо ударил ветер. Дождь хлестнул, как плеть. Она бежала к сараю на ощупь, в грязи, слыша за спиной в доме чужой вой тревоги. Нашупала ручку генератора, сорвала брезент. Рывок — и шнур вырвался обратно, обжёг ладонь.

Второй рывок. Третий. Генератор кашлянул и замолчал.

— Давай — прошептала она в темноту. — Давай же

Четвёртый рывок — и мотор наконец схватил. Глухой, спасительный гул пошёл по двору. Окна дома вспыхнули. Она обернулась на яркую вспышку: «молния, фары?»

Роза сделала шаг к дому — и только тогда поняла, что не чувствует ног. Мир качнулся. Дождь и темнота смешались. Колени подогнулись. Она попыталась вдохнуть — и рухнула в грязь, прямо под ливнем, не успев ни закричать, ни позвать. Холод вошёл в неё мгновенно — и вместе с ним пришла темнота.

Роза очнулась в кровати, в полутёмной комнате. Рядом сидела медсестра. Лицо её было напряжённым.

— Илона! — позвала медсестра негромко.

Роза не сразу поняла, где она. А потом понимание пришло — как удар.

— Я убила её! — закричала Роза, пытаясь приподняться. — Я убила её! Моя девочка!

Голос был надрывным, чужим, словно кричал кто-то другой. Тело не слушалось, но она всё равно пыталась встать, рвалась вперёд, повторяя одно и то же. На крик из соседней комнаты вбежала Илона. Она сразу обняла Розу, удерживая крепко.

— Готовь шприц, — тихо сказала она медсестре.

И, прижав Розу к себе, начала говорить прямо над её ухом, медленно, чётко, почти по слогам:

— Роза, ты не убила её... Роза, она жива... Она дышит. Сама дышит. Слышишь?

Роза смотрела на неё, не понимая. Реальность распадалась. Слова не доходили. Она всё ещё повторяла:

— Я убила её...

Медсестра перехватила руку Розы и ввела лекарство в вену. Роза забилась, но вскоре препарат подействовал. Тело обмякло. Крик оборвался на полуслове. Илона осторожно подложила под голову подушку и продолжила уже мягче:

— Ты звонила мне. Я слышала сирену и твой голос Ты вышла запускать генератор — и упала у сарая. Мы примчались сразу Всё хорошо, Роза Она дышит. Сама...

Илона стояла у монитора, хмурясь. Она не смотрела на Розу, которая, всё ещё слабая после седативного, полулежала в кресле в углу комнаты. Врач следила за графиком давления на экране ИВЛ.

— Смотри, — тихо сказала Илона, указывая на кривую. — Видишь эти пики? Это не машина. Это попытки триггера.

Она повернулась к Розе.

— Она «дерется» с аппаратом, Роза. Видишь — поршень ещё не пошёл, а диафрагма уже дёрнулась, — голос её звучал жёстко, без ложных надежд.

Роза попыталась встать, но ноги не держали.

— Не трогай, — прошептала она пересохшими губами. — Не рискуй.

— Риск — это держать её на трубке, когда она пытается дышать сама, — отрезала Илона. — Мы сожжём ей легкие давлением. Нужно пробовать. Сейчас. Пока есть этот импульс.

Врач надела свежие перчатки. Щёлкнула резинкой.

— Готовь мешок Амбу, — бросила она медсестре. — Если не раздышится — вернём обратно.

Роза замерла. Илона шприцем сдула манжету трахеостомической трубки.

— Ну, девочка... давай.

Щелчок. Она отсоединила гофрированный шланг от трахеостомической трубки.

И тишина. Больше не было ритмичного «Пшш-Хуу». Из пластиковой трубки в горле девочки не доносилось ни звука. Аппарат молчал. Секунда. Две. Три.

Грудная клетка Эривы оставалась неподвижной. Плоской.

— Дыши... — прошептала медсестра. Монитор запищал. Тревожно, часто.

— Сатурация падает! — голос медсестры сорвался. — Восемьдесят пять... Восемьдесят...

Илона, она не держит! Она синееет!

— Ждем, — сквозь зубы процедила врач, не сводя глаз с горла девочки. — Ещё секунду.

— Семьдесят восемь! Илона, возвращай трубку!

Роза вцепилась пальцами в подлокотники кресла. Ей хотелось кричать, броситься к кровати, растолкать их, но тело было чугунным. Она только смотрела, как цифры на экране летят в пропасть. «Это конец. Я выключилась — и она ушла следом».

— Мешок! — рявкнула медсестра, хватая Амбу, чтобы подключить его к трубке.

— Нет! — Илона перехватила её руку. — Смотри.

Тишину разорвал звук. Не вдох. Тело девочки выгнулось дугой. Рот открылся в немом рефлексорном глотке. А из пластиковой трубки в шее вырвался сиплый, пугающий свист.

А потом — вдох.

Неровный, мучительный, но глубокий. Грудная клетка поднялась. И опала.

И снова поднялась. Цифры на мониторе медленно, неохотно поползли вверх.

— Есть — выдохнула Илона только через секунду. — Захват.

Её лоб блестел от пота.

— Диафрагма работает. Слабенько, но тянет.

Она быстро накинула кислородную маску на трахеостому, и в комнате зашипел тихий поток воздуха.

Медсестра, всхлипывая, вытирала слёзы рукавом. Илона устало опустилась на стул, стягивая перчатки. Роза не плакала и не улыбалась. Она сидела в кресле, глядя на вздымающуюся грудь внучки, и чувствовала пустоту. Огромную, выжженную дыру. Та стальная пружина, на которой она держалась все эти месяцы, лопнула. Она выполнила задачу. Она вытащила девочку с того света. Но сама осталась там — в грязи, под дождём. Она смотрела на живую Эриву и с ужасом понимала: «Я пустая».

Что-то внутри сломалось. И это уже не починить.

Снег и пылинки

Зима 2014/2015 выдалась снежной, но в доме Розы сезоны больше не имели значения. Время больше не считалось сутками. Оно считалось тем, насколько сегодня поддался локоть — и сколько смеси вошло без рвоты.

Белая комната перестала быть реанимацией. Она превратилась в спортзал для одного зрителя и одного атлета. Вместо прежнего монотонного гула аппаратуры здесь теперь царили другие звуки: тяжёлое дыхание Розы, скрип резиновых эспандеров и тихие, неосознанные стоны Эривы, когда бабушка прорабатывала окаменевшие суставы.

В декабре Роза заказала доставку из Печа. Служба проката медицинского оборудования доставила громоздкую коробку. Это была не та огромная каталка-кровать, а лёгкое, маневренное инвалидное кресло с высокой спинкой и фиксатором для головы.

— Вертикализация, — сказала Роза вслух, собирая конструкцию по инструкции. — Мозг должен вспомнить, где верх, а где низ.

Эрива похудела, но её тело было «жидким», непослушным, выскользывающим из рук. Кряхтя и ругаясь сквозь зубы, Роза подложила скользящую доску и перетащила внучку с кровати в кресло. Когда она затянула ремни безопасности и подняла спинку, Эрива впервые увидела мир не горизонтально. Её голова безвольно упала на боковой упор, слюна потекла из уголка рта, но глаза... Глаза вдруг расширились. Угол обзора изменился. Вместо белого потолка она увидела окно, за которым падал мокрый снег.

В тот день сон не пришёл. Она сидела и смотрела на снежинки.

Проклятой пластиковой трубки в горле больше не было. Когда Роза обрабатывала затягивающийся на шее шрам коричневым «Бетадином», она вдруг заметила, как ноздри девочки едва заметно трепещут от резкого запаха йода. Эрива снова дышала носом. Поняв это, Роза начала приносить в белую комнату «мир». Растирала в ладонях хвойные иголки и подносила к лицу девочки:

— Ёлка. Скоро Рождество, моя девочка.

Она чистила апельсины прямо у неё перед носом, брызгая эфирными маслами. Включала радио. Иногда Роза замечала, как ноздри девочки трепещут. Эрива морщилась от запаха уксуса и замирала от запаха ванили. Это была азбука, которой тело отвечало ей: «Я здесь».

Это случилось в феврале, в солнечный морозный день. Эрива сидела в коляске у окна. Солнце било сквозь стекло ярким, плотным лучом, в котором танцевали пылинки. Роза сидела рядом на низком табурете, разминая пальцы внучки. Каждый палец по отдельности — согнуть, разогнуть, покрутить. Рука Эривы была вялой, как тесто.

Роза на секунду отвлеклась, чтобы поднять упавшее полотенце. А когда подняла голову, замерла.

Рука девочки, лежавшая на подлокотнике, поднялась. Не высоко — всего на пару сантиметров. Она дрожала мелкой, противной дрожью, двигалась рывками, хаотично, как сломанный механизм. Это не было судорогой — в этом было намерение, пусть и крошечное. Она двигалась сама. Эрива пыталась поймать солнечный луч. Или пылинку. Её взгляд, обычно расфокусированный, «плавающий», вдруг собрался в точку. Зрачки сузились. Пальцы растопырились, пытаясь схватить воздух.

— Давай... — прошептала Роза, боясь дышать. — Тянись, милая. Тянись.

Рука упала обратно на подлокотник с глухим стуком, силы кончились. Но Роза увидела главное: импульс прошел. Где-то там, в глубине повреждённого мозга, кто-то нажал на рычаг.

С того дня Роза стала одержимой. Если раньше она просто сохраняла тело, то теперь она начала его тренировать. Она купила утяжелители. Она заставляла Эриву держать ложку, пусть та и выпадала через секунду. Она часами разговаривала с ней, требуя реакции: «Посмотри

на меня. Если слышишь, моргни». И иногда Эрива моргала. Не всегда, с задержкой в десять секунд, но моргала.

К марту Роза поняла: стены давят. Девочка начала беспокоиться, мычать по ночам, её взгляд метался по комнате, ища выхода.

— Тебе тесно, — констатировала Роза, вытирая пот со лба после очередной гимнастики. — Ты хочешь наружу.

Роза посмотрела на календарь. В конце весны в деревне традиционный праздник упряжек. Лошади. Имре любил их. Эрива любила их в той, другой жизни.

— Хорошо, — сказала она решительно. — Мы пойдем. Но ты должна держать голову. Слышишь? Мы будем тренировать шею.

И они тренировались. Роза — с упрямством тренера, Эрива — с покорностью куклы, которая очень хочет стать человеком.

Вместе с первыми оттепелями, когда воздух перестал пахнуть стерильностью и наполнился запахом мокрой земли, во двор вернулась жизнь. Роза решила, что мёртвая тишина снаружи больше невыносима. Клетки в сарае, пустующие почти год, снова заполнились. Теперь там шуршали, грызли и топали новые жильцы — два десятка кроликов.

Вслед за кроликами во дворе появился Аарон. Он вызвался сам — или, может быть, мама подсказала ему, что у Розы-нени спина уже не гнётся. Как бы то ни было, пару раз в неделю ворота приоткрывались, и Аарон, повзрослевший и вытянувшийся за зиму, заходил внутрь. Он таскал тюки с сеном, менял воду, выгребал грязную подстилку и засыпал полы свежими опилками, запах которых перебивал даже больничные ароматы дома.

Но его помощь была лишь половиной правды. Каждый раз, проходя с охапкой сена мимо крыльца, Аарон замедлял шаг. Его взгляд магнитом тянуло к входной двери. Если она была приоткрыта для проветривания, он вытягивал шею, пытаясь заглянуть вглубь тёмного коридора. Туда, где в конце светился прямоугольник той самой белой комнаты.

Его тянуло туда любопытство и страх. Что там? Живой человек или кукла, опутанная проводами? Иногда ему казалось, что он видит движение — тень коляски, блеск металла, профиль Розы, склонившейся над кем-то. Но он тут же отводил глаза, боясь быть пойманным за подглядыванием.

В конце апреля 2015 года привычный ритм нарушился ещё у ворот. Подходя ко двору с охапкой свежей травы, Аарон замер — у ворот Розы темнел чужой автомобиль. Дорогой седан, запylённый дорогой, с австрийскими номерами.

«Опять что-то продаёт? — мелькнула у Аарона циничная мысль. — Разве у неё ещё осталось что продавать? Кроликов? Старую мебель? Или сам дом?»

Дверь дома распахнулась, и на крыльцо вышли двое. Они не были похожи на покупателей. Розы рядом не было. Женщина — тонкая, высокая и болезненно стройная. Её глаза бегали нервно, испуганно. Мужчина шёл за ней следом. У него была странная, рваная походка, но взгляд Аарона приковало другое: левая рука мужчины висела вдоль тела неестественно, мёртвым грузом. Она болталась при ходьбе, как привязанная верёвками к плечу. Им обоим было не больше тридцати пяти, но лица у них были серые, как после бессонной недели.

— Geh nicht... — хрипло позвал мужчина, пытаясь здоровой рукой удержать женщину за локоть.

— Nein! Ich kann nicht!

Она вырвала руку. Резко, брезгливо. Слезы текли по её щекам сплошным потоком, смывая косметику, но она даже не пыталась их вытереть. Они говорили на немецком — быстро, захлёбываясь эмоциями, перебивая друг друга. Аарон учил язык в школе, но этот поток разобрать было трудно. До него долетали лишь обрывки: что-то про пустую жизнь и вину — «Leben», «Schuld»...

Мужчина снова потянулся к ней, в его жесте было столько отчаяния, что Аарону стало не по себе. Женщина оттолкнула его, и тут её взгляд упал на мальчика с травой, застывшего у калитки.

Она вздрогнула. Увидев свидетеля, она поспешно, почти стыдливо вытерла лицо ладонью, сторбилась и, не сказав больше ни слова, прошла мимо него к машине. Хлопнула дверь пассажирского сиденья. Мужчина остался стоять один посреди двора. Он метался, делая шаг то к машине, то к дому, не зная, как поступить. Его лицо исказила гримаса боли. Он достал из внутреннего кармана пиджака плотный конверт. Сделал шаг к двери, замер. Затем резко развернулся и сунул конверт в щель почтового ящика на заборе, после чего сел за руль.

Двигатель взревел. Машина дёрнулась с места резко. Шины коротко взвизгнули по асфальту, и через секунду автомобиль исчез за поворотом. Тишина вернулась во двор, но теперь она была тяжёлой.

Аарон подошёл к забору и вытащил из щели плотный белый конверт.

— Роза-нени! — неуверенно позвал он, глядя на пустой проём двери.

Роза вышла не сразу. Взгляд был пустым, расфокусированным, направленным куда-то поверх головы Аарона, а тело едва заметно покачивалось.

— Аарон? — её голос был похож на шелест сухой травы.

Она перевела взгляд на мальчика, но в глазах не было узнавания.

— Вам оставили, — сказал Аарон, протягивая конверт. — В почте.

— Здравствуй... Какая почта?

Она взяла конверт из рук Аарона, даже не взглянув на бумагу, и вдруг что-то в её лице изменилось. Туман в глазах немного рассеялся, уступив место странной, пугающей решимости.

— Зайди в дом, — почти прошептала она. — Я тебя познакомлю кое с кем.

У Аарона пересохло во рту, а ладони стали мокрыми. Ноги вдруг стали тяжёлыми. Он бросил траву на землю и сделал неловкий, первый шаг к своей тайне. Роза кивнула ему на дверь. Аарон вытер влажные ладони о штаны, разулся и шагнул в полумрак коридора. Он шёл за ней, чувствуя, что проникает туда, куда вход простым смертным был заказан.

Она открыла дверь в ту самую комнату. Здесь больше не пахло больницей. Воздух был густым, сладковатым и пряным — смесь лаванды и аниса.

— Это моя девочка, — голос Розы звучал мягко. — Не пугайся. Ну же, смелее.

Мальчик сделал шаг. Тихо играла музыка.

Аарон инстинктивно повернулся к источнику звука. На комодe стоял небольшой плоский монитор. На экране медленно проплывали горы, укутанные туманом и мягким хвойным лесом. Посреди комнаты, спиной к нему, стояло кресло на больших колесах. Высокая спинка скрывала сидящего, но Аарон увидел волосы. Светлые, они водопадом переливались через подголовник. Роза заплела их в десятки тугих, аккуратных косичек. Каждая косичка заканчивалась маленькой заколкой-цветком.

Это выглядело красиво и жутко одновременно.

Сердце Аарона провалилось куда-то в живот. Он вдруг остро, до физической боли ощутил свою неуместность. Стерильная чистота комнаты давила на него. Он почувствовал, как по спине, под рабочей футболкой, потекли струйки — не просто пот, а потоки ледяной воды. Ему казалось, что от него разит сеном, кроличьим навозом и пылью. Он скосил глаза вниз и с ужасом увидел, что его несвежие носки оставляют на идеальном белом полу влажные, грязные следы. Он хотел сбежать, исчезнуть, стереть себя из этой белизны. Но Роза подошла к креслу и медленно развернула его.

— Это Эрива, — произнесла она.

Аарон поднял глаза и перестал дышать. Перед ним сидела «она». Лицо было тонкое и слишком бледное. Глаза — огромные, голубые — были открыты, но не цеплялись ни за что. Они смотрели не на Аарона, а сквозь него — куда-то за пределы стен, за пределы Венгрии, за

пределы Земли. В них не было ни узнавания, ни интереса. Она была похожа на ангела, который забыл, как быть человеком.

Роза поправила выбившуюся прядь у лица девочки, коснувшись щеки с невероятной нежностью. Её рука застыла.

— Она жила на небе, — тихо выдохнула Роза. — Теперь она со мной. Кроме меня у неё никого не осталось.

Она перевела тяжёлый, влажный взгляд прямо в глаза Аарону.

— Ты ведь никому не расскажешь?

У Аарона язык прилип к нёбу.

— Нет. Не расскажу... — еле слышно прошептал он.

Его пугали собственные мысли. «Жила на небе», — крутилось у него в голове. Он, конечно, не верил ни в каких ангелов. Но в то, что эта девочка — вообще не отсюда, не из их мира, поверил сразу.

Аарон брёл домой по обочине дороги, не разбирая пути. Он сжал кулаки, чувствуя тяжесть ответственности, которая легла на его худые плечи.

— С неба... — прошептал он ветру, оглядываясь на закрытые ворота.

Праздник упряжек

Май 2015 года был жарким. В тот день в деревне проводили фогатхайташ — традиционные соревнования упряжек. Воздух в деревне дрожал от зноя и пыли. Где-то вдали тревожно ржали лошади. Для местных это было событие масштаба Олимпиады. Когда-то, в прошлой жизни, Имре и Роза были завсегдатаями этого праздника. Он — в расшитом жилете и шляпе с фазаньим пером. Она — в строгом сером платье, с прямой спиной и гордым взглядом. Их помнили именно такими — красивыми, летящими в пыли.

Сегодня Роза снова вышла в люди. Поддавшись уговорам Аарона, который поклялся быть её тенью и щитом, она решилась.

«Только на полчаса, — шептала она, сжимая ручки коляски. — Только проверить реакцию».

Они не стали спускаться в котловину, к эпицентру праздника, где стояли пёстрые шатры, где пахло лангошем, пивом и свежим конским навозом, где гремела музыка и кричал в микрофон комментатор. Роза и Аарон устроились на холме — чуть поодаль, на краю зелёного луга, в тени старых орехов.

Эрива полулежала в коляске. Для неё этот шумный, яркий мир был хаосом. Её взгляд, обычно расфокусированный, теперь метался, цепляясь за лица прохожих, деревья, облака. Иногда её руки — тонкие, белые, дрожащие — поднимались в воздух и тянулись к чему-то, видимому только ей.

Позади раздался деликатный, сдержанный кашель.

— Пишта-бачи! — Роза обернулась мгновенно, строго, но тут же её лицо смягчилось, глядя на спутницу старика.

Рядом с конюхом стояла белая пони. Коренастая, с густой чёлкой, она больше напоминала большую добрую собаку, чем лошадь.

— Csókolom, — выпалил Аарон чуть громче, чем хотел.

— Добрый день, Роза. Здравствуй, Аарон, — мужчина почтительно наклонил голову, сняв шляпу.

— Хотите... я подведу к вам пони? — голос старика дрогнул, но в глазах светилась упрямая доброта. — Говорят... говорят, животные лечат.

— Нет. Нет! — Роза отрезала резко. — Как вы себе это представляете? Исключено.

Пишта-бачи не отступил. Он лишь положил ладонь на холку пони, успокаивая животное.

— Роза, — произнёс он мягко. — Я же не в седло прошу. Не галопом. Просто... дать подойти. Понюхать. Коснуться носа. Лошадка мягкая, как пуховая подушка. И теплая.

Роза сжала губы в тонкую линию.

— Девочка ещё слаба. Она не понимает, где находится. Вы хотите, чтобы она испугалась? А если спазм?

— Никто не уронит, — тихо возразил Пишта-бачи. — Я держу крепко. Двадцать лет с ней дети возятся. Она спокойная.

Аарон шагнул вперёд, заслоняя собой коляску.

— Роза-нени... Я встану рядом. Я буду держать руки. Мы не трогаем её... просто подведём пони. На секунду. Если Эрива дрогнет — Пишта-бачи сразу уйдёт.

Роза медленно перевела взгляд с Эривы на Аарона, потом на старика.

— Ты не понимаешь, — прошептала она. — Она плавает. Её тело не слушается.

— Живое тепло никому не вредило, Роза, — мягко перебил Пишта-бачи. — Пусть просто подышит рядом.

Роза посмотрела на Эриву. Девочка сидела неподвижно, пальцы мелко дрожали на подлокотнике.

— На расстояние ладони, — наконец произнесла она. — Ни сантиметром ближе. И Аарон страшует.

Пишта-бачи улыбнулся:

— Как скажете, Роза.

Он чмокнул пони, и та сделала шаг. Мягко, бесшумно ступая копытами по траве.

Пони остановилась ровно на расстоянии ладони. От неё пахло сеном и молоком. Она опустила голову и шумно, влажно выдохнула. Аарон стоял сбоку, поддерживая запястья Эривы, готовый в любой момент отдёрнуть их.

— Вот так... молодец, — шептал Пишта-бачи. — Понюхаешь?

Пони вытянула шею. Её бархатный, подвижный нос осторожно коснулся кончиков пальцев Эривы. Тёплый пар дыхания обдал бледную кожу.

Роза резко вдохнула. Этот запах... Запах шерсти, кожи, разогретого тела. Этот запах ударил её, вернув на тридцать лет назад, в объятия Имре, в дни, когда счастье было таким простым.

И тут Эрива дёрнулась. Не спазмом. Не судорогой. Это было тонкое, осознанное движение. Её пальцы, до этого скрюченные, вдруг раскрылись веером. Она попыталась поймать этот тёплый нос. Голова девочки медленно повернулась. Взгляд, блуждавший в пустоте, сфокусировался на белой морде. Губы дрогнули.

— Она реагирует... — выдохнул Аарон. — Видите?

Роза не ответила. Она смотрела.

Пони вытянула шею ещё немного и мягко ткнулась бархатным носом в ладонь Эривы. Потом переступила копытами и прижалась тёплым боком к коляске. Эрива потянулась всем телом. Дрожь в руках исчезла, сменившись жадным напряжением. Роза выдохнула. Плечи её опустились.

— Господи... — прошептала она.

Она подошла к коляске. Движения стали быстрыми, точными.

— Расстегни ремни, — скомандовала она Аарону. — Положим одеяло ей на спину.

— Роза-нени? — Аарон опешил.

— Помоги мне. Держи под таз и под грудь. Она лёгкая.

Она расстелила мягкое дорожное одеяло на широкой спине пони. Вдвоём, с предельной осторожностью, они подняли Эриву из кресла. Девочка не сопротивлялась. Она была мягкой, податливой. Они осторожно переложили её поперёк широкой спины пони, животом вниз. Руки и ноги девочки безвольно свесились по бокам. Роза встала вплотную, придерживая её за плечи и таз, не давая соскользнуть.

Эрива закрыла глаза. Тело перестало звенеть натянутой струной. Плечи расслабились. Сжатые в кулаки пальцы разжались, касаясь густой, тёплой гривы. Девочка обмякла, растеклась по тёплой спине животного, принимая его форму. Роза стояла рядом, придерживала и чувствовала, как под её ладонью выравнивается дыхание ребёнка. Вдох пони — вдох девочки. Выдох животного — выдох ребёнка. Они дышали одним воздухом.

— Что же я делаю — снова прошептала Роза.

— То, что подсказывает сердце, — тихо ответил Пишта-бачи.

Мир вокруг исчез. Шум соревнований, крики толпы, музыка — всё превратилось в далекий, неважный гул. Эрива медленно приоткрыла глаза. Роза не выдержала — слеза скатилась по её щеке, но она не стала её вытирать. Она наклонилась ближе:

— Молодец, моя девочка. Держись. Ты возвращаешься.

Пони качнулась, переминаясь с ноги на ногу. Внизу, на поле, толпа взорвалась аплодисментами — кто-то выиграл кубок. Но настоящая победа случилась здесь, в тени деревьев.

Аарон посмотрел на Розу:

— Может, останемся подольше?

Роза посмотрела на праздник внизу. На людей, которые жили, любили и смеялись. Потом на Эриву, чьи бледные щёки впервые тронул слабый румянец.

— Может быть, — ответила она.

Маятник

— Ну! Давай же! Куда тебя несёт? — Аарон с силой дёрнул пластиковый руль, привинченный к краю стола. — Чёрт!

— Не ругайся в доме! — донеслось с кухни, перекрывая звон посуды. — Аарончик, заканчивай свои гонки. Подойди-ка сюда.

— Ну щас, ма! — огрызнулся он, пытаясь выровнять виртуальную машину. — Дай круг доехать!

— Аарончик! — в голосе матери зазвенели те самые нотки, с которыми спорить было бесполезно.

— Блин, мам, ну я опять слил из-за тебя! — он с досадой ударил по столу, сорвал наушники и, шаркая ногами, поплёлся на кухню.

Там пахло яблоками и чем-то жареным. Мать вытирала руки о передник и посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом.

— Что-то ты грубый стал. Взрослый, да? Колочий, как ёж.

— Иду, — буркнул Аарон, глядя в пол. — Чего надо-то?

— Сходи к тётке Розе. Помощь ей нужна. Что-то тяжёлое привезли, сама не справится.

Аарон вздохнул, пошёл в коридор и стянул с полки кроссовки.

— Опять к этой чокнутой бежишь? — насмешливо протянул его друг Петер.

Он развалился на диване с телефоном, как на троне, и даже головы не поднял — только криво усмехнулся.

— Посмотри на него, — хмыкнул Петер. — Стоит Розе свистнуть, ты как верный пёс — уши прижал и побежал. Ты же знаешь, она ку-ку.

Он покрутил пальцем у виска.

— Пацаны видели: она с пустой коляской гуляет. Разговаривает, поправляет одеяло А там пусто! Совсем бабка умом поехала.

Аарон замер с кроссовком в руке. Внутри поднялась горячая волна — не только злость, но и стыд за то, что он сейчас промолчит. Хотелось врезать Петеру. Или вывалить правду про «девочку с неба» и её голубые глаза. Рассказать, что под одеялом не пусто — там жизнь, настолько тонкая и прозрачная, что она просто теряется в складках ткани. Напомнить этим дурням, что настоящая боль не обязана быть заметной. Но он сдержался.

— Не говори так про неё, — тихо, но жёстко сказал Аарон, затягивая шнурки. — Нельзя болтать о людях, если ни черта о них не знаешь.

Он хлопнул дверью и вышел в тёплый сентябрьский вечер.

Эриве скоро десять.

11 сентября — первый юбилей, который она встретит не в темноте, а как человек. Пусть и поломанный.

Аарон знал: она меняется. Её мозг, как сломанный приёмник, начал ловить волны.

Иногда это были вспышки — короткие, как молния. Она угадывала приход Розы за секунду до того, как открывалась дверь. Иногда вдруг задерживала взгляд там, где раньше просто скользил.

Но чаще это были «шторма». Накрывало внезапно. Речь, обычно отсутствующая, прорывалась потоком рваной, бессвязной тарабарщины. В этом бреде Аарон иногда различал жёсткие немецкие слова. Прошлое выходило из тела как заноза. Иногда она просто сидела, сосредоточенно елозя пальцем по столу, выводя невидимые узоры, едва удерживая тяжёлую голову. А иногда в тишине дома раздавалось тихое, пугающее своей пустотой:

— Бу Ня

Аарон к этому привык и больше не боялся. Он был тем, кто видел, и потому молчал.

— Csókolom! — громко крикнул он, входя в прохладный полумрак дома Розы.

— Аарон, мальчик? — Голос донёлся из глубины. — Проходи, спаситель.

Комната, которая когда-то была белой и стерильной, теперь стала обжитой: тренажёры, коврики, деревянные перекладки, коробки. Здесь пахло уже не больницей — пахло домом.

Играла музыка. Из колонок лились рок-баллады девяностых — медленные, с гитарой, которую невозможно не узнать. Роза сидела на полу, в окружении картона и пенопласта.

— Помоги разобраться, — она устало улыбнулась, отбросив со лба седую прядь. — Привезли вот «сенсорный гамак», так написано. Пишта-бачи крюки в потолок уже вбил, дай бог ему здоровья, а вот как эту паутину собрать

В коробке лежал ворох канатов, блестели карабины, мягкие валики и деревянные перекладки.

— Это для вестибулярного аппарата, — бормотала Роза, сверяясь с инструкцией. — Раскачивание успокаивает. Мозг учится чувствовать гравитацию. Ей должно понравиться.

Аарон опустился рядом.

— Давайте сюда, — он перехватил у неё схему. — Тут всё просто. Это сюда карабин в кольцо узел — вот так.

Пока он собирал конструкцию и продевал канаты в отверстия, он косился на кресло в углу. Там сидела Эрива. Она смотрела в одну точку. Лицо то кривилось, будто от кислого, то разглаживалось в подобии улыбки. Музыка, казалось, держала её лучше ремней.

— Готово, — Аарон потянул за канат, проверяя узел. — Подержите стул, я прицеплю.

— Ой, что бы я без тебя делала, — выдохнула Роза.

Когда гамак-качели повисли посреди комнаты, они аккуратно, вдвоём, пересадили туда Эриву. Кокон обнял её со всех сторон. Роза вложила тонкие руки внучки в петли и подтянула валики.

— Держись, — шепнула она и осторожно качнула.

Вперёд. Крюки под потолком натужно скрипнули.

Назад. Дом отозвался тихим стоном балок.

Вперёд. Назад.

Аарону показалось, что крыша сейчас не выдержит — рухнет под весом этого лёгкого тела. Но балки держали. Эрива перестала гримасничать. Мир качался, гравитация менялась. Она закрыла глаза. Напряжение ушло из плеч, из шеи, из пальцев. Не было страха, не было «бу» и «ня». Был ритм, как полёт. Она раскачивалась посреди комнаты под гитарное соло. Аарон стоял рядом, замороженный этим маятником.

— Роза-нени — спросил он тихо, боясь нарушить момент. — Пацаны болтают говорят, вы уезжаете.

Роза не отвела взгляда от качающегося кокона.

— Кто тебе сказал?

— Ну слышал. Говорят, вы этот дом продаёте.

Роза на секунду замерла. В предзакатном свете её лицо вдруг показалось Аарону очень старым.

— Дом... — повторила она эхом. И добавила: — Да. Продаю, мальчик. Мы переедем.

— Куда? — Аарон похолодел.

— В старую библиотеку. Наверх, в одну из квартир. Арендаторы съезжают, место освобождается.

Аарон вспомнил библиотеку: облупленный фасад, крутая узкая лестница на второй этаж.

— Но Роза-нени — он запнулся. — Там же лестница. Высокая. Как вы с ней? Вы же надорветесь!

Он смотрел на неё с ужасом и вдруг понял простую вещь: продажа дома — это вынужденный шаг. Значит, деньги кончились. Всё ушло на оборудование, на лекарства, на эти крюки

и канаты. Роза усмехнулась — горько, но спокойно. Подошла к качелям и снова мягко толкнула, поддерживая ритм.

— Ну как справлюсь? — сказала она. — Справлюсь. До этого же как-то справлялась.

Она повернулась к Аарону и подмигнула.

— Вот и сейчас с твоей помощью. Как-нибудь справимся, Арчи. Главное, что мы живы. Качели скрипнули. Вперёд. Назад.

Аарон уже был у калитки, когда Роза окликнула его. Она торопливо спустилась с крыльца, держа бумажный пакет, от которого сладко пахло нагретыми солнцем фруктами.

— Постой, Арчи!

Она потянулась в карман передника и достала сложенную купюру — две тысячи форинтов.

— Вот, возьми. Это тебе на конфеты. Или на интернет.

— Нет, что вы, Роза-нени! — Аарон отшатнулся, заложив руки за спину. — Не нужны мне деньги. Я не за деньги помогал.

Роза растерянно смяла купюру пальцами.

— Ты мне так помогаешь — пробормотала она. — Ты так много для нас делаешь, мальчик. Мне неловко.

Аарон кивнул на пакет.

— А вот за персики — спасибо. Я их люблю. У вас они самые сладкие в деревне.

Роза с облегчением сунула ему пакет. Аарон тут же, не отходя от калитки, выудил один плод, неуклюже вытер о футболку и с хрустом надкусил. Сок брызнул и потёк по подбородку.

— М-м-м! — промычал он с набитым ртом.

Жуя, он вдруг стал серьёзным.

— Знаете, Роза-нени на Ютубе сейчас полно таких видео, — он проглотил и заговорил с жаром. — Ну, добрые пранки. Где люди помогают просто так. Бабушку через дорогу переводят, чек кому-то на кассе оплачивают Еду покупают и раздают.

Роза смотрела на него с лёгким удивлением.

— Я к чему, — Аарон замялся, подбирая слова. — Говорят, карма — как банк. Вклады-ваешь добром. А потом, когда прижмёт, оно возвращается.

Он смачно облизал сок с пальцев.

— Кто что вложил — тот то и снял. Понимаете?

Роза посмотрела на него долгим, внимательным взглядом. С липким от персиков подбородком он казался совсем ребёнком, но рассуждал сейчас на удивление по-взрослому.

— Знаешь, Аарончик — сказала она тихо. — Ты хороший. Редкий. Таких мало.

Она помолчала и вдруг усмехнулась, глядя на его футболку с принтом гоночной машины.

— Тебе, знаешь, в полицию надо идти.

— В полицию? — Аарон поперхнулся.

— А что? Будешь людям помогать — это раз. Зарплата стабильная — это два. И будешь гоняться на служебной машине за всякими с мигалками. Вот тебе и ралли. Вот тебе и карма.

Аарон перестал жевать. Его глаза расширились.

— Отличная идея, Роза-нени, — протянул он медленно. — Я даже никогда об этом не думал. Гоняться за бандитами, говорите?

Его взгляд замер. Казалось, он уже мысленно прикручивает мигалку к крыше своей машины.

— Кто бы мог подумать, — хмыкнул Аарон.

Он толкнул калитку бедром, вышел на улицу, обернулся уже с той стороны забора и весело, с набитым ртом крикнул:

— Чо-ко-лом, Роза-нени! Ням-ням Спасибо!

Роза осталась стоять во дворе, глядя ему вслед. Она улыбалась — искренне, впервые за очень долгое время. Аарон ушёл, и двор снова стал тихим. Осень ещё держала тепло, но уже пахла дымом и мокрой землёй.

Потом дни потекли ровно. Роза звала редко — только когда нужно было поднять, закрепить, донести. Аарон приходил, делал и уходил, не задавая лишних вопросов.

Спустя месяц в такой же тёплый вечер он снова оказался у магазина.

Запах дома

Аарон, наскоро попрощавшись с друзьями у магазина, попятился в сторону дороги. Он уже почти сделал шаг прочь, когда увидел то, от чего внутри неприятно отозвалось: знакомый седан с австрийскими номерами стоял на стоянке.

Прислонившись к капоту, стояла та самая женщина. Носком сандалии она лениво гоняла по асфальту камушек. Из магазина вышел мужчина с корзиной. Аарон сразу узнал его по руке: одна — нормальная; другая — странная, болтающаяся у бедра.

Женщина не повернулась. Он подошёл ближе. Она подняла лицо — пустые глаза в глаза — и, не проронив ни слова, дала ему пощёчину. Молча.

Мужчина дёрнулся, но не ответил. Она ударила ещё раз — уже в грудь, двумя руками, коротко. Он поставил корзину на землю и прижал женщину к себе. Она затряслась, уткнувшись ему в плечо. Без звука, только плечи ходили ходуном.

Из машины донёсся детский плач.

Женщина рванулась, открыла заднюю дверь и почти нырнула внутрь. Мужчина поднял покупки и медленно, одной рукой, переложил их в багажник. Плач утих. Он вернул пустую сетку к входу и молча сел за руль. Седан тронулся и ушёл с парковки — в сторону города.

Аарон постоял ещё секунду, потом развернулся и пошёл — медленно, пиная гравий.

Он был почти уверен: они были у Розы и это пахло бедой.

У калитки Розы он замедлил шаг. Дом стоял тихо, только в тени сарая шуршали кролики. Дверь оказалась незапертой.

— Роза-нени — неловко окликнул он, входя. — Это я.

Роза вышла не сразу. Когда она появилась в проёме кухни, лицо у неё было серым. Она молча кивнула:

— Проходи.

Аарон машинально шагнул ближе и бросил взгляд в сторону комнаты Эривы.

Качели, висевшие посреди комнаты, едва заметно покачивались — остаточная инерция. Внутри, свернувшись калачиком в позе эмбриона, спала девочка, укрытая пледом. Она выглядела безмятежной — в отличие от всех остальных в этом доме.

Аарон прошёл на кухню. Роза стояла у стола, спиной к нему. Перед ней лежала гора луковиц.

— Роза-нени — начал он, чувствуя, как пересыхает в горле. — Я там, возле магазина видел машину. Чёрную. Австрийские номера. И тех людей.

Роза замерла. Она не обернулась, только схватила нож.

— Злой лук в этом году, — глухо сказала она. — Ужасно злой.

Стук ножа по деревянной доске разорвал тишину.

Тык-тык-тык.

Роза шинковала луковицу с яростью, с ожесточением. Кольца летели в стороны.

— Я видел, как они — тихо добавил Аарон. — Как женщина Ребёнок в машине плакал.

Нож застучал быстрее. Тык-тык-тык — уже без пауз. Резкий, едкий запах лукового сока мгновенно заполнил кухню. Роза шмыгнула носом. Потом ещё раз. Плечи затряслись.

— Глаза щиплет — прохрипела она, смахивая слёзы тыльной стороной ладони, в которой был зажат нож. — Невозможно просто

А потом она вдруг бросила нож. Он звякнул об стол. Роза опёрлась руками о столешницу, опустив голову, и тихо сказала:

— Это моя дочь.

В кухне повисла тяжёлая пауза.

— А мужчина Эрик.

Роза помолчала.

— Они были здесь, Аарон. Опять. Зашли на несколько минут. Постояли у качели. Лиора даже коснуться её побоялась. Как будто — она шмыгнула, делая резкий вдох. — Будто она заразная. Или мёртвая

Голос дрогнул — и сразу же стал ровнее.

— Они слабые. Горе их сломало. Они пытаются жить дальше, а эту жизнь оставили здесь. И знаешь что? — Роза выпрямилась. — Нас с тобой ломать нельзя. Нам ещё лук жарить.

Она сунула ему в руки миску, полную белых колец.

— Держи. Сейчас в муке обваляем, в масле зажарим. Будут хрустящие кольца.

Роза зажгла газ. Сковорода с маслом зашипела. Она бросила первую горсть лука.

— Перемешивай панировку, — скомандовала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Сейчас похрустим.

Густой, сытный, дразнящий запах жареного лука поплыл по кухне, вытесняя вонь лекарств и тяжёлый осадок от визита. Запах дома, запах жизни. И в этот момент, сквозь громкий треск масла, послышался звук: тихий, скрипучий, словно ржавая петля.

— «А... ня»

Роза замерла с шумовкой в руке. Масло начало брызгать на плиту, но она не замечала. Аарон перестал мешать муку. В доме стало тихо, только на сковороде трещало масло.

— А... ня...

Звук доносился из комнаты. Роза и Аарон переглянулись. Лицо Розы побледнело. Аарон машинально крутнул ручку газа, выключая конфорку. Они сорвались с места одновременно, толкаясь в дверном проёме. Качели висели неподвижно. Эрива лежала, свернувшись под пледом. Роза схватилась за косяк, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле.

— Показалось? — прошептала она одними губами. — Господи, ветер скрип

Но тут ресницы девочки дрогнули. Она медленно, с огромным усилием, поднимая тяжёлые веки, открыла глаза. В них не было мутной пелены — только ясный, осмысленный взгляд. Эрива смотрела на Розу. Она вдохнула запах жареного лука, сглотнула вязкую слюну и произнесла единственные звуки, похожие на язык этого дома: «Ануа» (Мама).

— А... — выдохнула девочка.

Роза закрыла рот рукой, перепачканной в муке, и медленно опустилась на колени.

— Ня... — снова позвала Эрива.

Её рука, лежащая поверх одеяла, дрогнула. Пальцы мелко, хаотично затряслись, пытаясь оторваться от ткани. Она не смогла поднять руку — сил не было. Но она смогла развернуть ладонь. Роза поползла к ней на коленях, не чувствуя пола. Она накрыла эту слабую, дрожащую ладонь своей рукой и прижалась к ней щекой, мокрой от слёз. Она приняла этот груз и эту ложь, которая стала единственной правдой.

— Я здесь, — прошептала она по-венгерски, глядя тонкие пальцы. — Я здесь. Аня здесь.

Аарон стоял в дверях, прижавшись плечом к косяку, весь в белой муке. Он смотрел, как старая, несгибаемая женщина плачет, уткнувшись лицом в худую ладонь.

Прошёл месяц, и дом сменил запах.

К концу октября последние птички клинья прошумели над крышей, унося с собой тепло, и впервые за полгода в камине затрещали дрова. Он оживал после спячки неохотно: огонь жадно слизывал летнюю пыль, старую паутину и сухие осиные гнёзда в дымоходе. Дом наполнился специфическим, кисловатым запахом дыма.

Сегодня в доме царил Моцарт: Адажио плыло по комнатам. Илона, сидящая за столом с картой пациента, на секунду прикрыла глаза, растворяясь в музыке:

— И динамика положительная. Точка.

Она с нажимом поставила точку в конце страницы и щелкнула ручкой.

— Ну что? — сказала она вслух, закрывая папку. — Да, моя хорошая? Всё верно.

Она кивнула девочке, сидящей напротив в кресле. Голова Эривы покоилась на боковой поддержке, а перед ней, на пристёгнутом к подлокотникам столике, лежали два кубика LEGO Duplo. Высунув от усердия кончик языка, Эрива пыталась соединить их. Её пальцы дрожали, движения были угловатыми, прерывистыми. Закусив губу, она упрямо давила на пластик, пока не раздался победный щелчок — конструкция держалась.

— О, какие щёчки розовые, — улыбнулась Илона. — Всё, Роза. Это мой последний визит. Я закрываю домашнее наблюдение.

Роза, стоявшая у окна и смотревшая на облетающий сад, резко обернулась.

— Как закрываешь?

— Вас передают в реабилитационный центр в Печ. Вы уже самостоятельные. Дальше — логопеды, дефектологи, социализация. Справишься сама. Вот с начала ноября и пойдёте.

Роза подняла на врача тяжёлый, испуганный взгляд.

— Илона... Ну как же я сама? В город...

— Сама, — спокойно, даже жёстко ответила врач. — Коляска у вас есть. Гулять выходите. Руки-ноги целы. Всё у тебя, Роза, получается.

— Но там люди... — Роза начала нервно теревать край фартука. — Автобус, остановки... Все смотрят. Я отвыкла, Илона.

— А что делать, Роза? — врач хлопнула ладонью по столу, перекрывая Моцарта. — Всю жизнь за забором не просидишь. Автобусы теперь новые, низкопольные, с пандусами. Водитель выйдет, поможет. Заехала, доехала до центра. Там специалисты.

Она кивнула на Эриву, которая уже прилаживала третий кубик.

— Посмотри на неё. Она собрала себя по кускам. Это чудо, Роза. А ты боишься лишнего взгляда.

Роза посмотрела на внучку. Та не обращала внимания на спор взрослых, поглощённая своей архитектурой. Илона проследила за взглядом Розы и вдруг заметила странный беспорядок в углу комнаты.

— А это что там? — спросила она, шурясь. — Что ты тут затеяла?

На полу были расстелены плотные ткани. Рядом коробка с проводами и гора маленьких квадратных подушечек, туго набитых белым кварцевым песком. У стены стояла старая ножная швейная машинка «Singer», вокруг валялись лоскутки и сантиметровая лента.

— Это? — Роза подошла к своему творению. — Это эксперимент.

— Расскажи.

Роза взяла в руки одну из тяжёлых подушечек.

— Знаешь. Я ещё когда в институте училась, практика была в интернате. Тело, когда не чувствует себя. — Она взвесила мешочек на ладони. — Я читала про глубокое давление. Про-приоцепция. В общем, это одеяло, — продолжила она увереннее. — Оно сшито из карманов. В каждом — песок. А между слоями нагревательный элемент.

— Зачем?

— Вес и тепло. — Роза посмотрела на Эриву. — Если накрыть её таким одеялом, оно давит. Равномерно. Как объятия. Это стимулирует. Тело чувствует свои границы. А тепло...

Роза запнулась, подбирая сравнение.

— Это как в утробе. Темно, тепло и тесно. Это снимет спастигу лучше любого миорелаксанта.

Врач подошла ближе, потрогала конструкцию, удивившись тяжести ткани.

— Сенсорная интеграция... — пробормотала она. — Первый раз вижу, чтобы такое дома шили.

Илона внимательно посмотрела на Розу:

— Пробуй. Я вмешиваться не буду — это не клинический протокол, но логика в этом есть. Потом расскажешь.

Она поспешно начала собирать сумку, чувствуя, что её время здесь истекло.

— Ну, бывайте.

Илона подошла к Эриве и легонько коснулась её плеча.

— До свидания, красавица.

Эрива замерла с кубиком в руке. Медленно, как поворачивается башня танка, она повернула голову к врачу. Её взгляд сфокусировался.

— П... Пока, — тихо произнесла она.

Илона застыла в дверях. Обернулась к Розе, сияя.

— Вот видишь? Она говорит. А ты боишься автобуса.

Дверь закрылась. Эрива осталась сидеть, глядя на пустой проём, забыв, что хотела сделать с кубиком. Роза осталась стоять посреди комнаты, сжимая в руках тяжёлый мешочек с песком. Прежняя тишина больше не оберегала дом. Время за высоким забором истекло — теперь её девочке предстояло выйти под чужие взгляды.

Русский чай

Декабрь 2015 года.

Они возвращались из Печа — из центра — как возвращаются с работы: устало и привычно. На мокрой, присыпанной первым снегом узкой дороге показался автобус. В сумерках он казался огромным, светящимся изнутри кораблём, осторожно подошедшим к пирсу деревянной остановки.

Пшш-ш!

Сработала пневматика. Жёлтый корпус медленно накренился вправо, опускаясь почти к самому асфальту. Двери разъехались с мягким шипением. Водитель, молодой парень, который уже знал их расписание наизусть, выскочил из кабины и ловко откинул пандус.

— Прощу! — бодро сказал он, придерживая поручень. — Осторожно, скользко. Всего вам доброго, Роза-нени!

— О да, спасибо, сынок! — ответила Роза, привычным движением выкатывая коляску с Эривой на мокрый асфальт.

Она обернулась к салону:

— Sziasztok! (Всем пока!)

Из теплого нутра автобуса, пахнувшего дизелем, раздался нестройный хор голосов:

— Viszlát! До свидания! Выздоровливайте!

Эрива, укутанная в пуховик так, что виден был только нос, с трудом подняла варежку и помахала в сторону закрывающихся дверей. Она махала не кому-то конкретному, а всему этому миру, который, как оказалось, не был злым. Автобус выровнялся, фыркнул выхлопом и уплыл в темноту.

— Ну что? — спросила Роза, поправляя плед на ногах внучки. — Всем глазки построила? Кокетка.

Она покатила коляску к дому. Колёса тихо шуршали по снежной каше.

— Не давит нигде? — заботливо спросила она, поправляя капюшон коляски. — Трусики сухие?

Эрива кивнула и что-то забормотала в ответ. Соединяя трудные буквы в слоги, а слоги — в рваные слова, она пыталась пересказать своё главное впечатление дня. Она, захлёбываясь слюной от восторга, описывала, как лежала животом на огромном надувном фитболе. Как скользила по полу спортзала, чувствуя опору руками и ногами.

— Ш... Шал... Бо... льсой... — выдувала она слова вместе с паром.

— Помнишь ещё мягкую лесенку? — подхватила Роза. — Тебе понравилось ножками лазить?

Эрива улыбалась так широко, что глаза превратились в щелочки. Её голова слегка качалась в такт шагам бабушки.

— А-тя-тя! — воскликнула она радостно. — А-тя-тя!

Она улыбнулась в воротник пальто:

— Да, девочка моя... атятя... Самое настоящее атятя.

Они завернули за угол, и лицо Розы посуровело. Возле их калитки, мигая аварийкой, стояла машина.

— О-о, а у нас гости, — сказала она, и голос её стал ледяным. — Кто же это может быть?

Хотя она прекрасно знала кто. В груди сжался холодный ком. Она узнала машину риелтора — человека, который, как стервятник, кружил над её домом последние месяцы.

— Ох, девочка моя, — прошептала Роза.

Лёгкость поездки испарилась. Риелтор, заметив их, выскочил из машины и замахал рукой, изображая радушие:

— О, Роза-нени! Добрый день! А мы вас ждали! Замёрзли, наверное?

Он указал широким жестом на пару, вышедшую следом за ним.

— Вот, гостей к вам привёз. Молодая семья. Из самого Будапешта! Ищут себе аутентичный домик, «с душой», так сказать. Такой, как у вас.

Роза смерила взглядом потенциальных покупателей. Молодые. Красивые. Дорого одетые. Скорее всего, детей ещё нет, а деньги есть. Им нужен этот дом, чтобы пить вино на веранде, не зная, что в этих стенах кто-то заново учился дышать. Её мысли прервала девушка. Она шагнула вперёд, улыбаясь открыто, и протянула руку в вязаной варежке:

— Валя! — представилась она.

Сердце Розы ёкнуло. Валя? Не «Валерия», не «Валли». Валя.

Молодой парень, стоящий рядом, поправил очки и произнес, чётко выговаривая слоги, с заметным, жёстким акцентом:

— Кон-стан-тин... Или можно просто Костя, если вам так удобно.

Роза застыла. Она стояла, вцепившись в ручку коляски, и чувствовала, как в мозгу начинают вращаться давно заржавевшие шестерёнки. Слова всплывали из глубины памяти, как затонувшие корабли. Звуки, которые она не произносила очень много лет.

— Русские? — спросила она тихо.

Не по-венгерски. По-русски. С твёрдым «р» и мягким выговором. Молодая пара переглянулась. На их лицах изумление смешалось с радостью.

— Да, мы русские! — воскликнула Валя. — А вы... вы что, знаете язык?

— Откуда? — удивился Костя.

Роза почувствовала, как перехватило горло. Непривычные слова ворочались тяжело, язык с трудом вспоминал давно забытую артикуляцию.

— Да... — выдавила она, чувствуя вкус железа во рту. — Я помню русский. Я жила... я училась в Советском Союзе. Очень давно.

— Ой, как здорово! — Валя всплеснула руками. — Нам... мы так рады! А то мы по-венгерски ещё плохо понимаем, боялись, сложно будет договориться. Мы бы хотели подружиться... ну, и дом посмотреть, конечно.

Слова Валентины сливались для Розы в мелодичный шум. Ей было дико слышать эту речь здесь, у своей калитки, в венгерской глуши. Странные покупатели. Не местные фермеры, не цыгане, не немецкие пенсионеры. Русские.

Роза сглотнула, возвращая себя в настоящее.

— Холодно, — сказала она, всё ещё запинаясь на русских словах. — Давайте в дом пройдем. Мне девочку... завезти надо. Раздеть.

Она покатила коляску к пандусу.

Валя тут же наклонилась к Эриве с любопытством.

— Привет... — тихо произнесла она, заглядывая под капюшон.

Эрива посмотрела на неё своими огромными, ясными глазами.

— Ой... — выдохнула Валя, увидев сложное кресло и фиксаторы.

Она на секунду замаялась, а потом посмотрела девочке в лицо и мягко улыбнулась:

— Какая красивая девочка. Глаза просто космос.

Роза остановила коляску и посмотрела на молодую женщину, которая не отвела взгляд и не испугалась.

— Ей десять, — тихо сказала Роза по-русски. — Проходите в дом.

На кухне было тепло и пахло сыром. На столе уже стояла плетёная корзинка с утренними «погачами» Розы. Рядом, шурша фольгой, Роза торопливо распаковала «парадную» коробку шоколадных конфет, которую хранила в серванте на случай важных гостей. Валентина сидела за столом, скинув пуховик на спинку стула. Она неловко помешивала сахар в чашке.

Дзынь-дзынь-дзынь...

Ложечка звонко билась о фарфоровые бортики. Константин сидел рядом. Он снял куртку, оставшись в теплом свитере. Сложив большие руки между колен, он с любопытством рассматривал высокие потолки, лепнину и старые фотографии на стенах. Тишину нарушил голос риелтора, донесшийся из соседней комнаты:

— О-о-о, да тут, я смотрю, трещина пошла над дверным косяком! — он говорил громко, явно набивая цену своим услугам. — Роза-нени! Тут штукатурка сыпется!

Роза вспыхнула.

— Помолчи! — крикнула она в сторону коридора. — Ходишь, вынюхиваешь! Дом старый, он дышит!

— Так пусть люди знают! Пусть посмотрят! — не унимался агент.

— Ворчишь, как старый дед! — отрезала Роза. — Иди лучше чай пей, не пугай мне гостей.

Риелтор что-то пробурчал, но затих, уткнувшись в телефон. Роза повернулась к столу, пытаясь вернуть лицу прежнюю мягкость.

— Угощайтесь, прошу вас.

Валентина, отложив наконец ложечку, начала разговор, стараясь заполнить паузу:

— Мы тут недалеко живём, город Пакш. Костя инженером работает на атомной станции.

Роза замерла с чайником в руке.

— Пакш... АЭС... — выдохнула она. — Я после Чернобыля до сих пор спокойно не могу.

Валя смягчилась:

— Понимаю. Но там сейчас всё другое. И Костя не просто «инженер», он как раз про безопасность. Да, Костя?

Костя не ответил сразу. Он смотрел на Эриву. Девочка, сидя в своей коляске у торца стола, внимательно наблюдала за гостем. Костя, поймав её взгляд, смешно надул щёки и пошевелил ушами, делая добрую гримасу. Лицо Эривы просияло, показав ямочки на щеках.

Костя коротко кивнул жене:

— Угу. Безопасно.

— Костя... — Валя смутилась и легонько пнула его локтем в плечо. — Ты чего ну вдруг ей не понравится.

— Ничего, ничего, — поспешно сказала Роза, бросив взгляд на счастливую девочку. — Берите печенье! Оно с сыром.

— Вы знаете, — продолжила Валентина, беря тёплую булочку, — нам квартиру оплачивает фирма. Но мы с Костей решили, что у нас должен быть свой уголок в Венгрии. Настоящий.

Она скосила взгляд на мужа. Костя поднял плечи и медленно кивнул.

— Мало ли что, сами понимаете, — продолжила Валентина, — контракты заканчиваются, а земля остаётся. Мы ведь сами с Урала.

Она поежилась, вспоминая.

— Там всегда холодно. Зимы длинные. Вы там на улице сказали про Союз. А где именно жили? Выговор такой... интеллигентный.

Роза застыла с ложкой над чашкой. Перед глазами вдруг ясно всплыли широкие проспекты, гул метро и запах сирени в Александровском саду.

— Я училась в Москве, — тихо сказала она. — Давно.

— Ой! — радостно воскликнула Валентина, чуть не уронив печенье. — Ничего себе!

Она подалась вперёд:

— Так вот... мы решили подыскать небольшой домик, знаете, чтобы был сад, тишина... Как своё гнездо.

— А у вас... детки есть? — вдруг перебила её Роза.

Валентина на секунду замялась, улыбка дрогнула.

— Нет. Пока нет, — она быстро отвела взгляд. — Решили сначала на ноги встать, гнездо вот свить... Успеется.

Константин, который всё это время молчал, вдруг вмешался. Его голос был низким и спокойным, как гул трансформатора:

— Дом у вас хороший, Роза. Крепкий. И двор просторный, есть где развернуться. Вы нам потом расскажете, что да как тут? Где дрова брать, какие соседи?

Он сделал паузу и посмотрел на неё внимательно:

— А вы сами куда поедете?

Роза, глядя ему прямо в глаза, судорожно глотнула горячий чай. Рука дрогнула, когда она ставила чашку. Дзынь! Блюдце звонко звякнуло о стол.

— Мы вот... здесь, недалеко, — она махнула рукой в сторону окна. — В ста метрах. Там, где магазин вы проезжали, старая библиотека. Квартира у меня там наверху. Там мы с девочкой и будем жить.

Повисла тишина.

Костя переваривал информацию. Старая библиотека, лестница, коляска.

— Слушайте, — сказал он вдруг твёрдо. — Не переживайте.

— О чём?

— Если вам нужно время — берите. — Он посмотрел на Розу и их взгляды встретились. — Мы не спешим.

Роза нахмурилась:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мы не будем вас гнать, — пояснил Константин, вопросительно посмотрев на топчущегося в дверях риелтора. — Сделку можем оформить сейчас, чтобы вы деньги получили. А выезжать... Живите хоть до весны. Летом начнём ремонт, когда потеплеет.

Риелтор, поняв, куда дует ветер, быстро закивал:

— Да, да, конечно! Пропишем, что вы остаётесь на правах арендатора. Любые пометки, какие захотите! Главное — принципиальное согласие.

— Отлично, — кивнул Константин. — Тогда так и сделаем. И ещё... Думаю, торговаться мы не будем. Цена адекватная.

— Нет, конечно! — тут же подхватила Валентина. — Нас всё устраивает. И сад, и дом, и энергетика тут... добрая.

У Розы перехватило дыхание. Они не торговались. Они разрешали остаться до тепла.

Им это было удобно. Но Розе было всё равно — впервые за месяцы её не подгоняли.

— Спасибо... — прошептала она.

— Я уже забыла, как это: сидеть и просто пить чай, — вздохнула Валя.

— Кстати, — Константин поднял чашку, — очень вкусный чай. Не пойму, что за травы?

— Это сбор, — тепло ответила Роза, чувствуя, как с плеч свалилась каменная плита. — Мелисса, чабрец и немного аниса.

Риелтор, поняв, что комиссионные в безопасности, перестал топтаться в дверях и наконец уселся за стол, потянувшись к корзинке с погачами. Валентина рассмеялась, Роза подвинула тарелку ближе к центру. Напряжение, месяцами висевшее над этим домом, отступило, уступив место запаху чая и надежде на спокойную зиму.

Цветные наклейки

Ранняя весна 2016 года.

Дом постепенно превращался в склад. Эхо шагов в комнатах становилось громче, а пространство — меньше, съеденное картонными башнями. Роза, вложив маленькую, но уже не такую вялую руку Эривы в свою, направила её к очередной коробке.

— Вот сюда, — терпеливо сказала она. — Зелёная наклейка. Давай, нажимай пальчиком.

Девочка, высунув кончик языка от усердия, аккуратно прижала цветной кружок к шершавому картону.

— Зе... лё... ни... — выдохнула она.

— Молодец. Умничка. Зелёный. Это одежда.

Роза с кряхтением подтянула к ним другую коробку, звякнувшую внутри стеклом.

— А вот сюда мы клеим жёлтый. Здесь у нас стаканы и посуда с кухни. Это поедет с нами в квартиру.

— Жёл... ти... — тихо, как эхо, повторила девочка.

— А теперь ползи сюда, — Роза указала на дальний угол, где громоздились пакеты со старым постельным бельём и зимними вещами. — Видишь? Это лёгкое. Ты можешь сама положить в коробку. Что мы сюда клеим?

Эрива на секунду задумалась, сжимая в пальцах край стикера. Её лоб наморщился, вспоминая систему.

— Си... ни... — прошептала она.

— Синий. Правильно. Это на чердак. Это в прошлое.

Роза выпрямилась, держась за поясницу.

— Так...

Она огляделась. На выцветших обоях сияли пустые светлые прямоугольники от снятых картин. Сервант стоял с распахнутыми пустыми дверцами. Статуэтки, фарфор, хрусталь — всё то, что десятилетиями копило пыль и память, теперь лежало в темноте коробок.

Эрива тем временем ползала по полу. Её колени на гладком паркете разъезжались, но она упорно продвигалась вперёд, толкая перед собой скользящий пакет с бельём.

— Давай, давай, — подбадривала её Роза. — Тяни-толкай. Работаем.

В дверях, впуская сквозняк и запах весны, появился Аарон. Он вытянулся ещё больше, плечи стали шире.

— Добрый день! — звонко сказал он с порога. — Грузчики прибыли!

— Привет, Аарон. Проходи. Я тебе покажу фронт работ.

Она указала на лабиринт коробок.

— Смотри систему. Наклейки она клеила сама, так что не перепутай, помощница старалась. Синие — на чердак библиотеки, в пыль. Жёлтые — в жилую комнату. А вот эти, с белым крестом, — на выброс.

Аарон серьёзно кивал, запоминая логику.

— Понял. Синие — верх, жёлтые — жизнь, белые — смерть.

— Типун тебе на язык, — беззлобно буркнула Роза, садясь на диван. — Что с транспортом?

— На Пасху машины не будет, — сказал Аарон, глядя в календарь на телефоне. — У всех праздник, никто не поедет. Придётся либо до, либо после.

— Пасха... — Роза потеряла виски. — Ах да... Уже Пасха. Время летит, как сумасшедшее.

Эрива, заметив гостя, подползла к ногам Аарона и потянула его за штанину. Он улыбнулся, наклонился и ловко, но бережно подхватил её, поддерживая корпус и затылок.

— Ого! — выдохнул он хрипло, поднимая её на уровень своего лица. — А кто это у нас такой тяжёлый стал? Ты что, кирпичи ела?

Девочка доверчиво опустила голову ему на плечо. Её волосы, отросшие и густые, рассыпались по его спине светлым водопадом. Она повернула лицо к его шее и что-то быстро, бессвязно зашептала.

— Что? — переспросил Аарон. — Секрет? Или стишок?

— Стис-о-ок... — прошептала Эрива, закрывая глаза и расплываясь в блаженной улыбке. Он аккуратно усадил её в качели, которые всё ещё висели посреди разобранной комнаты, как последний оплот уюта.

— Ну, рассказывай, — сказал он, легонько качнув кокон. — Я слушаю.

Комнату наполнил тихий, ритмичный звук. Не речь — поток, шёпот, придыхание. Эрива смешивала слоги, путала буквы, глотала окончания, но в этом хаосе был чёткий, упрямый ритм.

Роза прикрыла глаза, вслушиваясь. В этом ломаном, полубессознательном бормотании была своя странная мелодия. Роза знала эту её особенность. Иногда, особенно в полудрёме, из горла девочки вдруг рвалась гладкая немецкая тарабарщина. Значит, внутри, под этой толщей поломок, всё цело. Разум там. Просто связь барахлит, как перебитый провод. И если она называла слово по-немецки, Роза тут же исправляла, вкладывая в девочку чужие ей, венгерские слова.

— Спит? — тихий голос Аарона выдернул Розу из её внутреннего концерта.

Гамак перестал раскачиваться. Эрива заснула на полуслове, уронив голову на грудь.

— Да, — сухо ответила Роза, вставая. — У таких деток батарейки садятся мгновенно. Раз — и темнота. Помоги перенести.

Они вдвоём перенесли спящее тело на кровать, которая теперь стояла среди коробок как остров. Роза накрыла девочку своим изобретением — тяжёлым одеялом с песком, заботливо подоткнув края. Затем вставила вилку в розетку. Нагревательные элементы внутри начали медленно отдавать тепло. Тяжесть песка прижала Эриву к матрасу, создавая кокон безопасности. Спастика ослабла. Дыхание выровнялось.

— Спи, моя девочка... — прошептала Роза.

Она смотрела на спящую и думала о странной вещи: Эрива. Рива. Ривка.

Имена были, но они почти исчезли из обихода. Для Розы она стала просто «Девочкой».

«Моя девочка поела?»

«Где эта девочка?»

«Господи, как я устала от этой девочки...»

Имя казалось Розе опасным. Имя тянуло за собой родителей, документы, трагедию — всё то, что могло ворваться в дом и отнять у неё контроль. А «Девочка» жила здесь и сейчас: без прошлого и вопросов. Роза была сторожем, охраняющим вход в хаотичную, странную, но такую бережно хранимую вселенную.

Волшебная дверь

Лето 2016 года.

Аарон поднимался по длинному гулкому коридору, который тянулся над линией магазинов. Это была нейтральная территория — тёмный тоннель, общий для двух квартир. С обратной стороны, со двора, был точно такой же вход, точно такие же помещения. В полутьме он, балансируя с большой картонной коробкой в руках, нащупал бедром знакомую дверь и нажал на ручку коленом.

Дверь поддалась. В глаза ударил ослепительный свет. После мрака подъезда огромная белая гостиная показалась ему палубой прогулочной яхты. Солнце, бьющее через гигантские окна террасы, заливало всё пространство первого жилого уровня.

Он сделал шаг, перехватывая коробку поудобнее, и тут же почувствовал мягкий удар.

В его колено врезался живой бампер. Эрива на своей коляске, которая теперь казалась продолжением её тела, ловко затормозила впритык.

— Привет, Алчи! — радостно и чётко сказала она.

В её руках был блокнот и карандаш.

— Алчи! Смотли! — она показала рисунок двери. — Когда двель... что делать?

Аарон на секунду задумался, глядя в её серьёзные, ожидающие глаза.

— Тук-тук, — улыбнулся он. — Я бы постучал.

Эрива кивнула, принимая ответ.

— Холошо. Тук-тук.

Она принялась выводить в блокноте крупные, прыгающие буквы: «т-у-к».

Закончив запись, она захлопнула блокнот, сунула его под бедро и тут же толкнулась руками. Коляска покатила с места. Она подъехала к лестничному пролёту.

Квартира была двухуровневой. Здесь, внизу — гостиная, столовая и кухня, а спальни находились выше, на полноценном втором этаже. Аарон с интересом наблюдал. Раньше лестница была для неё Великой Китайской Стеной. Теперь Эрива затормозила, сползла с сиденья на нижнюю ступеньку, ухватилась за специально приделанную перекладину-трапецию и, как упорный муравей, начала карабкаться вверх. Ступени были обиты мягким ковровином, а по бокам, на острых углах, Роза закрепила пухлые подушки — безопасность для домашнего альпиниста.

— Роза-нени! — позвал Аарон, перекрикивая шум «восхождения». Гостиная плавно перетекала в кухню через широкую арку, мимо небольшой столовой. Посреди неё стоял большой обеденный стол, перед которым сиротливо ютился всего один стул, развёрнутый к дивану. Второго стула не было — его место всегда занимала коляска.

— Ой, кто там? — отозвалась Роза, выходя из кухни с полотенцем в руках. — Аарончик?

— Куда положить? — он кивнул на коробку.

— Давай на диван. А что это? Тяжёлое такое...

— Да так... Моё барахло. Я ведь уезжаю.

Роза замерла.

— Куда же ты уезжаешь?

— На Балатон. На лето. Работать, лодки ремонтировать, учиться парусному делу... А потом...

Он выдержал паузу, гордо расправив плечи.

— Потом я не вернусь. Я поступил.

Роза удивлённо подняла брови.

— Куда поступил, мой мальчик?

— В полицейскую школу. В Домбоваре. Там казарма, общежитие, так что... буду приезжать только на выходные.

— Ой... — она крепче прижала полотенце к груди и грустно, но тепло улыbnулась. — Как же хорошо. Какой правильный выбор. Ты будешь хорошим полицейским, Арчи. Справедливым.

— Я знаю. Спасибо.

Роза подошла к коробке.

— А наследство нам зачем оставил? Что там?

— Старый компьютер. Монитор, клавиатура... и руль.

— Руль? — Роза усмехнулась. — Какой руль, Аарончик? Она ведь девочка.

— Ну и что? — пожал плечами Аарон. — Это игровой руль, с педалями. Я подумал... для профилактики. Крутить баранку, пробовать педали — это же как тренажёр, только веселее. Глядишь, и водить научится.

Роза вздохнула, глядя на пустую коляску у лестницы.

— Да куда ей водить... Мы вон колёса еле крутим руками.

— Найди меня! — донеслось сверху, со второго этажа.

— Ну иди, — махнула рукой Роза. — Попрошайся. Она скучает. После переезда ты совсем нас забыл.

Аарон поднялся по мягкой лестнице наверх.

Здесь был узкий коридор, соединяющий две спальни. Он заглянул в ванную и присвистнул. Вся ванная была заставлена корзинами. Стирка, сушилка, горы белья. Верёвки были натянуты даже под потолком. Он понял: Розе не хватает рук. В квартире без двора, без солнца сушить бельё — это каторга.

— А где же Эрива спряталась? — громко протянул он.

Он заглянул в её комнату. Это была странная комната. Одна стена была скошена крышей, и в этот скос было врезано большое мансардное окно. Оно смотрело не на улицу, не на дома, а исключительно в небо. Облака проплывали прямо над кроватью, как в кинотеатре. Из недр встроенного шкафа послышался сдавленный смех.

Аарон резко распахнул дверцу. Среди пальто и коробок сидела сияющая Эрива.

— Бу! — крикнула она. — Покатай меня, Алчи!

Он подхватил её на руки, как большую куклу, и осторожно понес вниз по лестнице. Оказавшись в гостиной, он первым делом аккуратно сгрузил хохочущую Эриву в её кресло. Пока Роза накрывала на стол, Аарон подошёл к огромному окну. За толстыми белыми шторами скрывалась терраса, нависающая над входом в магазин. Аарон выглянул наружу.

Внизу кипела жизнь: кочма, магазин, табачная лавка. Люди входили и выходили. Аарон присмотрелся к перилам. Там была смонтирована хитрая инженерная система, явно придуманная Розой. К металлическому ограждению был прикручен поворотный кронштейн с роликом. Через ролик перекинута толстая бельевая верёвка, к концу которой был привязан мощный карабин и глубокая плетёная корзина. Сейчас корзина висела в воздухе, покачиваясь высоко над пустым проходом.

— Сервис? — усмехнулся он. — Грузовой лифт?

— Ноги, — отозвалась Роза, ставя на стол пирог. — Чтобышний раз не бегать по ступеням. Продавец снизу кладёт хлеб или молоко, дёргает за верёвку, я поднимаю. Лифт имени ленивой бабушки.

Она поставила перед ними тарелки.

— Знаешь, Аарон... — задумчиво сказала она. — Тёплая вода — это хорошо. Песок, лечебная грязь... Я бы и сама хотела девочку туда отвезти. На Балатон. Или на Веленце.

Она села напротив.

— Ей нужна вода. Но куда нам? Это дорога, автобусы... А жильё? За ночлег платить надо бешеные деньги в сезон.

— Можно что-нибудь придумать, — осторожно сказал Аарон, жуя пирог. — Я там осмотрюсь. Может, найду что-то бюджетное. Кстати

Он наспех прожевал, сглотнул и торопливо заговорил:

— Габор! Который помогал с переездом. Из благотворительной организации.

Роза опустила плечи и прижала пальцы к губам:

— Точно. Они возят деток. И транспорт есть.

Вдруг Эрива резко запрокинула голову, открыла рот и начала яростно ковырять там пальцами, давясь и скрежеща:

— Кхх

Аарон вскочил.

— Роза-нени!

Роза подошла спокойно. Одной рукой она придержала Эриве подбородок, другой — быстрым движением сняла пластинку, подцепила застрявший кусок пирога и бросила в тарелку.

— Пей, — коротко сказала она, протягивая воду.

Эрива жадно глотнула, выдыхая.

— Что это было? — выдохнул Аарон.

— Плас-ти-ны — пожаловалась Эрива, шепелявя. — Месают. Пилог...

Роза тяжело вздохнула, садясь обратно.

— Пластины, Арчи. Ортодонтические.

— Для красоты? — неловко спросил он.

— Какая там красота... — Роза устало выдохнула. — Она их сгрызла. Пока спазмы шли.

Скрипела зубами так, что эмаль крошилась. Это чтобы жевать могла и зубы сохранить.

Роза погладила Эриву по голове:

— Да, моя девочка? Терпим?

Эрива кивнула — и уже через секунду снова тянулась к пирогу, как будто ничего не произошло.

Закончив с пирогом, Аарон направился к двери.

— Я ещё зайду, — сказал он. — До отъезда. Если что — зовите.

Роза кивнула.

— Звать тебя не надо. Ты сам как часы.

Аарон вышел за дверь. В пустом коридоре его догнал звонкий голос:

— Найди меня, Алчи!

Лошадки

Через пару дней Аарон занёс для Розы тяжёлые бидоны с родниковой водой. Он уже соби-
рался уходить, но задержался в дверях, окинув взглядом огромную пирамиду коробок. Поме-
ченные синими наклейками, они так и стояли баррикадой: на чердак их носить было некому.
Роза, перехватив его взгляд, устало буркнула:

— Да вот... никак не могу. Надо перетаскать, а сил нет, и руки не доходят.

— Я помогу, Роза-нени, — сразу отозвался Аарон. — Завтра заскочу и раскидаем. В
любое свободное время буду помогать, пока не уехал.

— Спасибо тебе, — тихо сказала Роза, опираясь о косяк.

И тут снова, где-то из-за угла, раздался звонкий, чуть шепелявый голос:

— Найди меня!

Аарон пошёл на звук. Эрива сидела в старом огромном армейском бауле — брезентовом,
выцветшем. Он валялся здесь ещё со времён Имре, и Роза всё не знала, что с ним делать: то ли
выбросить, то ли пустить на тряпки. А теперь в нём сидела девочка. Глубокое нутро толстого
текстиля проглотило её почти целиком. Наружу торчали только голова и руки, которыми она
держалась за края.

— Ух ты, — рассмеялся Аарон. — Десантник!

— Покатай меня! — потребовала Эрива, протягивая к нему руки.

Аарон со смехом подошёл, повернулся к ней спиной и присел, давая ей ухватиться, после
чего влез в лямки.

— Роза-нени, подсобите!

Роза с кряхтением приподняла тяжёлый брезентовый кокон с пола, помогая Аарону заки-
нуть его на спину. Он сгруппировался и выпрямился. Баул с живым грузом лёг ему на спину.
Эрива оказалась у него за плечами, высоко, как в обзорной башне.

— Во как! — радостно сказал Аарон, подпрыгнув, чтобы усадить её поудобнее. —
Удобно?

— Да! Лоша-дка, пое-хали! — хохотала Эрива, вцепившись ему в плечи.

Роза подложила внутрь свернутое одеяло валиком, чтобы держать ей бок и шею, и не
стала мешать этой игре. Она просто стояла в дверях кухни и смотрела на них, улыбаясь. Ей
было радостно видеть внучку такой — просто ребёнком.

Наступил июль. В голове Аарона всё ещё стоял гул школьных выпускных, рассветов на
холмах Мечека и клятв в вечной дружбе, но сейчас он был здесь.

Они вышли из дома, поднимаясь на высокий холм за деревней — туда, куда коляске путь
был заказан. Аарон прорезал в боках старого баула отверстия для ног, густо обшил разлохма-
ченные края суровой нитью и подвернул жесткую горловину наружу, чтобы брезент не царапал
Эриве подбородок. На узкие, врезающиеся в плечи лямки он натянул старые перчатки с обре-
занными пальцами. Теперь Эрива сидела у него за спиной, и её тонкие ноги качались в такт его
шагам. Она слушала бесконечные истории Аарона про школу, про лодки, про Балатон. Иногда
перебивала, смешно коверкая слова из-за пластинок. Иногда задавала вопросы невпопад. А ино-
гда сама уходила в свои истории — выдуманные, сказочные, где она летала. В лучах солнца их
тень на траве выглядела странно. Они работали как один организм: две сильные ноги, четыре
руки, две головы, затылок к затылку. Аарон остановился на вершине, вытирая пот со лба.

Внизу раскрылась небольшая долина, скрытая от глаз посторонних. В самой низине бле-
стело озеро — тёмное, неподвижное зеркало. У его края гнил старый маленький пирс, к кото-
рому были примотаны две рассохшиеся рыбацкие лодки. Они слегка покачивались от ветра, и

вода тихо плюхала по их плоскому дну. Аарон отдышался и начал рассказывать ей о природе, как заправский егерь:

— Вон то — дуб, видишь, какой корявый? А это — полынь, пахнет горько.

Он учил её венгерским словам, заполняя пустоту в памяти. Стоило взгляду или руке девочки коснуться любого предмета, как Аарон тут же произносил его название, а Эрива повторяла.

Вдруг Аарон замер. Его рука, поддерживающая лямку баула, напряглась.

— Тихо... — шепнул он. — Смотри, Ривка. Смотри туда, к кустам.

Он медленно повернулся спиной к опушке, открывая девочке обзор. Там, в высокой траве, стоял оленёнок. Рыжий, в белых пятнышках, с огромными влажными глазами. Он замер, прислушиваясь к ветру.

— Да... — выдохнула Эрива ему прямо в ухо. — Я визу. О-ле-нё-нок.

Она помолчала, разглядывая чудо.

— А где его мама?

Аарон улыбнулся по инерции:

— Где-то рядом. Они далеко не уходят

И осёкся. Эрива молчала, глядя в траву.

— Смотри, — быстро прошептал Аарон, — слышишь? Вода.

Он повёл её взгляд к озеру, чтобы не дать ей зацепиться за слово «мама» — и в ту же секунду оленёнок, почувствовав движение, тихо исчез в чаще. Аарон сглотнул, вдруг физически почувствовав, как тяжело давит на плечи этот старый армейский баул.

Роза отпускала их всё чаще и всё дальше.

Раньше она стояла у окна, провожая их тревожным взглядом до поворота, но теперь... Теперь она полностью доверяла Аарону. Роза, при всей своей любви, уже не могла дать внучке то, что играючи давал этот сильный мальчишка: скорость, ветер в лицо, высоту холмов. Девочка жадно познавала мир, который был закрыт для неё за дверью их странной квартиры.

Лето пролетало быстро. После отъезда на Балатон Аарон приезжал наездами, уставший, загорелый до черноты. Их прогулки становились реже. Они уходили к виноградникам, спускались к озеру. Она дремала прямо в том самом старом бауле, который за это лето стал продолжением их общего тела. Голова девочки лежала на плече парня, руки безвольно свисали, а он нёс её бережно, привычно распределяя вес по уставшей спине.

В конце августа раздался звонок от Габора из благотворительной организации. Он сухо сообщил, что освободилось место в группе для больных детей, и он может записать Розу и Эриву на три дня на озеро Балатон. Роза согласилась. Она положила трубку и долго смотрела на девочку. Они впервые покинут деревню на долгое время.

Парусник

Старый деревянный дом остывал после жаркого дня. Маленький пансионат стоял на возвышенности, прячась в тени высоких туй. Отсюда, с широкой террасы, открывался вид на Балатон. Вода в лучах заката казалась тяжёлой, почти чёрной. Над спокойной гладью уже стоял непрерывный, вибрирующий гул — вечерний воздух заполнили бесконечные рои зелёных комаров-звонцов.

Они приехали перед самым ужином. После суеты в небольшой столовой Роза вывезла Эриву на террасу, накрыла ноги пледом и ушла помогать с посудой.

Эрива сидела неподвижно, глядя на озеро. Прямо по солнечной дорожке, разрезая красный свет, скользила яхта с чёрными парусами.

Сзади раздался шорох шин: кто-то неуклюже, рывками приближался. Эрива с трудом повернула голову, и с ней поравнялась другая коляска. В кресле сидела девочка, свесив ноги без подножек, и отталкивалась кедрами от деревянного настила.

Девочка затормозила. Окинула взглядом коляску Эривы, потом её длинные, густые волосы.

— Ты не из наших, — бросила она. Голос был чуть сирым.

Эрива смотрела на неё. На голове у незнакомки был повязан яркий платок. Лицо одутловатое, бровей и ресниц почти нет — от этого глаза казались ещё больше. На руке, сжимающей обод колеса, желтел старый синяк.

Эрива моргнула, но не ответила. Девочка порылась в кармане и протянула шуршащий пакетик.

— Бери. В столовке полно. — Она потрясла пакетиком. — Кислые. Привкус хорошо забивают.

Эрива потянулась — правая рука оторвалась от пледа, мелко задрожала и замерла на полпути. Девочка понятиво выгудила лакричного червячка и сама вложила его Эриве в подрагивающие пальцы. Затем запрокинула голову и забросила желейку себе в рот.

— Да не бойся, — она усмехнулась. — Пока мы их едим, а не они нас.

Она почесала предплечье прямо по синяку и тоже посмотрела на озеро.

— Мне нлавится... — Эрива сглотнула, ища слово. — Вон там. Чёлная.

— Парусник? Ага. Красивый, — кивнула девочка и бросила открытый пакетик Эриве прямо на колени. — Я Боги.

Эрива поднесла руку ко рту и втянула червячка. Попробовала пожевать. Вкус оказался слишком резким. Она скривилась и попыталась сглотнуть, но глоток не прошёл. Эрива резко закашлялась. Недожёванные куски лакрицы вылетели изо рта и упали на шерстяной плед.

— Ого. — Боги приподняла бровь, которой не было. — Я думала, хуже не бывает.

Она потянулась к столику, сдёрнула бумажную салфетку, бросила Эриве на колени и сразу отвернулась к воде.

Эрива тяжело, со свистом вдохнула. Вытерла подбородок и непослушными пальцами попыталась смахнуть липкие куски с ног.

— Я... Элива.

Боги упёрлась руками в подлокотники и рывком встала с коляски. Эрива вздрогнула, удивлённо распахнув глаза. Боги выпрямилась не до конца, чуть сутулясь, и медленно, словно экономя силы, сделала шаг к перилам. Опёрлась на них бедром и смерила Эриву взглядом.

— Не пойму, сколько тебе лет? — спросила Боги.

Эрива смотрела на её ноги. Потом подняла глаза на платок.

— Почему... у тебя... голова так? — спросила Эрива. — Волосы где?

Боги поправила платок на затылке.

— Выпали, — просто ответила она и начала прикручивать к перилам небольшой гибкий штатив.

Эрива вцепилась в обода своих колёс и с усилием толкнула их, подкатываясь ближе.

— Что ты... делаешь?

— Снимаю блог, — Боги сосредоточенно вкручивала в резьбу маленькую чёрную экшн-камеру.

— Блог?

Боги замерла и посмотрела на Эриву как на инопланетянку. Вздохнула.

— Видео делаю. В интернет. Люди смотрят.

Эрива нахмурилась.

— Зачем?

— Ну... — Боги пожала плечами, проверяя угол наклона камеры. — Рассказываю. Всё подряд.

Повисла пауза. Ветер с Балатона принёс запах водорослей. Боги дышала чуть тяжелее, чем когда сидела в коляске.

— Что говоришь? — спросила Эрива.

Боги опёрлась спиной о перила, скрестив руки на груди.

— Всё, что достало. И что хочу сделать. Но... — она дёрнула плечом, — надо быстро.

— Зачем быстро? — Эрива смотрела на неё, не мигая.

Боги усмехнулась.

— Потому что у меня дедлайн короткий, — сказала она. — Потом всё это так и останется недоделанным.

Она отошла к столику, открыла крышку у бутылки с водой и достала из кармана толстую стеклянную трубочку. Вставив её в горлышко, Боги скривилась и жадно сделала несколько глотков.

Эрива поправила плечи и вцепилась руками в подлокотники.

— Мама говорит... я... только с неба велнулась.

Боги поперхнулась водой. Опустила бутылку и посмотрела на Эриву. Она промолчала.

Гул звонцов над водой усилился. Боги отмахнулась и привычно потёрла то место, где была бровь. Медленно подошла к камере, задержала взгляд на паруснике и нажала кнопку записи. Встав перед объективом, она ярко улыбнулась:

— Привет, мои дорогие подписчики!..

Эрива смотрела, как Боги говорит в камеру звонким, уверенным голосом. Показывала браслеты на запястьях, тыкала пальцем куда-то за объектив, крутила руками так, будто спорила с невидимым собеседником.

На террасу вышли Роза и мама Боги — уставшая женщина с покрасневшими глазами. Роза молча отряхнула плед Эривы от крошек и взялась за ручки коляски.

Боги выключила камеру и тяжело опустилась обратно в коляску.

— Всё, — она тяжело вздохнула и развернула коляску к Эриве. — Поехали?

— У тебя шнурки лазные, — тихо ответила Эрива.

Они направились в беседку к огромному круглому столу. Справа девочка расставляла фигурки пони, пока её мать говорила по телефону, зажав мобильный плечом. Слева прямо на лавке спал мальчик. Он спрятал голову в капюшон и уткнулся в колени крупной женщины, которая резала киви тонкими дольками. Роза и мама Боги сели посередине и тоже принялись чистить фрукты. Эрива так и осталась в коляске у входа. Боги выбралась из своей и медленно побрела в дом.

Над террасой и в беседке вспыхнули жёлтые фонари. Эрива зажмурилась от неожиданности. Взрослые негромко заговорили. Эрива сквозь ресницы смотрела на фигурки пони: глаза слипались, голова бессильно клонилась к груди.

— Пшш! — слышалось со стороны. — Эй!

Эрива с трудом повернула тяжелую голову на звук. Боги уже вернулась из дома и сидела в полутьме за соседним столиком. Перед ней лежала открытая огромная косметичка.

— Смотри, — скомандовала она Эриве.

Боги достала розовое каре с неестественно прямой чёлкой и натянула прямо поверх платка.

— Я Чика Фудзивара, — она широко открыла глаза.

Эрива неуверенно улыбнулась. Боги сорвала розовое каре и вытащила длинные, жгуче-чёрные локоны. Накинула их на голову.

— А так я ведьма. Могу превратить врачей в лягушек.

Эрива повернулась обратно к столу: взрослые о чём-то говорили, и мамы тихо засмеялись. Она подкатилась ближе к Боги и вытянула шею, заглядывая в сумку.

— Ещё есть? — медленно спросила она.

— Полно! — Боги выудила ярко-рыжий, кудрявый парик и бросила его Эриве на колени.

— Примеряй. Будешь клоуном.

Эрива посмотрела на рыжие кудри. Пальцы с трудом зацепили край жёсткой сетки. Боги подвинулась ближе, громко проскрипев стулом по полу. Она забрала парик из рук Эривы и нахлобучила ей на голову, поверх волос.

Эрива замерла, чувствуя тяжесть искусственных волос. Она скосила глаза, пытаясь увидеть рыжие пряди, и коротко, с хрипом, рассмеялась. Боги сидела напротив в чёрных локонах и тоже смеялась.

У Боги на столе загудел телефон. Она встала, взяла мобильный и отошла в сторону, ответив на звонок. Через минуту вернулась, но Эрива уже спала. Голова лежала на подголовнике, парик съехал.

Там, внизу, под плотной тканью шерстяного пледа, слабая рука Эривы намертво сжимала шуршащий пакетик с кислыми червячками.

Золотой пони

Октябрь 2016 года.

После лета с холмами и поездкой на озеро, у Эривы появилась новая игра — пони. И новая мечта Розы — школа.

— Привет, дорогие под-ис-ики! — тонкий, старательный голосок доносился со второго этажа. В комнате с мансардным окном кипела работа.

— Сегодня Эльза идёт к Камиле — на свадьбу Золотого Пони. Все уже соблались!

Эрива, приподнявшись на коленях перед низким столиком, расставляла фигурки. На поверхности возник целый мир: сараи из коробок, стойла из карандашей, заборы. Со стороны это выглядело как цветной хаос, но для Эривы это была стройная, живая вселенная. Над столом, приоткрытая серебристым скотчем к настольной лампе, висела веб-камера. Эрива долго, пытая от усердия, настраивала её, подбирала свет, чтобы снимать очередной эпизод своего мини-сериала.

— И-го-го! — пронзительно закричала она, озвучивая лошадь. В её руках пластиковые пони дрожали. Тремор, который мешал ей держать ложку, здесь оказался кстати: из-за мелкой тряски рук казалось, что игрушечные лошадки действительно скачут, перебирая копытами.

Внизу, в гостиной, атмосфера была иной. Пахло кофе и тяжёлым разговором. На диване, вольготно развалившись, сидел Сабољч, мэр села — грузный мужчина с добрым лицом. Рядом, деликатно выбирая ложечкой кусок торта, сидела доктор Илона. Роза подливала гостям свежий кофе, но её лицо было напряжено.

— Но я об этом и говорю, Илона! — горячо убеждала она, кивая на потолок, откуда доносилось ржание. — Послушай! Девочка активная, голова варит, сюжеты придумывает. У неё всё получится.

Илона, не отрывая взгляда от кремовой розочки на торте, вздохнула:

— Роза, ну как ты себе это представляешь? Рано ещё. Какая школа?

— Нет, — твердо сказала Роза, садясь напротив. — Я же не прошу, чтобы она училась наравне со всеми. Просто социализация. Дети.

Она повернулась к мэру:

— Ну, Соби, что ты молчишь? Скажи ей.

Мэр нехотя оторвал спину от мягкой подушки, взял чашку и шумно отхлебнул.

— Ну, Роза... Пойми, это не совсем мои полномочия. Я мэр, а не директор школы. Я не могу влиять на учебный процесс. Мои дела, — он посмотрел в кофе, не на неё, — хозяйские.

— Хозяйские? — воскликнула Роза, опасно сощурившись. — Сабољч, ты же помнишь Имре. Он тебе дорогу в мэрию открыл. А ты мне сейчас про «полномочия» рассказываешь?

Она подалась вперёд:

— Помоги мне сейчас. Помоги его внучке! Ради памяти Имре.

В комнате повисла тишина. Сабољч покраснел, ему стало неловко.

— Роза, это невозможно, — наконец выдавил он, избегая её взгляда. — Пойми, ни я, ни Илона не возьмём на себя такую ответственность. Школа — это нагрузка. Это режим.

Илона отложила ложку и вмешалась, профессионально переключая тему:

— Кстати, что-то стихла твоя блогерша.

Наверху действительно стало тихо. Ни «иго-го», ни разговоров с «подписчиками».

— Да... Наверное, уснула, — ответила Роза, прислушиваясь. — Как всегда. Батарейка села. Пойду, гляну.

Роза поднялась наверх. Веб-камера всё ещё горела зелёным огоньком, снимая пустой стол. Пони валялись вповалку — свадьба закончилась внезапно. Эрива спала прямо на полу,

положив голову на руки, свернувшись калачиком среди картонных декораций. Роза выключила камеру и осторожно присела рядом.

— Спит, моя девочка...

Эрива даже не проснулась, только слабо повела плечом, когда Роза бережно переложила её на кровать и укрыла тяжёлым одеялом. Несколько секунд постояла рядом, всматриваясь в лицо внучки, потом выключила свет и тихо спустилась вниз.— Спит, — сказала она, входя в столовую.

— Вот видишь, — мягко, но веско сказала Илона. — Она вырубается у тебя посреди игры. Она не высидит ни одного урока, даже если будет «свободным слушателем». Она уснёт за партой через двадцать минут. У неё просто нет физических сил.

Мэр согласно и облегчённо закивал:

— Вот-вот. Именно.

— Вы к Пишта-бачи ходите? — спросила Илона.

— Ходим, — пробормотала Роза. — На прошлой неделе были. В первый раз посадили в седло вертикально. Сама спину держала.

— Ну вот, видишь! — обрадовалась Илона. — Пишта-бачи помогает, иппотерапия — это прекрасно. В город на реабилитацию ездите три раза в неделю. Этого достаточно. Ты и так делаешь невозможное. Но школа... Рано.

Роза задумалась, глядя в чёрную гладь кофе. Аргументы закончились. Сил спорить с системой не было.

— Не, ну а если... — начала она слабую попытку.

— Никаких «если», — перебила Илона, накрывая её руку своей ладонью. — Как подруга тебе говорю, не как врач, не мучай её и себя. Роза, успокойся. В следующем году. Давай попробуем вернуться к этому разговору в следующем году.

Дальше разговор потёк в безопасное русло: обсуждали цены на дрова, новые фонари на улице и надвигающееся Рождество.

Когда гости ушли, Роза ещё раз поднялась в детскую, поправила на внучке одеяло и долго стояла у кровати в полумраке.

«Ничего, — подумала она упрямо. — В следующем году. Обязательно в следующем году».

Ночь прошла беспокойно, Роза несколько раз прислушивалась к дыханию внучки.

Следующее утро началось не с будильника, а с тишины. С той ватной, плотной тишины, от которой у Розы мгновенно похолодело внутри. Эрива всегда просыпалась шумно: ворочалась, бормотала, иногда стучала пластиковой пони о бортик кровати.

Сегодня наверху было тихо.

— Девочка? — позвала Роза с лестницы, вытирая руки о фартук.

— Эрива? Завтрак стынет.

Тишина. Роза поднялась на второй этаж. Ступеньки скрипнули под ногой, но даже этот звук показался ей слишком громким. Она толкнула дверь в детскую.

— Ну сколько можно спать, соня...

Слова застряли в горле колючим комом. Воздух в комнате был тяжёлым и спёртым. Пахло кислым. Пахло бедой.

Эрива лежала на боку, выкрученная, затылок под невозможным углом вдавлен в изголовье. На подушке и щеке подсохло тёмное пятно рвоты. Глаза полуоткрыты — одни белки.

— Рива! — Роза бросилась к ней.

Схватила за плечо — и отдернула руку. Тело было каменным, мышцы свело судорогой.

— Господи... Господи, нет... — зашептала Роза, силой поворачивая её голову набок.

В нос ударил кислый запах желчи — и прошлое снова сомкнулось на горле. Роза трясущимися руками набрала «104».

— Ребёнок, девочка, судороги! Она не дышит... то есть дышит, но хрипит! Адрес...

Дальше время рассыпалось: на вой сирены, разрезающий октябрьский туман; на топот тяжёлых ботинок медиков по мягкой ковровой лестнице.

— Не пройдут! Узко! — крикнул врач. — Берём на мягкие!

Они несли её на одеяле — голова безвольно свесилась назад. Роза бежала следом, вжимая в грудь папку с документами.

В машине скорой тело Эривы снова выгнуло дугой. Фельдшер с трудом удерживал её плечи, пока врач пытался попасть иглой в вену бьющейся руки. Роза сидела в углу салона, сжавшись в комок, и трясла головой.

Их доставили в больницу в Пече, и Эриву увезли в реанимацию.

Роза осталась в коридоре. Она сидела на пластиковом стуле: час, два, три. Её тело вздрагивало, глаза цеплялись за лица проходящих мимо людей в халатах. Она выглядела совершенно сломленной — снова просто старая женщина, у которой умирает внучка. Вышел врач — высокий, уставший мужчина с тёмными кругами под глазами.

— Вы бабушка?

— Да. Что с ней? Она... она снова в коме?

Врач поправил очки.

— Это сопор. Реакция на перегрузку. Эпилептический статус мы купировали. Но есть нюанс.

Он посмотрел на Розу внимательно.

— Сколько ей полных лет?

— Одиннадцать. Исполнилось в сентябре.

— Мы обнаружили кровь. У девочки началась менструация. Первая. Менархе.

Роза открыла рот, но не смогла издать ни звука.

— Это гормональный взрыв, — продолжил врач будничным тоном. — Для поврежденного мозга пубертат — это шторм. Гормональная буря. Гормоны снизили судорожный порог. Мозг просто «коротнуло».

Он вздохнул.

— Она проснётся. Но, возможен регресс, перепады настроения, агрессия. Готовьтесь.

Врач ушел, а Роза осталась сидеть в коридоре, глядя на пустую стену. Она поняла: детство кончилось.

Визит

Эрива пришла в себя через двое суток в палате неврологии в Пече. Роза сидела рядом, сжимая в руке маленькую фигурку Золотого Пони, которого захватила из дома как талисман. Она ждала.

Ресницы дрогнули. Эрива открыла глаза.

Роза подалась вперёд, глотая слёзы облегчения:

— Девочка моя... Вернулась.

Эрива смотрела на неё. Взгляд был долгим, тяжёлым, расфокусированным. Словно она пыталась вспомнить, кто эта женщина и почему здесь так пахнет лекарствами.

Потом её взгляд опустился на руку Розы. На золотую фигурку.

— Смотри, кто тебя ждал, — Роза попыталась улыбнуться, протягивая игрушку. — Эльза. Она скучала.

Эрива медленно, с видимым усилием подняла руку. Пальцы были слабыми, но уже не дрожали тем мелким тремором, что раньше. Она взяла пони. Роза затаила дыхание, ожидая привычного «иго-го» или улыбки. Эрива поднесла игрушку к лицу, потрогала пластиковую гриву. Её лоб наморщился, а в глазах появилось странное, пугающее недоумение, будто она смотрит на пони впервые.

— Не зи-ва-я. Хо-лод-на-я, — тихо, еле ворочая непослушным языком, выдавила она.

— Что? — не поняла Роза. — Ну конечно, это же игрушка, но мы сейчас...

Эрива разжала пальцы. Пони беззвучно скатился на больничное одеяло.

— Я устала, — сказала она тусклым голосом.

Она отвернулась к стене, натянув одеяло до подбородка.

Роза так и осталась сидеть с протянутой рукой. Золотой Пони лежал на постели — кусок яркого, ненужного пластика на фоне ссутулившейся под одеялом фигуры. Роза молча взяла игрушку и бросила её в сумку. Пластик сухо стукнул о дно. На больничной койке перед ней лежал чужой, уставший подросток.

Дыхание Эривы выровнялось, она глубоко уснула. В палате стало тихо.

Вдруг эту тишину нарушил шорох. Не в палате — на пороге. Тень упала на кафельный пол, перечеркнув полосу света. Роза медленно повернула голову.

В дверном проёме стоял мужчина. На плечах был небрежно накинут одноразовый синий халат. Но Роза смотрела не на халат. Она смотрела на его левую руку. Рука висела вдоль тела плетью, в чёрной кожаной перчатке.

Он не вошёл. Остался стоять у косяка, глядя на спящую Эриву. В его взгляде была смесь ужаса и боли.

— *Schläft sie?* (Она спит?) — спросил он тихо.

Роза кивнула. Немецкий язык прозвучал здесь как код доступа к их общему прошлому.

Она вышла к нему в коридор, плотно прикрыв дверь.

— *Ja*, — ответила она. — Зачем ты приехал, Эрик?

— Я знаю про тебя, Роза, — сказал он прямо, глядя ей в глаза.

Роза не вздрогнула.

— И что? Приехал проверить, скоро ли освободится место опекуна?

Эрик поморщился.

— Не язви. Ты знаешь, мы не можем её забрать. — Он коротко посмотрел на своё отражение в тёмном стекле больничной двери. — Лиора она только начала приходить в себя. Малышка Хава растёт.

Роза почувствовала укол в сердце.

— Хава?

— Если Эрива вернётся в тот дом — Эрик снова метнулся взглядом к стеклу, будто пытался увидеть там не себя, а лицо девочки. — Лиора она видит в ней... Она сойдёт с ума.

— Хава, значит... Жизнь за смерть? — съязвила Роза.

— Ты не хирург, а я не на твоём столе. Не нужно резать меня, Роза.

Он оглядел пустые коридоры больницы.

— Я знаю, что Лиора... — глухо сказала Роза. — Я не верну её вам. Никогда.

— Вот поэтому я здесь, — сказал Эрик и здоровой рукой достал из внутреннего кармана плотный конверт. — Это бумаги. На случай твоего ухода. Два экземпляра. Один — тебе.

Он протянул ей листы.

— Здесь прописано всё. Распорядитель — адвокат... — Он посмотрел на закрытую дверь палаты. — Это лучшее, что я могу для неё сделать.

Роза взяла бумаги, не листая. Только сжала сильнее, чтобы не дрогнули пальцы.

— Ручка есть? — спросила она.

Эрик протянул дорогую, тяжёлую ручку.

Роза прижала лист к холодному подоконнику коридора. Боль в боку пульсировала, напоминая, зачем она это делает. Она поставила подпись быстро, не давая себе времени подумать лишнее — под немецким текстом, ровно там, где нужно.

— Спасибо, — тихо сказал Эрик, убирая конверт.

Он постоял ещё секунду, глядя на дверь палаты. Ему хотелось войти — Роза видела это.

Шагнуть в палату, коснуться дочери но он не сдвинулся с места.

— Береги её, Роза, — сказал он. — Пока можешь.

— Уходи, — ответила она без злобы. — Уходи к живым, Эрик. А мы тут сами разберёмся.

Он кивнул, развернулся и пошёл к лифту — одинокая фигура с мёртвой рукой.

Роза вернулась в палату. Она тяжело опустилась на стул, прислушиваясь к пульсирующей боли в боку. Эрива ровно дышала во сне, не помня ничего из своего прошлого.

— Спи, — прошептала она. — Прошлого здесь нет.

Акт II. Библиотека

Квазар

Зима 2017 года.

Домой они вернулись вдвоём, но «Девочку» Роза словно забыла в той больничной палате. В квартиру вошёл подросток в висящей мешком куртке. Оказавшись на пороге, Эрива даже не взглянула на игрушки и не поехала на кухню. Первым делом она молча поползла по лестнице в свою комнату и с сухим шелчком захлопнула дверь. А потом в стену ударил бас — тяжёлый, ритмичный гул, от которого дрожали стёкла. Музыка изменилась. Больше никаких песенок. Теперь за плотно закрытую дверь она никого не пускала.

Когда Роза приходила помочь — помыть голову, потереть спинку, как раньше, — Эрива тихо, но твёрдо просила уйти. Роза открывала дверь в ванную, но внучка тут же сжималась, скрещивала руки на груди, прикрываясь. Она отворачивалась, пряча своё меняющееся тело под пеной.

— Я сама, — говорила она, глядя в кафельную стену. — Не нужно мне помогать. Не смотри.

Роза отступала, закрывала дверь, но не уходила. Она всегда стояла под дверью. Слушала плеск воды, готовая в любой момент ворваться.

Вечерами Роза наблюдала за ней через щель приоткрытой двери детской. На экране монитора больше не было ярких пони — там была дорога. Эрива играла в симулятор водителя автобуса. Бесконечная серая трасса. Руль крутился медленно, аккуратно. Она соблюдала все правила: включала поворотники, останавливалась на красный, ждала пассажиров.

Виртуальные люди заходили. Виртуальные люди выходили.

А Эрива сидела неподвижно, глядя на дорогу, которая вела в никуда.

Роза отворачивалась и молча раскладывала в коридоре высохшее бельё по полкам.

— Сто сорок четыре, — сказала Роза, делая карандашную отметку на дверном косяке. — Ты посмотри, какая длинная стала. Вытянулась.

Эрива, всё ещё тяжело опираясь обеими руками на предплечья бабушки, повернула голову и посмотрела на метки снизу вверх. Её взгляд был расфокусированным. Ноги дрожали от непривычного напряжения.

— Записывай, — сказала Роза, стараясь придать голосу бодрости, и помогла внучке развернуться. — Двенадцатое февраля две тысячи семнадцатого. А теперь давай сюда.

Роза подвела её к напольным весам. Эрива тяжело переставила одну ногу на платформу, затем вторую. Роза крепко держала её за талию, чтобы стрелка не прыгала.

— Так, не шевелись... — Роза вглядывалась в шкалу. — Тридцать один килограмм.

Она вздохнула и потянулась к тумбочке за тетрадь, на секунду отпустив Эриву.

— Ангел мой, тебя же ветром...

Роза замерла, обернувшись с ручкой в руке. Эрива стояла на весах сама. Без поддержки. Плечи были ссутулены, руки неловко расставлены в стороны, всё тело мелко вибрировало от напряжения. Но она стояла. Секунду. Две. Три. Стрелка под её ногами мелко дрожала.

Тяжёлые препараты убивали вкус к еде, она жевала механически, и тело совсем исхудало. И всё же эти тонкие ноги сейчас держали её вес.

На четвёртой секунде колени Эривы подкосились. Роза ахнула, бросила тетрадь и едва успела подхватить её под мышки, плавно опуская в коляску.

— Мама, — тяжело дыша, сказала Эрива.

Детское «Аня» ушло само собой. Осталось короткое «мама».

— Мама, — повторила Эрива, глядя ей в глаза. — Откуда ты знаешь, что будет завтра?

Роза улыбнулась:

— Ну... деточка. Я смотрю в календарь. И знаю. Завтра понедельник, значит, стирка. В пятницу — рынок.

— А почему я не вижу? — тихо спросила Эрива. — Ты знаешь, а я нет. Я смотрю — и вижу, что было вчера. А до вчера — уже нет.

Роза почувствовала, как по спине пробежал холодок. Эрива ждала ответа.

— Я помню автобусы, — вдруг сказала девочка, глядя в стену. — В городе... Гора с ракетой наверху.

Телебашня в Пече.

— Я помню двери. Много дверей. Они открываются и закрываются. Белые коридоры.

Она говорила монотонно, на одной ноте.

— Как в игре. Ты идёшь по коридору. Влево, вправо. Двери Автобус.

Она замолчала, хмуря лоб.

— И ты, мама. Ты там была.

Роза вцепилась в край стола.

— Почему я помню только двери? — спросила Эрива. — А за ними пусто.

Роза смотрела и не знала, что ответить.

— Я думаю... — Эрива медленно подбирала слова. — Когда это сейчас, я понимаю. Пить. Или спать.

Она посмотрела на свои руки, на тонкие запястья.

— Я когда пытаюсь вспомнить, кто я была... я вижу себя. — Она нахмурилась. — Я тяну руку к себе... И всё уходит.

Роза прикрыла рот ладонью, чувствуя, как внутри всё леденеет.

— Поэтому, — закончила Эрива свою мысль, — странно. Завтра есть, а вчера нет.

— Это потому, что мозг травмирован, — выпалила Роза слишком быстро. — Тебе надо есть и отдыхать. Всё наладится.

Её голос прозвучал резче и громче, чем обычно, срываясь на командирские нотки. Эрива ничего не ответила. Она просто отвернулась, скрипя колёсами, и толкнула коляску к лестнице, к своему автобусу.

Конец февраля 2017 года.

Было сухо и ясно. Солнце висело низко над горизонтом, словно не решалось подняться выше, чтобы не согреть этот мир слишком сильно.

Эрива полулежала в плетёном кресле на террасе. Она была укутана в колючее шерстяное одеяло, на голове — большая вязаная шапка, из-под которой торчал острый нос. Сквозь серую сетку на перилах она смотрела вниз. Во двор, пятясь задом, вползала большая грузовая машина. Противный писк парктроника давил на уши: пи-пи-пи.

Грузовик, рыча, втискивал своё огромное, неуклюжее тело на парковку.

— Семья Сабо уехала, — послышалось из-за спины.

Роза вышла на террасу с чашкой чая, проследила за взглядом внучки и добавила спокойнее:

— К нам заезжает новая семья. Во вторую квартиру, с той стороны.

Следом подкатила легковушка.

Из неё вышел мужчина — высокий, с крючковатым носом и тёмной, слегка небрежной бородой. Очки в тонкой оправе блеснули на солнце. На нём была большая дутая красная куртка, делавшая его похожим на яркий поплавок. За ним появилась женщина — полная, с красивыми, уложенными волосами. Она поёжилась — была одета в лёгкое пальто, слишком оптимистичное для февраля.

Она хлопнула в ладоши:

— Так, дети, приехали! Выгружаемся!

Из задних дверей высыпался хаос. Эрива чуть приподняла голову, напрягая шею, чтобы лучше видеть. Сначала выбежал мальчик лет пяти, за ним — ещё один, постарше. Они тут же начали толкаться. А потом появилась девочка. Ростом и возрастом — почти такая же, как Эрива. Может, чуть выше.

— Вот они, — сказала Роза, прихлёбывая чай. — Шумные будут.

Она подошла к креслу. Заметила, что худая рука Эривы выскользнула наружу и посинела от холода.

— Замёрзла ведь... — пробормотала Роза и потянулась, чтобы поправить плед, спрятать руку обратно в тепло.

Эрива не отрывала взгляда от той, другой девочки внизу, но тело дёрнулось само. Она резко вырвала руку.

— Fass mich nicht an! (Не трогай меня!) — рявкнула она.

Фраза на немецком вылетела изо рта сухим, чужим лаем. Роза отшатнулась, чуть не расплескав чай.

В воздухе повисла тишина. Эрива испугалась. Она моргнула, переводя взгляд на бабушку.

— Прости меня, мама... — прошептала она. — Само вырвалось.

Внизу продолжалась жизнь. Та девочка мягко, почти лениво толкнула младшего брата в спину — не зло, а по-старшему, с привычной, небрежной заботой.

— Быстрее, вонючка! — крикнула она звонко.

Тот засмеялся, спотыкаясь на ровном месте.

— Пап, забери мою зарядку!

— Мам, подай мой рюкзак!

Голоса летели в разные стороны. Всё вокруг них двигалось, летало, сталкивалось. Эрива наблюдала и не понимала языка тела этой девочки. Как она стоит — расслабленно, на одной ноге. Как дёргает плечом. Как смеётся — всем телом, запрокидывая голову. Эрива начала анализировать её, разбирать на детали.

«Она красивая? А я тогда какая? И что вообще значит — быть красивой? За это больше любят и дают что-то вкусное? А любят — это значит чаще целуют? Разве целуют не за работу? За ровный круг или целый домик из карточек? А эта девочка ничего не делала. Только обзывалась вонючкой. И отец положил ей руку на плечо. Просто так».

Семья скрылась в подъезде. В голове Эривы всплыла картинка из энциклопедии. Она листала её вчера, разглядывая глянцевые чёрные страницы с цветными кляксами. Эта семья была как на той картинке — настоящей звёздной системой. Все крутились вокруг отца, и это было у них само собой. Эрива посмотрела на свои руки, спрятанные под пледом.

«А кто я?»

Она не помнила никакой семьи. Она чувствовала себя просто... тяжёлой. Всё вокруг неё двигалось с трудом. Коляска скрипела под её весом. Роза тяжело дышала, поднимая её. Даже воздух в её комнате казался густым.

«Я Квазар», — подумала Эрива, вспоминая слово из книги. Что-то тяжёлое и одинокое.

Она скосила глаза на Розу. Бабушка стояла рядом, закрывая собой ветер. Остальной космос был пуст. Сигналы уходили в темноту и не возвращались.

— Мама, — сказала Эрива. — Дай мне телефон.

Роза удивилась. Она перестала поправлять плед.

— Зачем тебе? Что ты хочешь?

— Я хочу... Аарона.

— Позвонить? — Роза нахмурилась. — Деточка, ты же не умеешь... И номер не знаешь.

— Ты позвони, — потребовала Эрива, протягивая руку. — Дай мне его.

Роза вздохнула, но спорить не стала. Она достала свой старый кнопочный аппарат, долго искала в списке контактов нужное имя, щурясь на экран.

— Держи, — она приложила трубку к уху Эривы, потому что та не сразу сообразила, как правильно перехватить скользкий пластик. — Только недолго, он может быть занят.

Эрива вцепилась в телефон двумя руками. Она уже придумала, что скажет:

— Что бы ты сделал, если бы у тебя был звездолёт?

В трубке пошли длинные гудки.

— Да, Роза-нени? — ответил голос — быстрый, запыхавшийся.

Эрива замерла. Голос был рядом, прямо в ухе.

— Аарон... — выдохнула она. На том конце повисла пауза, сбился ритм его шагов.

— Ривка? — голос Аарона изменился. В нём прозвучало искреннее, ошарашенное удивление. — Это ты? Ты... случилось что?

— Я тут, — сказала она.

На фоне у Аарона вдруг кто-то рявкнул грубым голосом. Свисток. Топот.

— Чёрт... Ривка, послушай, — он заговорил очень быстро, шёпотом. — Если ты просто... я не могу сейчас. У нас построение, мой сержант... я перезвоню, ладно?

— Когда? — спросила она.

— Скоро. Как смогу. Прости!

Щелчок. И короткие гудки: пи... пи... пи...

Аарон просто нажал отбой. Но Эрива продолжала слушать гудки. Она медленно опустила руку с телефоном. Экран почернел.

— Я... просто... — тихо ответила она уже погасшему экрану.

Она так и не успела спросить.

— Что, занят? — сочувственно спросила Роза, забирая трубку. — Я же говорила, он служит.

— Связь оборвалась, — тихо сказала Эрива, глядя на пустой двор.

— Ну, появится, — Роза начала разворачивать кресло.

— Пойдём внутрь, мама. Холодно.

Восьмое марта

8 марта 2017 года.

Дни стали серыми и одинаковыми. Влага из земли вымерзла окончательно, сменившись колючими мартовскими ветрами.

Эрива больше не просила телефон. Она сидела на полу в своей комнате. Перед ней расстилалась простора земного шара. Большая географическая карта лежала прямо на ковролине, как ковёр. Карандашом она делала отметки, проводила невидимые линии, ставила маленькие флажки-стикеры, тут же искала эти места в интернете.

Она выискивала крайние точки, одинокие острова в Тихом океане, рассматривала синюю пустоту. Рядом лежал её дневник — большой, толстый, в мягкой бархатистой обложке, распухший от цветных закладок. Она делала записи, возвращалась к ним, что-то яростно зачёркивала, добавляла.

Училась она жадно. Речь становилась менее рваной, более плавной. Она пыталась сидеть без опоры, иногда вставала, держась за мебель, но в ногах всё ещё не было силы. По дому передвигалась быстро и ловко — ползком, на четвереньках, почти бесшумно, как кошка.

— Мама, — не отрываясь от карты, позвала Эрива. — А ты знала, что мир не заканчивается за холмом?

Роза, протирая полку, остановилась:

— Конечно, не заканчивается. Мы же ездим в город.

Эрива покачала головой и ткнула пальцем в карту.

— Я раньше думала, что мир — как в игре. Квадрат. Ещё квадрат.

Она подняла глаза.

— А между ними тоннель. Автобус едет, а по бокам ничего нет. Как будто не прогрузилось.

Она показала рукой в узкий коридор.

— И мне казалось: если водитель свернёт — мы вывалимся. Просто исчезнем.

Роза застыла с тряпкой.

— Это Аарон мне показал, — сказала Эрива уже тише. — Летом. Он сошёл с дороги. Мы пошли в лес. И не провалились.

Она улыбнулась своим мыслям.

— Он показал, что горы — твёрдые. Что трава растёт везде. Что мир — это не квадраты.

Она замолчала, поглаживая бумагу карты.

— Теперь я знаю. Но иногда... иногда мне всё равно кажется, что если я отвернусь, птицы выключатся...

Тишину оглушил звонок в дверь — резкий, требовательный звук.

— Опять кто-то квартиру перепутал, — буркнула Роза, пряча наворачнувшиеся слёзы и уходя вниз.

Послышались тяжёлые шаги. В коридоре загорелся свет — жёлтый квадрат упал на пол через окно над входной дверью.

Эрива тихо подползла к лестнице. Опустившись на две ступеньки ниже, она осторожно просунула голову между балясин, стараясь разглядеть, кто там. Роза открыла — и вдруг всплеснула руками:

— Батюшки! Аарон!

Сердце Эривы стукнуло так, будто она пропустила ступеньку.

На пороге стоял Аарон.

Но это был не тот мальчишка, что таскал её в рюкзаке. Лицо его изменилось — повзрослело, вытянулось, скулы заострились. Он был в парадной кадетской форме — тёмно-синий

китель, погоны, отутюженные стрелки брюк. В одной руке он держал большой букет тюльпанов. В другой — маленький, изящный свёрток с цветами.

— Роза-нени, с Международным женским днём, с Восьмым марта вас! — сказал он басом и шагнул вперёд.

Он обнял её, поцеловал в обе щёки, вручил большой букет. Роза расцвела.

— Спасибо, Аарончик! Господи, какой ты стал... Ну что ты стоишь у порога, проходи!

Аарон продолжал держать маленький букет, оглядываясь, ища кого-то глазами.

— А где... — начал он и осёкся.

Он увидел, как по лестнице спускается Эрива. Она не ползла. Она шла. Держалась за перила, переставляя непослушные ноги, двигалась медленно, криво, но вертикально.

Подойдя, она остановилась напротив — стеснительно, с лёгкой, неуверенной улыбкой, комкая край домашней кофты.

Аарон шагнул к ней и протянул цветы — нежные весенние фрезии.

— С праздником тебя, Ривка, — тихо сказал он.

Наклонившись, он поцеловал её сначала в левую щёку, потом в правую. Эрива замерла. Чужая щетина царапнула кожу — остро, непривычно.

— А ты когда приехал? — разрешила паузу Роза.

— Да вот сегодня утром, в увольнительную, — ответил Аарон, выпрямляясь и снимая обувь.

— Ну ты проходи, — засуетилась Роза. — Сейчас будем праздновать, я тебя угощу чем-нибудь вкусеньким. Пирог как раз готов.

Эрива осталась у лестницы с цветами в руках. Она стояла неподвижно, всё ещё чувствуя на щеке колкость чужой щетины.

Они сели в столовой.

Аарон звонко размешивал сахар в чашке, уплетая большой кусок пирога. Вилка в руках Эривы тихо цокала по тарелке.

— Роза-нени, — он сделал паузу, прожёвывая, — Пирог — бомба! Каждый день печёте?

— Да нет, — отмахнулась она. — Это сегодня. Пишта-бачи обещал зайти.

— Ага, — усмехнулся Аарон. — С охапкой сена вместо цветов?

Роза рассмеялась:

— Он хороший человек. Может, ближе к лету Эрива снова захочет к лошадкам.

Она посмотрела на девочку. Та сидела молча, ковыряя пирог вилкой, но не ела. Иногда она неловко поднимала глаза на Аарона — и тут же опускала их в тарелку, стоило ему встретиться с ней взглядом.

— А что ты так мало ешь? — спросил Аарон. — Худая совсем.

Роза ответила за неё, понизив голос:

— Это из-за лекарств. Еда ей как глина, и кусок не лезет. Каждый лишний килограмм — по молекуле собираем.

Аарон нахмурился, но быстро вернул улыбку:

— А всё равно у вас самые лучшие пироги. Вам надо прогнать этих алкашей снизу и открыть цукрасду, настоящую кондитерскую. Назвать: «У бабушки Розы».

— Продавать моюстряпню за деньги? — фыркнула она. — Да кто ж купит?

— Почему бы и нет? — махнул он рукой.

От Аарона пахло формой, холодом улицы и чем-то ещё новым. Взгляд Эривы цеплялся за детали: тусклый блеск пуговиц, движение кадыка, когда он делал глоток чая. За то, как он смеялся — широко, уверенно. По её телу прошла дрожь — вроде знакомая, но какая-то другая.

— Может, ей плохо? — тихо спросил Аарон, заметив её взгляд. — Эрива, ну что ты такая грустная?

— Ничего, — ответила она едва слышно. — Просто устала.

— А вы гулять ходите?

— Да мы вот в город ездим на реабилитацию, — ответила Роза. — А так — не очень. Зима, сырость, холод.

Аарон отставил чашку.

— Да это не помеха, — сказал он решительно. — Правда, Ривка? Хочешь, прямо сейчас прокатимся? У меня есть час. Как летом. Давай.

Эрива застыла. Она уставилась на Аарона. Потом — с паникой — на бабушку.

— Да ну, Аарончик, не стоит, — заволновалась Роза. — Мы тут на террасе воздухом дышим

— Да ладно вам, — перебил он мягко, но настойчиво. — В деревне всё равно никого нет. Пройдёмся по улице, поболтаем. Воздухом подышим.

Он улыбнулся Эриве своей широкой улыбкой:

— Да?

Эрива в панике посмотрела на бабушку, потом на Аарона. Сердце колотилось. Отказаться — значило потерять этот час с ним.

— Да, — выдохнула она.

Они шли по пустой улице.

Эрива не сидела в коляске — она шла, почти навалившись на ручки, как на ходунки, и толкала её перед собой. Медленно, упрямо, шаркающими шагами. Коляска скрипела.

Капюшон был натянут глубоко на лицо, из-под него высыпался водопад светлых волос.

Аарон шёл рядом, подстраиваясь под её черепаший шаг. Он рассказывал, как учиться. Про казарму, про ранние подъёмы. В его речи появились новые слова — «так точно», «принято», короткие, рубленые фразы.

Эрива ловила их и примеряла к себе. Это ей было знакомо: жизнь по графику, таблетки по часам, команды, которые нужно выполнять. Он говорил про общежитие, про друзей, про увольнительные. Говорил так, словно это само собой разумеется — что у неё тоже это будет. Что она тоже окончит школу, поступит, будет жить сама. Эрива слушала и не верила. Для неё это звучало как сказка про другие миры.

— Посади меня, — вдруг сказала она.

Ноги начали дрожать. Аарон остановился.

— Устала?

— Да.

Он не стал спорить. Осторожно, подхватив под мышки, пересадил её в сиденье.

Конструкция жалобно скрипнула и прогнулась под весом подростка. Ноги Эривы неловко торчали, упираясь коленями почти в подбородок — подножка была слишком высоко.

— Да уж... — выдохнул Аарон. — Вам нужна новая коляска.

— Угу, — буркнула Эрива, натягивая капюшон ещё ниже.

— Ты выросла, — констатировал он.

— Не нужна мне эта дурацкая коляска, — прошипела Эрива, глядя в асфальт. — Я ненавижу её.

— Понимаю, — сказал он тихо.

— Ну что, — произнёс он спустя паузу, — разворачиваемся? Темнеет.

Они пошли обратно. Аарон теперь вёз её.

Сзади звякнул велосипедный колокольчик. Аарон съехал к обочине, уступая дорогу.

Мимо пролетела девушка — ровесница Аарона, в ярком шарфе, с распущенными волосами.

— Sziasztk! — бросила она на ходу и вдруг резко затормозила.

Шины шоркнули по асфальту.

— Аарон?!

Она спрыгнула, подошла ближе, улыбаясь широко — без стеснения.

— Обалдеть форма! Ты в увольнительной? Надолго? Мы сегодня у Петера собираемся, приходи!

Аарон смутился.

— Привет, Эмеше — выдавил он, краснея.

Девушка перевела взгляд вниз — на коляску, на капюшон, на руки Эривы, вцепившиеся в ткань.

— Это Розы-нени внучка?

Эрива сжалась, натянув капюшон так, что он полностью скрыл её лицо.

— Да, — коротко ответил Аарон.

И положил ладонь на ручку коляски — крепко. Девушка кивнула — быстро, неловко.

— Поняла ну ладно. Рада была видеть! — сказала она уже тише и снова забралась на велосипед.

Колокольчик звякнул — и она уехала, оставив после себя шлейф сладких духов. Аарон стоял неподвижно, глядя ей вслед. Эрива медленно высунула нос из капюшона.

— У тебя что, бензин кончился? — спросила она тихо, почти шуткой.

— А? — он вздрогнул. — Нет просто...

— Поехали, — сказала Эрива твёрдо. — Я замерзаю.

Фонари вспыхнули резко, жёлтым светом.

— Да, — кивнул Аарон и взялся за ручки. — Поехали.

Обратно они шли молча. Праздник остался там, у двери, вместе с цветами. Аарон вёз коляску, не глядя на Эриву.

Надежда

Был тёплый май, пахло акацией. Пишта-бачи легонько хлопнул пони по крупу, животное фыркнуло и плавно повело Эриву по кругу манежа. Эрива сидела в седле, не находя ногами опоры в стремях. Всем телом она лежала на шее пони, зарываясь тонкими пальцами в жёсткую тёплую гриву.

— Давай, попробуй, — мягко сказал Пишта-бачи. — Приподнимись. Спинку ровно.

Он шёл у плеча пони. Корда в руке, ладони чуть приподняты.

— Я держу на корде. Она не рванёт. Качнёт — поймаю.

Пони шла медленно. Эрива попыталась выпрямиться. Мышцы спины дрожали.

— Молодец. Вот так. Что ты так дрожишь? Как замёрзла. — Пишта-бачи улыбнулся в усы. — Плюс двадцать два. Майское солнце.

Тень от козырька шлема падала Эриве на глаза. Солнце грело спину, проникая сквозь одежду. Пишта-бачи посмотрел на дощатый забор манежа.

Там стояла Роза. Напряжённая, она вытянула перед собой руки со сжатыми кулаками — словно сама сейчас сжимала поводья. Эрива, устав держать спину, снова положила голову на шею пони. Посмотрела на Пишта-бачи. Перевела взгляд на Розу — и заметила, как он смотрит на неё.

— Почему ты не подаришь ей цветы?

Голос прозвучал звонко. Пишта-бачи улыбнулся, не сразу поняв.

— Ну что ты, — усмехнулся он. — Лошадки цветы не едят. Им сено нужно. Морковка.

— Нет. — Эрива упрямо мотнула головой. — Почему ты не подаришь цветы маме?

Пишта-бачи споткнулся. Улыбка сползла.

— Розе? — неловко переспросил он, понизив голос. — Ты про Розу?

— Да. Почему ты не даришь ей цветы?

— А зачем? Праздника же нет — он растерялся и густо покраснел сквозь загар.

Большие грубые руки, привыкшие к узде и вилам, внезапно стали ему мешать. Эрива снова попыталась приподняться. Тело не слушалось, но она смотрела прямо вперёд, между ушами пони.

— Ты на неё смотришь ласково. А говоришь про сено... Глупо.

Пони фыркнула, отгоняя муху.

— Взрослые странные, — Эрива снова опустила голову, прижавшись щекой к тёплой шерсти.

— Говорите, когда не нужно. Когда надо сказать — молчите. Я люблю цветы. — Она выдержала паузу. — Когда их дарят.

Круг продолжался. Пишта-бачи шёл рядом.

Он снова посмотрел на Розу. Она стояла за забором всё так же не двигаясь, щурясь от солнца. Их взгляды встретились, и Роза тут же отвернулась, опустив глаза. Эрива лежала грудью на шее пони и дышала в такт шагам.

Пони замедлила шаг. Круг замкнулся.

К началу лета занятия стали регулярными — вторник и пятница. Как часы.

Пишта-бачи молча забирал их из квартиры: помогал спустить коляску по лестнице, укладывал плед, отвозил на ферму — и так же молча возвращал обратно. Он почти не говорил. С ним было просто надёжно.

Квартира постепенно наполнялась старыми книгами. Роза приносила их из списанных фондов библиотеки на чердаке. В комнатах запахло книжной пылью, временем и чужими руками.

Эрива сидела за столом, склонившись над тетрадь. Она выписывала сложные буквы русского алфавита:

Ж. Ф. Ц. Щ.

Выводила медленно, старательно. Рядом лежал старый советский букварь. Эрива спотыкалась о незнакомые слова, пробовала их произнести — и тут же сравнивала с венгерскими.

— Стол, — читала она по слогам. — Как наш *asztal*.

— Слива... *Szilva*.

Она поднимала голову, искренне удивляясь:

— Странно... Буквы переставили — и другой язык. Зачем?

Иногда Роза поправляла её, замечая, что русский язык даётся ей самой всё труднее. Иногда она подходила к окну. Отсюда, со второго этажа библиотеки, как на ладони был виден двор её прежнего дома. Она смотрела туда, сама не понимая, чего ждёт. Может, машины Вали и Кости. Но там никого не было.

— Страна на букву «Ю», — вдруг спросила Эрива, не отрываясь от прописей.

— Югославия, — автоматически ответила Роза.

Эрива звонко рассмеялась:

— Мам, нет такой страны! Она исчезла.

Роза вздрогнула.

— Да исчезла, — тихо сказала она.

— Что? — переспросила Эрива.

— Ничего, девочка моя. Собирайся. Нам нужно ехать. В школу.

— В субботу школа закрыта, — улыбнулась Эрива.

— Для нас открыта, — сказала Роза, снимая фартук. В голосе зазвенела сталь. — Нас ждут к одиннадцати.

Воздух в кабинете директора был пропитан запахом гляцевых страниц и лимонного освежителя. Эрива сидела на жёстком стуле, изо всех сил стараясь держать спину — край сиденья больно давил на худые ноги. Роза стояла рядом, положив руку на спинку стула.

Директор, уставшая женщина с тугим пучком на голове, перебирала бумаги. Рядом сидела социальный педагог — грузная дама с томными, внимательными глазами.

— Послушайте, Роза — начала директор мягко. — Мы понимаем ситуацию. Девочка умная, тесты прошла блестяще. Интеллект сохранён полностью. Но физически Наша школа старой постройки. Мы не совсем приспособлены.

— Она будет ходить, — спокойно перебила Роза. — Медленно, но будет. Мы не просим поблажек.

— Дело не в поблажках. Дело в темпе. Она не будет успевать писать, не будет успевать переходить из класса в класс.

Взгляд директора скользнул по рукам Эривы. Пальцы, лежавшие на коленях, мелко подрагивали от напряжения.

— У неё особенности моторики.

Эрива сглотнула. Гордость от «блестящих тестов» мгновенно улетучилась. Она спрятала руки под стол, зажав ладони между коленями. Но дрожь передалась всему телу. Она ненавидела, когда о ней говорили в третьем лице.

— Есть выход, — сказала социальный педагог. — Индивидуальный учебный порядок и дистанционное подключение.

Она положила на стол бланк.

— Мы подключаем к внутренней сети школы. Уроки можно слушать удалённо, из дома. Задания отправлять через сервер. Там есть чат с кураторами и другими ребятами на индивидуальном обучении. Это социализация, но в безопасном режиме.

Эрива посмотрела на бланк. Простой текст, но жирным шрифтом, капслоком, в заголовке стояло одно длинное слово. Она не дочитала до конца, как стало жарко в лице. Слово жгло глаза.

— Я могу писать сама, — тихо сказала она.

— Эрива — одёрнула её Роза.

— Я могу! — голос сорвался. — Мне не нужна «поддержка». Я не хочу в «чат». Я хочу в класс.

Директор сняла очки и устало посмотрела на социального педагога. Та не отвела взгляда. Положила тяжёлый подбородок на ладонь и посмотрела Эриве прямо в глаза:

— Эрива, послушай. Урок идёт сорок пять минут. Ты пишешь медленно. Пока ты выведешь задачу, класс её уже решит. Ты хочешь учиться или догонять?

Пауза.

— Упрямство у тебя хорошее. Но давай не будем тратить его на ручку.

Она взяла со стола ручку, покрутила её в пальцах и добавила:

— С ручкой ты будешь всё время догонять. С клавиатурой — можешь уйти вперёд.

Повисла тишина.

Эрива смотрела на свои руки под столом. Они дрожали. Педагог была права.

Роза подошла к столу и резко отодвинула бланк, даже не взглянув на него.

— Она хочет в класс, — отрезала она, глядя на директора. — Я буду привозить её. Буду сидеть в коридоре.

Директор тяжело вздохнула и потеряла переносицу.

Роза подняла Эриву со стула и, поддерживая под мышки, повела к двери, где ждала коляска. У порога она обернулась, понизив голос:

— Если надо — буду носить её на руках...

Они вышли из кабинета.

Эрива низко опустила голову. Дрожь из рук перекинулась на подбородок. Она молча шмыгала носом, не отводя взгляда от трещин на кафеле.

Пока Роза в коридоре возилась с креслом старой коляски, дверь кабинета приоткрылась. До Эривы долетели обрывки телефонного разговора директора:

— Да, они были... Нет, послушай ответственность, я понимаю... настаивает на очном... Да, рядом сидит ещё не ушли...

Дверь распахнулась.

— Роза-нени! — окликнули её. — Вернитесь на секунду, пожалуйста.

Эрива осталась в коридоре. Через дверь она слышала, как напрягся голос бабушки — дрогнул, а потом зазвенел надеждой:

— Попробуем... Рита, тьютор, навестит вас всё расскажет... да, просто приходите и сидеть... будем смотреть по состоянию... четвёртый класс.

— ...и дома тоже... логин пришлём... да...

Дверь открылась.

Роза вышла красная, взволнованная. Подошла к Эриве и опустилась перед ней на корточки.

— Ты пойдёшь в школу, моя девочка, — выдохнула она. — По-настоящему. Они разрешили попробовать.

Щёки Эривы вспыхнули. Она выпрямила спину, будто стала выше. Посмотрела на пёстрые стенды в коридоре — фотографии выпускников, школьных команд, праздников. Потом закрыла глаза.

Роза толкнула коляску к выходу.

Забывтый тайник

Конец июня 2017 года.

Роза всё чаще стала оставлять Эриву одну. Сначала ненадолго — сбегать на почту, оплатить жёлтые квитанции, заскочить в магазин за хлебом. Сложная страховочная система с корзиной на перилах террасы больше не требовалась. Роза просто запирала входную дверь на два оборота и уходила.

Она не боялась вопросов. Если кто-то из соседей и спрашивал — отвечала уклончиво и спокойно. Настороженность односельчан, висевшая над домом туманом, спала. Болезнь «той девочки» перестала казаться чем-то пугающим. Осенью она шла в школу. Местные быстро усвоили негласные правила: не лезть с вопросами, не пялиться и держаться ровно.

Пока бабушки не было, Эрива жила на террасе. Она наблюдала за редкими прохожими сквозь сетку, читала книги, слушала птиц. Она всё лучше чувствовала своё тело, изучая его как механизм. И если становилось хуже, она точно знала алгоритм: эта белая таблетка — от дрожи, эта розовая — от головной боли.

— Через два часа, — прошептала она, глядя на солнце. — Принять, когда тень коснётся второго столба.

Её саму это удивило. Откуда она знает, что такое «через два часа»? В игре всё просто: таймер в углу экрана тикает. Дают пять минут — это триста секунд. Их можно посчитать. А два часа в реальности? Как их считать? Не могут же люди всё время ходить и отсчитывать про себя секунды.

В тот день Роза впервые ушла надолго.

Приехали Валя с Костей. Они затеяли перестройку, собирались делать баню в сарае. Роза поспешила туда, чтобы забрать своё имущество — старые клетки для кроликов и сетчатые секции ограждений. Их решили перетащить в гараж внизу нынешнего дома — под зданием старой библиотеки. Там было место. И для клеток, и для старой мебели, и для сена. Для всей той утвари, которая хранится годами на всякий случай. Собираясь, Роза не заметила, что оставила ключ в нижней секции серванта.

Эрива знала, что туда нельзя. Но рука уже тянулась.

Она потянула дверцу на себя — и та тяжело навалилась, распахнувшись резко, с глухим стуком.

Пахнуло старой бумагой и можжевельником. Внутри лежали стопки бумаг, тонкие файлы с документами, какие-то свёртки. Небольшая пачка наличных денег, талоны на еду — *Erzsébet-utalvány*.

Внимание Эривы привлекла шкатулка. Она коснулась крышки. Попыталась поддеть её пальцем. Не открылась. Она тут же потеряла интерес. Под шкатулкой лежал файл — на zip-застёжке. Пластик был чуть липкий от времени, края потемнели. Внутри — фотографии.

Первая лежала сверху. На ней была Роза. Молодая. Счастливая. Рядом стоял мужчина — высокий, строгий. Он не смотрел в камеру — он смотрел на Розу.

Сбоку, чуть в стороне, стояла та старая машина, которая сейчас пылилась в гараже. И ещё там была девочка. С такими же волосами, как у Эривы. Эрива сначала даже подумала: «Это я», но потом внутри стало холодно, потому что это была не она.

Под первой фотографией лежала вторая. Сложенная вдвое.

Эрива попыталась расстегнуть застёжку, чтобы достать снимок, но пластик «прикипел» — не поддался. Она не стала рвать. Фотографию было видно и так, через мутноватый полиэтилен: смазанные цвета, как в кадре из сна.

На фоне яркой зелени стояла молодая пара. Мужчина — высокий, с тёмной, короткой бородой. Женщина — та самая девочка с первой фотографии, только уже взрослая: смеющая-

яся, с распущенными волосами. Они выглядели счастливыми, но не прижимались друг к другу плотно. Между ними был странный зазор, как будто там должен был стоять кто-то ещё — и именно его спрятал аккуратный сгиб. Центр кадра исчезал в складке.

Эрива долго смотрела в их лица. И вдруг что-то тёплое коснулось её ног. Ощущение было физическим, реальным, словно она сидит в ванне, и вода начинает набираться: сначала омывает щиколотки, потом поднимается выше — к коленям, к бёдрам. Тёплое, обволакивающее чувство.

Она перевела взгляд на фон снимка. За спинами пары стоял дом. За домом открывался вид на горы — настоящие, высокие. Дом был странный — похожий на маленький замок. Первый этаж из грубого камня, выше — тёмное дерево, окна с яркими красными ставнями. Эрива долго смотрела на чердачный уровень. Там, под самой крышей, темнели крошечные окошки, похожие на скворечники.

«Там кто-то жил», — подумала она уверенно.

В её комнате тоже были такие окна — в небо.

«Маленький замок», — решила Эрива.

Она снова посмотрела на мужчину и женщину.

«А это, наверное, король и королева этого замка».

Потом её взгляд снова упёрся в сгиб между ними.

«Принцессы здесь нет».

В подъезде гулко хлопнула дверь. Послышались торопливые шаги. Эрива вздрогнула. Наваждение тёплой воды исчезло. Она судорожно вернула файл на место, навалилась всем весом на тяжёлую дверцу серванта. Магниты щёлкнули. Ключ она повернуть не успела.

Входная дверь распахнулась. В проёме появилась запыхавшаяся и румяная Роза. Её одежда пахла пылью и сеном. Руки были пусты, но вид — совершенно довольный.

— Ну что, девочка моя! — радостно выдохнула она, отряхивая ладони. — У нас опять с тобой будут кролики!

Август 2017 года.

Перфоратор гудел на весь двор. Глухой, настойчивый звук шёл снизу, из старого гаража под библиотекой. Там работали Аарон, его друг Петер и Пишта-бачи.

Эрива медленно сползала по лестнице, наваливаясь на стену и мёртвой хваткой держась за поручень. Ремешок перекинутой через плечо сумки тянул её вниз, но она упрямо несла воду мальчишкам. Остановилась у двери, не заходя внутрь, и наблюдала, как ряды клеток поднимаются над бетонным полом.

— Второй ряд чуть ровнее, ребятки, — командовал Пишта-бачи, сидя на ящике. — Левый край завален.

— Да знаем мы, — буркнул Петер, вытирая пот со лба. — Вы бы, Пишта-бачи, лучше придержали, чем советы давать.

— Ладно, мы справимся, — добавил он нервно, когда клетка опасно качнулась.

— Вот-вот, справитесь, молодцы, — ехидно отозвался старик, не двигаясь с места.

Аарон буркнул с саморезом в зубах:

— Подай, Петер и... не груби старшим! — он вынул саморез, перехватил шуруповерт. — Пишта-бачи нам помогает, видишь? Глазомер у него — как уровень.

— Да я не грублю, — ответил Петер. — Просто руки затекли.

Эрива стояла у дверного косяка, прислонившись плечом к тёплому дереву.

— Холодную воду я принесла, — тихо сказала она.

В глубине гаража, у дальней стены, стоял брезент, покрытый слоем пыли. За ним угадывался длинный силуэт машины. В проёме гаражных ворот появилась Роза. Пишта-бачи сразу подобрался, выпрямился, почти поклонился, смахнув несуществующую пыль с колен.

— Добрый день, Роза.

— Здравствуйте, мальчики, — ответила она.

Потом посмотрела на Эриву и коротко скомандовала:

— Не стой у порога. Сядь. И воду поставь на ящик.

Эрива послушно присела на низкую табуретку, поставила запотевшую бутылку.

— А что это вы её не продали? — спросил Пишта-бачи, кивнув на брезент.

— Кого? — Роза посмотрела туда же.

— Эту технику... что у вас там? Нерабочая? Место только занимает.

В этот момент Аарон прыгнул со стремянки — ловко, отряхивая ладони.

— Всё готово, Роза-нени. Три ряда висят. По шесть клеток. Здесь внизу будем складывать сено. Тут поставим ящики с опилками. Вентиляция рядом — кроликам будет нормально.

— Вонять будет соседям через вентиляцию, — скептически вставил Петер.

Аарон хлопнул его по плечу.

— Да никому ничего вонять не будет. Кролики чистые.

Он улыбнулся, подошёл к Пишта-бачи, пожал ему руку.

— Спасибо вам за помощь. Без вас мы бы криво повесили.

Потом, будто между делом, спросил, глядя на Розу:

— Роза-нени, а можно посмотреть вашу машину? Ну пожалуйста.

Роза неловко опустила глаза, теребя край передника.

— Только брезент потом верните назад. И аккуратно.

— Петер, помоги, — бросил Аарон.

Они вдвоём аккуратно стянули тяжёлую ткань.

Под брезентом оказался старый Ford Granada Coupé. Он стоял огромный и широкий. Хром бамперов блестел, пусть и слегка померкший от времени. Салон из красного велюра виднелся сквозь тонированные стекла.

— О-о... — выдохнул Пишта-бачи, присвистнув. — Да по ней только воском пройтись — будет как новая. Откуда она у вас, Роза? Я такой в деревне не помню.

Роза приложила палец к губам:

— Тс-с. Это подарок Имре. Давно это было.

Она посмотрела на внучку.

Эрива равнодушно скользнула взглядом по машине. Длинное, тяжёлое старьё её не интересовало. Она посмотрела на Аарона, на его горящие глаза. Потом — на аккуратные ряды клеток.

Она уже была мыслями в школе. Там шум был другим. Там время считали не по звуку перфоратора, а по звонкам. Там ей предстояло быть просто ученицей.

В гараже снова загудел инструмент. Мужские голоса слились с эхом.

Эрива вышла из душного сумрака на свет. Она задумчиво смотрела на поле за дорогой. Там, среди высокой травы, медленно бродил аист, выискивая лягушек.

— Аарон? — тихо позвала она через плечо.

— Да, — отозвался он, вытирая руки тряпкой.

— А ты видел принцессу? — задумчиво спросила Эрива.

— Принцессу? — он усмехнулся. — Не знаю. Я знаю только одну принцессу.

Он подошёл ближе и легко, почти машинально погладил её по макушке.

— У нас тут одна принцесса. Ну что, идем?

Эрива хотела что-то спросить ещё, но передумала. Опираясь о стену, она вышла на задний двор магазина — туда, где старая туя отбрасывала плотную тень. Облокотилась на угол стены и продолжила думать.

Там она и увидела девочку — ту самую, из второй квартиры. Та громко разговаривала по телефону. Зажав правую кисть под мышкой, она держала смартфон в левой руке у самого рта,

будто бутерброд. Надиктовывала что-то, прикладывала трубку к уху, слушала и снова принималась наговаривать.

На её юном лице уже была косметика. Эрива заметила чёткие стрелки, накрашенные ресницы, прозрачный блеск на губах, а ярко-бежевая майка, усыпанная пайетками, рассыпала вокруг себя солнечные зайчики.

«Принцесса», — подумала Эрива.

На секунду их взгляды встретились. Девочка посмотрела на неё, оценивающе скользнула взглядом по мешковатой одежде Эривы и бросила короткое, дерзкое:

— Csá! (Чао!).

И пошла обратно, продолжая разговор. Она ходила взад-вперёд, как тигр в клетке: десять метров туда, десять обратно. В очередной раз, проходя мимо, она вдруг остановилась.

— А ну, сейчас! — бросила она кому-то в трубку.

Потом внимательно посмотрела на Эриву.

— Ну? Чего уставилась?

Эрива покраснела. По ногам пробежала дрожь, её начало трясти.

— А что ты смотришь? — тихо, эхом ответила Эрива.

Девочка нахмурилась, скривила губы.

— Ого... ты странная. Боже...

Она брезгливо отвернулась и тут же заговорила в трубку, демонстративно громко:

— Ты представляешь, только что... тут это чудо стоит...

Дальше Эрива уже не слышала.

Она почувствовала, как в животе что-то начинает расти. Снизу, изнутри, поднималось тяжёлое, горячее чувство.

— Мама... — позвала она шепотом.

Руки скрутил резкий холод.

— Мама! — голос дрогнул, сорвался на визг.

Из гаража выбежал Аарон. За ним — Роза. Эрива повернулась к ним с удивлённым, почти пустым взглядом. Плечи сами взлетели к ушам — и в тот же миг плотину прорвало. Её вырвало. Сильно. Больно. Прямо на землю, на свои кроссовки.

Роза и Аарон не видели, что произошло секунду назад. Разговора они не слышали. Девочка-принцесса уже скрылась за углом дома, унося с собой телефонный шёпот и резкий смех. Роза остановилась рядом с Эривой:

— Ого... это что-то новенькое.

Пауза.

— Что случилось, моя девочка?

Аарон, не задавая вопросов, развернулся и побежал за салфетками. Пишта-бачи уже был рядом. Он молча помог Розе поднять Эриву, аккуратно, без суеты. Вместе они завели её в дом. Эрива ничего не сказала.

Она стояла в ванной над раковиной и медленно вытирала губы мокрой салфеткой. Руки неконтролируемо дрожали. Она старалась держать их неподвижно, прижимала к холодному фаянсу. Скрипнул кран — от резкого гидроудара вздрогнули старые трубы в стене. Эрива медленно поворачивала вентиль, настраивая напор так, чтобы струя стала ровной.

Она умылась ледяной водой. Подняла голову. Посмотрела на себя в зеркало. Она смотрела себе в глаза, стараясь дышать ровно. И вдруг отражение в зеркале улыбнулось.

«Но я ведь не улыбаюсь», — подумала Эрива с ужасом.

В голове зашумело. Невыносимые, высокие, пронзительные ноты. Скулы свело, мышцы лица одеревенели. Затылок обдало жаром, словно туда плеснули кипятком. Свет лампы над зеркалом стал невыносимо ярким. Она попыталась крикнуть:

— Мама...

Но голоса не было. Язык стал огромным и чужим.
В ванной раздался глухой, тяжёлый удар — тело рухнуло на кафель.
Ждавшая под дверью Роза рванула ручку.
Пишта-бачи на кухне вздрогнул, выронил стакан с водой и бросился в коридор.
— Скорую! — закричала Роза не своим голосом.

Ложь и молитва

Окна палаты были плотно закрыты. Старый кондиционер тихо скрипел заслонкой под потоком ледяного воздуха: вверх, вниз. Роза сидела в кресле неподвижно. Пальцы, сцепленные в замок на коленях, побелели.

Она смотрела на спящую внучку.

Роза никогда не верила в Бога. Она привыкла, что у всего есть причина, а у лечения — результат. А теперь — вот эта палата. На кровати девочка. Эрива тихо посапывала, и Роза вслушивалась в этот ровный звук, боясь пропустить паузу.

Дверь приоткрылась. Медсестра кивнула ей:

— Роза-нени? Вас просят.

Она вышла в коридор. Яркий люминесцентный свет ударил по глазам, смешиваясь с густым, тяжёлым запахом хлорки и лекарств.

У поста стоял дежурный врач — молодой, уставший мужчина. Рядом стояла Илона, сегодня она была на смене в приёмном. Илона нервно теребила пуговицу халата и почему-то не смотрела Розе в глаза.

Роза подошла.

— Доктор, — начала она. — Пожалуйста.

— Роза, послушайте, — врач устало потёр переносицу. — Клиника очевидна. Это эпилептический приступ. Я обязан зафиксировать рецидив.

— Нет, — твёрдо сказала Роза.

— Что значит «нет»? — удивился он. — Это медицинский факт.

— Это реакция на лекарства, — Роза смотрела ему прямо в глаза. — Передозировка. Я сама ей дала не ту таблетку. Моя вина.

— Передозировка? — Врач скептически прищурился.

— Подозрение на интоксикацию, — сказала Роза быстро. — Приступ на фоне неправильного приёма препаратов. Запишите так.

Врач выдохнул, переглянулся с Илоной.

— Анализы покажут концентрации...

— Пусть покажут, — перебила Роза. — В карте не должно появиться формулировки «подтверждённый рецидив» до уточнения причин.

Врач молчал. Он понимал, что происходит.

— Зачем вам это? — тихо спросил он. — Лечение всё равно нужно корректировать.

— Школа, — выдохнула Роза. — Если вы напишете «эпилепсия» сейчас... Комиссия увидит карту. Её не возьмут. Закроют в четырёх стенах.

Она шагнула ближе и схватила его за рукав халата.

— Это убьёт её...

Илона наконец подняла глаза и тяжело вздохнула.

— Андраш, — тихо сказала она, положив руку на плечо врачу. — Не губи девочку. Ей в школу надо. Напиши «интоксикация». Это допустимо. Я прослежу.

Врач смотрел на Розу. Долго молчал, глядя в карту. Потом щёлкнул ручкой.

— Хорошо, — сказал он сухо. — «Подозрение на острую интоксикацию / спровоцированный судорожный приступ на фоне неправильного приёма препаратов». Капельница. Наблюдение сутки.

Он поднял на неё строгий взгляд:

— Но, Роза если это повторится в школе — я вас не прикрою.

— Не повторится, — прошептала она. — Спасибо.

Она развернулась и побрела в палату на ватных ногах. Дверь за ней закрылась, и она бессильно опустилась в кресло, вслушиваясь в дыхание девочки.

Было темно.

Роза дремала у постели Эривы. Девочка спала тихо, свернувшись на боку в своей привычной позе. Больничное одеяло она прижимала к груди, как щит.

Сон Розы был рваным. Под закрытыми веками бегали зрачки. Пальцы время от времени сжимали подлокотники, тело вздрагивало. Тяжёлая рука легла на её плечо. Не трясла — давила вниз, к полу. Роза резко открыла глаза.

— Nicht aufstehen. (не вставай.)

Немецкая речь. Низкий голос. Опять он. Эрик.

— Давно ты стоишь? — хрипло спросила Роза, с трудом переходя на немецкий.

— Давно. Она спит, — ответил он.

Роза кивнула, не оборачиваясь к кровати.

— Стоило тебе ехать сюда сотни километров, — прошептала она с укором. — И вообще, как ты узнал? Я не звонила.

— Отчёт по карте, — сухо ответил он. — Платёж в медицинский центр Пече. Для меня это как красная лампа.

— Ах ну да. Сигнал.

Он посмотрел на Эриву. Свет едва касался его кожи, делая черты неподвижными.

— Совсем всё плохо? — спросил он тише.

— Нет. Справляемся. Вот видишь — спит. Живая.

Пауза.

— Ты следишь за каждым форинтом? — спросила Роза, подняв брови.

Эрик не ответил. Просто молчал, глядя на девочку.

— Можешь подойти, — разрешила Роза, смягчившись. — Пока она спит. Она не увидит.

Она чуть приподнялась в кресле. Эрик подошёл к кровати. Его правая рука потянулась к Эриве. Осторожно, едва касаясь, он провёл ладонью по её волосам. Девочка не шелохнулась.

— Знаешь, — вдруг тихо сказал он, не отрывая взгляда от лица Эривы. — Сегодня утром...

Он замолчал, сглотнув.

— Мне вдруг стало больно. Руку свело. Эту... Я что-то почувствовал.

Он посмотрел на свою левую руку, безжизненно висевшую вдоль тела.

— Она всё ещё держит меня, Роза. Даже отсюда.

Роза промолчала, глядя на его руку в волосах девочки, и спросила шёпотом:

— Как Лиора?

Эрик дёрнулся и резко убрал руку от волос:

— Могла бы и сама спросить.

— Я не звоню ей. Ты знаешь.

Пауза зависла над ними.

— Мы расстались, — бросил он, глядя в стену. — Я вижу Хаву по выходным. Лиора осталась в доме.

Роза напряглась так, что вцепилась в подлокотники кресла.

— Как расстались?

Она осеклась. Не стала продолжать.

Эрик отступил на шаг назад, в тень. Повернулся к Розе спиной.

— Я пойду.

— Иди, — тихо сказала она.

Он ушёл. Бесшумно, как и появился. Его тень растворилась в тёмном коридоре больницы, оставив после себя едва уловимый запах табака.

Роза ещё долго сидела неподвижно, глядя на пустой дверной проём.

— Кто это был, мама?..

Голос Эривы был слабым, тягучим.

Роза мгновенно собралась. Она подошла к кровати, осторожно присела на край, притянула девочку к себе и крепко обняла. Роза прильнула губами к макушке Эривы, вдыхая её запах, и мягко спросила:

— Где? Кто?

— Мне не показалось, мама... Тут был кто-то. Мужчина. Я видела тень. Я чувствовала руку...

Эрива попыталась приподняться, но сил не было.

Роза выдохнула и сказала слишком быстро:

— Это был врач, милая. Доктор Андраш. Он заходил проверить. Тебе приснилось.

Эрива нахмурилась, пытаясь собрать мысли в кучу.

— А что случилось, мама? Я ничего не помню. Почему мы здесь?

— Не помнишь, девочка? — Роза поправила одеяло. — Ты перепутала таблетки. Это я, старая, не досмотрела. Тебе стало плохо.

Она гладила её по волосам — там же, где минуту назад касалась рука отца.

— Не волнуйся. Это всё чёртовы лекарства. Всё будет хорошо.

— Перепутала... — эхом повторила Эрива.

Она опустила голову на подушку. Дыхание стало ровнее. Роза продолжала гладить её, не останавливаясь. Они уснули вместе. В тишине палаты. Под скрип заслонки кондиционера.

Спустя время Эрива вдруг прошептала — уже на границе яви:

— Знаешь, мама... Я знаю, как я пойду в школу. Я точно знаю.

Роза дремала. Её рука лежала на коленях девочки.

— М-м? — отозвалась она сквозь сон.

— Я буду принцессой... — еле слышно сказала Эрива. — Настоящей...

Первое сентября

Конец августа 2017 года. Город Печ.

Торговый центр «Аркад» гудел, как улей. Эскалаторы ползли вверх-вниз, неся потоки людей. Витрины слепили галогеновым светом, а из каждого бутика гремела своя музыка.

Роза ненавидела это место. Слишком много света, много звуков, хаотичного движения. Она шла, крепко сжимая ручки коляски, и сканировала пространство, как радар: не слишком ли душно, не побледнела ли Эрива, не пошёл ли тремор по пальцам.

Она хотела закончить всё быстро: тетради и ручки, форма — и домой.

С туфлями они разобрались в обувном на первом этаже.

Это был компромисс. Роза хотела ортопедические — «правильные», с супинатором. Эрива упёрлась в лаковые, белые, с маленьким бантиком. Совершенно бесполезные для ходьбы: подошва гладкая, как стекло.

— В них ноги будут мёрзнуть, — ворчала Роза.

— Какая разница, — спорила Эрива. — Они будут стоять на подножке.

Роза сдалась. Но потом они поднялись в магазин детской одежды. В самом конце ряда, под красной вывеской «РАСПРОДАЖА», висела грустная, помятая роскошь: остатки весеннего сезона ballagás — выпускных нарядов.

Эрива увидела его сразу. Оно висело отдельно, на пластиковых плечиках. Белое. Пышное. Нелепое.

Лиф — расшит дешёвыми стразами. Юбка — из нескольких слоёв фатина, который должен был стоять колоколом, но сейчас уныло висел, сжатый соседними вешалками. На ценнике красным маркером жирно перечёркнули старое число: минус семьдесят пять процентов. Эрива протянула руку и вцепилась в шуршащую ткань.

— Это, — сказала она.

Роза замерла.

— Нет, — отрезала сразу. — Даже не думай.

— Я пойду в нём.

— Эрива, это не карнавал. Это школа. В школу ходят в чёрной юбке и белой блузке. Это форма. Так положено.

— Кем положено? — Эрива не отпускала подол.

— Правилами. Приличиями. Посмотри на него. Это... — Роза подбирала слова. — Это балаганное платье. В таких один раз выходят и забывают. И вообще на первое сентября обещали дождь. Ты представляешь, во что превратится этот подол? В грязную тряпку.

Эрива медленно подняла на неё глаза.

— Я — принцесса, — сказала она тихо. — Принцессы не ходят в чёрных юбках.

Роза стиснула зубы.

— Над тобой будут смеяться! — пустила она в ход главный аргумент. — Ты хочешь, чтобы на тебя пальцем показывали? «Смотрите, невеста приехала»?

— Пусть смеются, — Эрива вздёрнула подбородок. — Они ничего не понимают.

Вокруг начали притормаживать люди. Ссора бабушки и девочки в инвалидном кресле притягивала внимание, как магнит. Роза почувствовала, как по спине течёт холодный пот. Только не скандал. Только не здесь, у всех на виду.

— Эрива, отпусти. Мы купим красивую блузку. С кружевами.

— Нет.

Девочка держала платье мёртвой хваткой.

К ним подошёл Пишта-бачи. Он терпеливо ждал их у входа в магазин, опираясь на полупустую тележку, но затянувшаяся перепалка заставила его вмешаться.

— Проблемы, дамы? — спросил он спокойным, чуть хриплым голосом.

— Она хочет идти в школу в этом, — быстро сказала Роза, ища союзника. — Скажи ей, Пишти. Это же смешно. Дождь ведь будет.

Пишта-бачи окинул взглядом платье. Потом — Эриву.

Он не стал спорить.

— А что богатое платье, — философски заметил он. — За такие деньги — считай, подарок.

— Пишта! — возмутилась Роза.

— Да пусть померяет, Роза, — он махнул рукой в сторону примерочных. — Чего ругаться-то на весь магазин? Люди смотрят.

Он посмотрел на часы.

— Я в машине подожду, на парковке. Там тихо. А вы разбирайтесь. Только давайте быстрее — домой пора.

Он развернулся и покатил тележку к выходу, оставив Розу без поддержки.

Одного взгляда на Эриву оказалось достаточно, чтобы всё понять. В памяти тут же всплыло предупреждение врача: «Никакого стресса». Роза медленно выдохнула.

— Хорошо, — процедила она. — Мы его купим. Но только для дома. В школу ты в нём не пойдёшь. Ты меня поняла?

Эрива не ответила. Она просто прижала вешалку к себе.

Они ехали молча.

Старый «Опель» Пишта-бачи натужно гудел, взбираясь на холмы. Город остался позади. Вокруг потянулись зелёные леса Мечека, уже тронутые первой осенней ржавчиной. Дорога петляла: то открывала долину, то пряталась в тени деревьев.

Роза и Эрива сидели на заднем сиденье молча, не глядя друг на друга.

Роза смотрела в окно. Тревога внутри шевелилась, но она загоняла её в рамки:

«Ничего. Первое сентября — пятница. Короткий день. Пара уроков, линейка — и домой. Если будет дождь, мы быстро пробежим под зонтом. А потом выходные. Два дня тишины. Мы переживём эту пятницу.»

Эрива смотрела в своё окно. На коленях лежал большой пакет с логотипом магазина — он едва слышно шуршал под её пальцами. Там, внутри, лежало платье — белое, шуршащее. Роза сказала «для дома», и Эрива не стала спорить. Она молчала всю дорогу. Сосредоточенно.

Эрива сжала пакет крепче и едва заметно улыбнулась своему отражению в стекле, за которым мелькали деревья. Машина нырнула в очередной поворот серпантина — пакет громко хрустнул в тишине.

31 августа 2017 года.

Эрива собиралась в школу. Сердце билось не от радости — тяжело, тревожно. Собрать рюкзак. Поставить рядом. Проверить. Обрато.

Движения чёткие: тут вода, тут салфетки, тут — в скрытом кармане — плотный пакет на случай, если стошнит. Тут таблетки по времени. Тут — запасная резинка для волос.

Всё продумано, отработано, как у космонавта перед стартом в чужой, пугающий космос. Школа, дети, учителя — всё это казалось ей чужим космосом. Она никого там не знала.

Эрива знала одно: нельзя появиться перед ними слабой. Тогда всё кончится ещё до начала. Она вспомнила Аарона в парадной форме — блеск пуговиц, прямую спину, голос. Рядом с ним всё выглядело иначе. С ним этот день казался не таким страшным.

Разговор в столовой был тяжёлым. За столом сидели Аарон, Пишта-бачи и Роза. Эрива подъехала ближе. Она не пряталась — смотрела взрослым прямо в глаза.

— Это возможно, — Аарон крутнул чашку, не поднимая взгляда на Розу. — Мне дали увольнительную. Форма — как на торжество.

Роза молчала, сцепив пальцы в замок. Она посмотрела на тонкие ноги внучки, на свёрнутое платье в её дрожащих руках, на этот не по-детски решительный взгляд.

— Девочка готова, — уронил Пишта-бачи, рисуя пальцем невидимые линии на скатерти. — Я договорился, директор в курсе. Подъедем к самому началу, краем двора, чтобы не лезть в толпу. Пони смиренная, она всё почувет. Я страхую.

Он дождался, пока Роза посмотрит на него.

— Она сможет, Роза. Дай ей попробовать.

Эрива замерла, вытянувшись в струну. Её взгляд намертво прикипел к лицу бабушки. Роза нервно провела пальцами по губам и наконец медленно кивнула.

— Только аккуратно, — голос Розы дрогнул. — Только не дай ей упасть.

Эрива вдруг коротко и звонко пискнула, сжав кулачки перед собой. Глаза сияли.

Аарон широко улыбнулся.

— Она войдёт как надо, — сказал он негромко. — Обещаю.

1 сентября 2017 года. Пятница.

Несмотря на прогнозы, дождя не было. Воздух был плотным от пара, поднимавшегося от сырой земли. Тихая улочка сегодня превратилась в парковку большого города: машины втиснулись в каждую свободную щель. Школа была небольшой, как обычный дом — старое приземистое здание, выцветшая жёлтая штукатурка, просторный двор с калиткой. У забора гордо стояла повозка — Коланьоши свято чтит традиции. Пара лошадей в яблоках косилась на бамперы, а возле них переминался жеребёнок с таким растерянным видом, словно его тоже привели в первый класс. Народу собралось немного. Хриплые динамики скрипели бодрой музыкой про первый звонок. Дети с цветами. Родители в выходных рубашках. Всё просто, по-деревенски.

Линейка почти началась. Сначала никто не понял, что происходит. Люди начали оборачиваться, вытягивать шеи.

Появился Аарон.

Верхом. На высоком гнедом коне. В парадной форме — прямой, как струна. И голос — громкий, командный:

— Дорогу! Дайте дорогу!

Толпа зашептала. Расступилась.

У калитки появилась маленькая белая пони. В цветах. А на ней — Эрива.

Аарон спешил и добавил, уже без пафоса, негромко:

— Ну же, люди... расступитесь.

Эрива приблизилась к калитке. В том самом пышном платье. Белое облако фатина накрывало спину пони, скрывая слабые ноги. За уздцы держал Пишта-бачи — спокойно, без суеты. Вторая рука вытянута к спине девочки, готовая в любой момент подхватить.

Роза шла позади, в тёмном платье, толкая пустую коляску. Каждый шаг давался ей с болью. Она шла, не отрывая от девочки глаз.

Эрива старалась смотреть спокойно.

Дети, её будущие одноклассники, застыли. Рты приоткрылись. Из толпы вышла девочка — Жока. Цыганка. Крупнее и старше остальных. Огромная копна чёрных кудрей.

Жока смело подошла прямо к морде пони, подняла глаза на Эриву: ухмылка, дерзкое непонимание.

— Ты кто, принцесса?

Эрива набрала воздуха.

— Я... — начала она твёрдо.

И тут всё рухнуло.

Заученные слова сдуло ветром. Реальность ударила в грудь: десятки глаз, тишина, высота, живое животное под ней. Дрожь прорвалась. Пальцы вцепились в поводья до синевы. Пони переступила, почувствовав страх седока.

— Я жила на небе... — голос сорвался в жалкий писк.

Эрива качнулась.

— Я летать... — слёзы брызнули горячо, стыдно.

Роза дёрнулась вперёд, сердце оборвалось. Ей захотелось схватить Эриву, накрыть пальто, унести, спрятать от этих глаз: «Я же говорила... моя маленькая...»

Но Эрива, давась слезами, выкрикнула:

— Я хочу дружить... спустилась с неба...

Она всхлипнула, нога соскользнула в стремя, руки ухватились за гриву.

— Если поможете... мы будем дружить... если я коснусь земли... могу умереть.

Тишина стала ватной. Здесь не произносили таких слов. Жока смотрела долго. Внимательно. Без жалости. Потом протянула руку и погладила пони по морде — уверенно, по-хозяйски. Второй рукой тут же, не глядя, перехватила поводья:

— Дай сюда.

Обернулась к взрослым:

— Csókolom, Пишта-бачи. Csókolom, Роза-нени.

Роза выдохнула и почувствовала, как слабеют колени. Жока снова посмотрела на ревущую Эриву. И вдруг рассмеялась — широко, по-настоящему.

— Что, не нашлось тут принца для принцессы? Самой ехать пришлось?

Они встретились взглядами. Эрива шмыгнула носом. Сквозь слёзы проступила робкая улыбка. Жока подошла вплотную, взявшись за стремя. Наклонилась и шепнула — только для неё:

— У нас в школе никто ещё не умирал, дурёха.

Потом повернулась к Розе, которая всё ещё держалась за ручки коляски мёртвой хваткой. Жока кивнула на кресло — деловито, без сюсюканья:

— Она тут сидит?

И уже командным тоном, к Пишта-бачи:

— Давайте сгружать вашу принцессу. А то линейка кончится

Эрива уронила голову на холку пони. Она улыбалась Жоке сквозь слёзы, и те мгновенно исчезали в мягкой шерсти.

Остров свободы

Октябрь 2017 года.

Про белую пони в школе говорили неделю. Потом разговоры кончились — и осталась обычная школьная жизнь.

Эрива стала наблюдателем.

Её парта стояла в самом конце класса, у окна. Этот пустой стол без стула, к которому она подкатывала на кресле, превратился для Эривы в её собственный остров. Здесь никто не нависал над ней плечом, не заглядывал в тетрадь, не дышал в шею. Здесь она могла видеть класс целиком — и при этом оставаться почти невидимой.

Из своего угла Эрива ловила всё: затылки, списывания, записки, пинки под партами, тихие обмены жвачкой, шёпот и смешки.

Дети быстро перестали на неё коситься, хотя поначалу ворчали. Первую неделю в проходах слышалось недовольное цоканье: нужно было убирать рюкзаки с пола, отодвигать стулья, поджимать ноги, чтобы Эрива могла проехать.

Но к октябрю это стало автоматическим.

Никто больше не возмущался — просто, заслышав характерный скрип шин, одноклассники машинально подтягивали лямки рюкзаков или отдёргивали ступни, даже не поднимая головы. Дорога для Эривы всегда оставалась чистой.

Эрива почти не разговаривала. Но когда в классе наступала та самая звенящая тишина — момент, когда учитель задаёт вопрос и лес рук внезапно исчезает — Эрива действовала.

Она не тянула руку всем телом, как отличники с первой парты. Она делала резкое короткое движение: выбрасывала вверх два пальца — V. Привычный для всех жест готовности отвечать, который ей давался с большим трудом. Учитель кивал ей.

Её ответы были верными, но странными. Она говорила книжным языком. Её знания были стерильными, добытыми из энциклопедий и упражнений, а не из жизни. Иногда она додумывала — строила логические цепочки там, где другие просто знали факт, услышанный дома или на улице.

— Откуда она это знает? — иногда слышала она шёпот мальчишек.

В их голосе не было зависти, только настороженность.

Учителя не жаловались. Когда Роза приходила в школу, разговоры с классным руководителем были короткими и сухими.

— Учебному процессу не мешает, — говорили педагоги, не поднимая глаз от журнала. — Сидит тихо. Потенциал войти в программу есть.

Всё это звучало слишком ровно и безлично. Для Розы этого было достаточно. Главное — не выгнали.

Но больше всего Эриву беспокоила Жока.

Эта девочка была стихией. На переменах Жока была везде: громко смеялась, запрокидывая голову так, что тряслась её чёрная грива. Она могла дать подзатыльник мальчишке, который её задел, и тут же полезть в драку. Она была королевой физического мира — мира мяча, беготни, пота и криков.

Иногда посреди этого хаоса Эрива ловила на себе её взгляд. Жока сидела, грызла кончик карандаша, превращая дерево в щепки, и смотрела.

Не зло и не насмешливо — серьёзно. В такие секунды лицо Жоки вдруг становилось другим — тяжёлым, взрослым не по возрасту. Она смотрела на Эриву так, будто решала сложную задачу. Этот взгляд пугал Эриву до дрожи. Ей казалось, что Жока видит насквозь — видит её слабость, её «пластилиновые» ноги, спрятанные под партой. Эрива тут же отворачивалась к окну, делая вид, что изучает мокрые ветки клёна.

На физкультуру Эрива не ходила. Мир спортивного зала Дома культуры — резина, пыль, скрип подошв — был для неё закрыт.

Роза появлялась у класса всегда в одно и то же время. Строго по расписанию: после третьего урока. Всегда за две минуты до звонка, пока коридоры были пусты и никто не успевал пристать к разговорам.

— Собирайся, — тихо говорила она, выглядывая из-за двери.

Эрива послушно складывала тетради, чувствуя спиной тот самый серьёзный взгляд Жоки. Она уезжала домой, когда у других всё только начиналось: перемены, бегодня, кружки, двор.

В один из таких серых будничных дней, когда Роза привычно катила коляску к выходу после третьего урока, её окликнули.

— Роза-нени! Подождите минуту!

Роза остановилась, внутренне сжавшись.

К ним быстрым шагом подошла молодая учительница. Роза знала её — она появилась в школе недавно. Она выглядела иначе, чем местные: джинсы, яркий шарф, живой цепкий взгляд.

— Добрый день, — учительница протянула руку. — Я Оршоя. Веду природоведение и немецкий.

Роза осторожно пожала руку.

— Здравствуйте. Мы спешим...

— Я ненадолго, — перебила Оршоя, глядя не на Розу, а на Эриву. — Я наблюдаю за ней уже месяц.

Она понизила голос, хотя коридор был пуст:

— Эрива намного сильнее, чем кажется, Роза-нени. Она не просто «сидит тихо». Она анализирует. У неё живой ум. Я работала в городе, в коррекционном центре. Я знаю, как это выглядит. У неё есть шанс не «присутствовать», а учиться по-настоящему.

Роза кивнула, стараясь выглядеть вежливой, но пальцы на ручках коляски стали крепче. В боку потянуло знакомой тупой болью.

— Спасибо. Мы стараемся.

— Нет, вы не поняли, — Оршоя шагнула ближе. — В следующем году я перевожусь в среднюю школу. Туда, где будут пятиклассники. Я могла бы взять Эриву под крыло. Подготовить её, подтянуть.

Она посмотрела на Розу с тем самым цепким любопытством.

— Только я одного не понимаю — Оршоя замаялась, выбирая формулировку, но всё равно пошла дальше. — Что случилось? Почему такая глубокая амнезия? Какой у неё родной язык?

Взгляд Розы замер на зелёной табличке «Выход».

— Это травма, — сухо сказала она. — Врачи всё написали в карте.

— Но память она ведь возвращается? — Оршоя не отступала. — Она иногда...

Роза перебила резче, чем собиралась:

— Она многое забыла. Мы учим всё заново.

Она глубоко вздохнула.

— Спасибо за предложение, — сказала Роза, развернув коляску на выход. — Но нам пора. Обед. Таблетки.

— Роза-нени.

— Мы подумаем о будущем, когда придёт время. До свидания.

Оршоя замолчала, глядя на её измученное лицо.

Роза развернулась и быстро, почти бегом, покатила коляску к выходу, подальше от цепких глаз. Она уже почти толкнула тяжёлую входную дверь, когда сзади раздался голос. Громкий. Резкий.

— Vorsicht! Die Spinne! (осторожно! паук!)

Фраза Оршой прозвучала вдаль коридора, группе детей, выходящей с урока немецкого. Они несли бумажную фигуру паука.

— Macht sie nicht kaputt! (не ломайте его!)

Эрива дёрнулась так резко, что коляска качнулась. Она вскинула руки к голове, судорожно что-то стряхивая, вжимая плечи к ушам.

— Мама! Мама! — вскрикнула она, шлёпая ладонями по волосам.

Роза застыла. Коляска встала как вкопанная. Она отпустила ручки, шагнула вперед, перехватила ладони внучки и прижала их к своей груди.

— Тише тише, милая. Нет никакого паука. Всё хорошо.

Эрива тяжело дышала, испуганно оглядываясь. Роза медленно повернулась.

Оршой стояла посреди коридора. Она не улыбалась. Лицо бледное, взгляд предельно серьёзный.

— Я не знаю, Роза-нени, какие тайны вы храните, — тихо сказала Оршой. — Это не моё дело.

Пауза.

— Но это пугает меня.

Она выдержала взгляд Розы и добавила уже тише:

— Я просто помочь хочу. Правда.

Роза ничего не ответила. Она развернулась и вытолкнула коляску на улицу, в осеннюю сырость. Дверь захлопнулась за их спинами.

Какао

Конец октября выдался сырым.

Эрива сидела на пороге в проёме открытых гаражных ворот, укрывшись пледом от ветра. На коленях копошились крольчата. Было видно: стоит ей коснуться тёплого, хрупкого тельца — руки замирают. Дрожь растворяется в мягкой шерсти. Но стоит пальцам оторваться от тонкой, просвечивающей на солнце кожи ушей — тремор возвращается.

Эрива смотрела на пёстрый комок и думала.

«Как так? — размышляла она. — Папа чёрный, как уголь. Мама белая, как снег. А детки пятнистые. Будто кто-то смешал два куска пластилина — но не до конца. А кто-то получился чистым: только в маму или только в папу».

— Это как краска, — прошептала она крольчонку. — Вы просто смешались.

Но когда они рождаются, у них нет цвета. Они розовые, лысые, противные и одинаковые. Как дождевые черви. Взгляд Эривы скользнул к луже — на мокром асфальте беспомощно извивался толстый червь.

— А почему черви не становятся пушистыми? — спросила она сама себя.

Она вспомнила лето. Аарон показывал ей гусеницу — мохнатую, чёрную, с яркими пятнышками.

— Точно! — осенило её. — Гусеницы это просто взрослые черви. Они вырастают, надевают шубу и становятся бабочками. А этот этот ещё маленький и голый.

Ей нравилась эта мысль. Так было понятнее.

Грохот металла прервал её выводы. У угла магазина Жока сражалась со старой ржавой велосипедной стойкой, пытаясь засунуть колесо в узкий держатель. Она была серьёзной, злой, пнула стойку ногой — но, заметив Эриву, вдруг расцвела.

— Привет! — крикнула она, бросая велосипед как есть, прислонив к стене. — Так вот где вы обитаете?

Она подошла ближе, с любопытством разглядывая мрачное здание старой библиотеки и гараж под ним.

— Мы наверху живём, — Эрива кивнула на окна под крышей. — Я и мама.

— Мама? — переспросила Жока, вспомнив Розу, но быстро переключилась: — Что делаешь? О! Прикольные кролики. Можно?

— Да, — Эрива протянула ей плоскую подушку, на которой сидел самый пятнистый малыш.

Жока присела на корточки, осторожно погладила зверька грубым, обветренным пальцем.

— Ты знала, что гусеницы — это взрослые черви? — вдруг спросила Эрива, не меняя тона.

Жока поперхнулась, посмотрела на неё с удивлением, но спорить не стала.

— Ну допустим. И что?

Эрива гладила кролика и смотрела на смуглую руку Жоки, резко контрастирующую с белой шерстью.

— А ты... — начала она, глядя Жоке прямо в лицо. — Почему твоя кожа тёмная? Ты летом много загорала? Или твои мама и папа ну смешались?

Она спросила это так же просто, как спрашивала про кроликов. Жока замерла, насупилась, но только хмыкнула.

— А тебя, я смотрю, тоже подкрасить не мешало бы, — отрезала она. — Как моль бледная. Краски не хватило?

Эрива задумалась.

— Наверное, — согласилась она.

Жока фыркнула и тут же переключилась:

— У тебя комната есть?

— Угу.

— Своя?! — Жока аж подпрыгнула. — Отдельная?

— Ну да...

— Покажиии! — взвизгнула она. — У нас с братом вечный бой, а тут своя! Класс!

Эрива сунула кролика в переноску и щёлкнула задвижкой. В голове шумело от восторга: к ней пришли. Прямо сейчас.

Она сидела на низком пороге гаража — на подушке, расслабилась, забылась. Руки взлетели вверх сами. Мгновенно. Инстинктивно. Эрива замерла с поднятыми к Жоке руками. Та шарахнулась назад, чуть не сбив велосипед.

— Ты чё? — вытаращила глаза. — Обниматься лезешь?

У Эривы свело в животе. Руки обмякли и упали на колени. Она спрятала ладони между колен, вжала голову в плечи.

— Нет... — прошептала она в пол. Уши пылали. — Ничего. Я я встать хотела.

Секунда тишины.

Жока смотрела на неё сверху вниз.

А потом вдруг скрючила пальцы, вывалила язык набок и скособочилась.

— Ы-ы-ы... — замычала она, волоча ногу к Эриве. — Встать хотела мозги Мне нужны твои мозги

Эрива фыркнула, не поднимая головы.

— Зомби? — буркнула она, улыбаясь в коленки.

— Ага. Восстание в гараже! — Жока перестала кривляться, подошла вплотную, жёстко подставила плечо. — Хватайся, «ходячая». На ручки не возьму, надорвусь. Так дотащим.

Эрива вцепилась в рукав её куртки. Рывок — и она на ногах. Шатко, но стоит.

— Погнали, — скомандовала Жока, подталкивая её к подъезду.

Лестница была крутой. Они карабкались вверх — Эрива почти висела на локте Жоки, переставляя ватные ноги. Жока кряхтела, тащила, но каждый раз, когда Эрива спотыкалась, закатывала глаза:

— Мозги-и-и...

И они хохотали, эхом отдаваясь в пустом подъезде. На последней ступеньке обе выдохнули. Жока вытерла лоб рукавом, отдышавшись. Потом посмотрела на Эриву внимательнее — уже без смешков:

— Слушай а как бы ты поднялась, если б меня не было?

Эрива поправила куртку, опираясь о стену.

— Бабушка она вышла ненадолго. Обычно помогает.

Жока кивнула, изнутри вытолкнув языком бугорок на щеке.

Они вошли в квартиру.

Эрива тут же пересела в домашнюю коляску — лёгкую, манёвренную, без громоздких ручек сзади. Она крутанулась на месте с идеальной точностью, и голос стал деловым:

— Какао будешь? С молоком?

Не дожидаясь ответа, Эрива рванула на кухню. Бесшумно, как тень, проходя в миллиметре от углов мебели. На повороте привычно приподняла передние колёса — разворот «на дыбах». На кухне яростно заревел электрический чайник, заглушая тишину.

— Жока? Тебе сахара сколько? — крикнула Эрива, не оборачиваясь.

Жока не ответила.

Она стояла посреди гостиной и осматривалась. В её глазах не было привычной насмешки. Она подошла к огромным окнам — в пол — за которыми лежало село и мокрые холмы Мечека.

Провела ладонью по спинке кожаного дивана — осторожно, будто боялась оставить след. Коснулась тяжёлой бархатной белой шторы.

В квартире пахло чистотой, деревом и чем-то неуловимо «городским». От той шумной Жоки ничего не осталось. Она сжалась и повернулась к Эриве. Тяжёлый, пустой взгляд. Эрива замерла с банкой какао в руках. Внутри шевельнулся страх:

«Что не так? Сейчас уйдёт. Ей скучно. Или я сделала что-то не то?»

Чайник щёлкнул и отключился.

— Ты че-го? — осторожно спросила Эрива. Голос дрогнул.

Жока не ответила. Она посмотрела на свои пыльные кроссовки — и на чистый ковёр.

Эриве нужно было срочно перебить тишину. Удержать её.

— Моя комната наверху! — выпалила она, показывая на лестницу в углу. — Пойдём?

Жока вскинула голову. Брови поползли вверх.

— У вас верх есть?

— Да! — Эрива облегчённо выдохнула. — Там комната мамы и моя

Жока присвистнула.

— Двухэтажная квартира обалдеть. Ну показывай свои хоромы, принцесса.

Эрива выскользнула из коляски у подножия лестницы.

Она стала подниматься вверх на руках. Пальцы уверенно находили перила, ладони цеплялись за край ступени, и тело подтягивалось следом — быстро, без лишних остановок.

Жока шла следом — медленно. Она старалась не наступать на плоские подушки, разложенные вдоль стены. Видела, как под тонкой кожей на руках перекачиваются мышцы, и отводила взгляд в сторону.

Наверху их встретила тишина.

Здесь не было коляски. Не было поручней. Не пахло лекарствами. Это была просто комната.

Жока остановилась на пороге, огляделась — и руки тут же зажали собственной жизнью. Она провела ладонью по столу. Взяла стеклянный шар, встряхнула — внутри закружился снег. Поставила обратно. Щёлкнула ручкой. Пробежалась пальцами по клавишам компьютера, как по пианино. Подошла к окну-скворечнику, приподнялась на цыпочки и прижалась носом к стеклу.

— Высоко... — выдохнула она.

Потом заметила порядок: карандаши по цвету, книги по росту, ни одной случайной вещи. Она взяла с полки фарфоровую фигурку, повертела — и аккуратно поставила в тот же пыльный круг.

И тогда увидела кровать. Огромную. Застеленную покрывалом без единой складки.

Жока подошла и, не разуваясь, с размаху шлёпнулась на неё спиной. Растянулась «звёздочкой», утопая в матрасе.

— О-о-о... — протянула она. — Ты сама тут спишь?

Эрива сидела на ковре, подтянув колени.

— Да, — сказала она не сразу. — Сама.

Жока хмыкнула:

— На такой... — она поискала слово, — здоровенной.

Она уставилась в белый потолок. Ровный. Сухой.

— А я с братьями, — добавила Жока уже тише. — В одной комнате. Сёстры мелкие в соседней, но орут так, будто у нас живут. Всё время кто-то плачет. Спорит. Или телек орёт. Вечно шумно.

Эрива слушала, не перебивая.

Жока повернулась на бок и начала медленно закручиваться в покрывало. Уткнулась лицом в подушку.

— Пахнет — глухо сказала она. — Хорошо.

Пауза.

— У тебя есть братья? Или сёстры?.. — спросила Жока почти шёпотом.

Ответа не было. Жока пошевелилась, удобнее устраиваясь, и вдруг добавила — без интонации, будто случайно:

— Откуда ты такая взялась

Она закрыла глаза. Эрива смотрела на Жоку и открыла рот, чтобы сказать что-то — и не сказала.

Потом всё-таки прошептала:

— Какао.

Жока не отреагировала.

— Какао — повторила Эрива чуть громче, осторожно. — Остынет.

Жока вздохнула и медленно вынырнула из покрывала.

— Угу... Пойдём.

Спускались уже не так весело, и в прихожую они вышли ровно в тот момент, когда щёлкнул замок.

Дверь открылась, и в дом вошла Роза — с холодом на плечах и тяжёлыми сумками в руках. Шапка покосилась, лицо было уставшее. Она сделала шаг — и остановилась.

В прихожей стояла чужая девочка. В грязных кроссовках. А рядом — Эрива, ещё на полу, не успев пересечь в коляску.

— Csókolom, — буркнула Жока и тут же замолчала.

Роза молчала тоже. Её взгляд скользнул по серванту, по обуви, по лицу девочки и только потом — к Эриве.

Эрива поспешно заговорила, сбиваясь:

— Это Жока... она просто зашла... мы наверху... я хотела показать... мы какао...

Роза прикрыла глаза на секунду.

— Обувь снимите здесь, — сказала она тихо. — И недолго.

Жока стянула кроссовки и поставила ровно, без лишнего звука. Опустив тяжёлые сумки на пол, Роза так и осталась стоять, не выпуская ручек и не отрывая взгляда от девочек.

Эрива потянулась к коляске — неловко, быстро. Пересела и выпрямилась.

— Я сама сделаю, — сказала она слишком бодро. — Пойдём на кухню.

Жока кивнула и пошла следом.

Роза осталась в прихожей на секунду дольше, с рукой на ручке сумки.

Укулеле

Ноябрь — Декабрь 2017 года.

Дни пошли по школьному расписанию.

Жока всё чаще приводила Эриву из школы, иногда пропуская свои последние уроки. Она делала это буднично, как само собой разумеющееся. Роза видела это в окно. Но она не выходила ругаться. Она не хотела спрашивать о странной дружбе, которая складывалась у неё на глазах.

После настоящей, шумной деревенской школы у Эривы открывалась школа виртуальная. Она садилась за ноутбук. Там, на экране, существовал другой мир — альтернативная школьная программа, немецкий язык, учителя-аватары и голоса из динамиков, звучащие ровно и стерильно. Эрива делала уроки и жила этим вторым расписанием.

Жока в это время часто была рядом. Она приходила, падала на застеленную кровать Эривы прямо в одежде и затихала. Она просто спала. Или лежала с закрытыми глазами, не двигаясь. В комнате стояла тишина, нарушаемая только стуком клавиш и ровным дыханием спящей цыганки. Эрива делала уроки, а Жока просто лежала рядом.

И всё чаще на кухне, за обеденным столом, появлялась третья тарелка. Сначала — как случайность. Потом — как привычка. Роза молча ставила прибор. Жока молча ела — аккуратно, стараясь не крошить на скатерть, теряя свою уличную развязность в стенах этого дома. Но стоило ей выйти за порог — и она снова становилась прежней. Жока выкатывала велосипед, натягивала капюшон и снова становилась собой — дерзкой, резкой, неуловимой. Звенел велосипедный звонок, и она уносилась в лабиринт деревенских улиц.

Стала приходиться и Оршою — та самая молодая учительница. Она звонила в дверь уверенно. С порога здоровалась с Розой сухо, вежливо, но без тепла:

— Добрый день. Я к девочке.

Они закрывались в комнате или сидели в гостиной. Роза, делая вид, что занята на кухне, иногда слышала, как смеётся Эрива — коротко, живо. Роза старалась прислушиваться, ловить обрывки фраз, но Оршою говорила так тихо, что до кухни долетал только смех.

Уходя, Оршою всегда задерживалась в прихожей. Одевалась быстро, по-городскому: накидывала шарф, брала сумку. А потом смотрела на Розу. Прямо. Без осуждения, но с выжидающим. Иногда вместо дежурного «до свидания» говорила спокойно, глядя в переносицу:

— Роза-нени, я всегда готова к диалогу. Если вы решитесь.

Роза молча открывала ей дверь.

Когда ударили первые морозы и выпал снег, логистика изменилась. Если Оршою могла, она забирала Эриву утром прямо у здания старой библиотеки. Эрива выходила на крыльцо, укутанная в шарф, и спокойно ждала. Не суетилась, не высматривала бабушку. Она знала: машина будет.

У Оршой был старенький минивэн — тёплый, пахнущий духами и стеклоочистителем. В него легко помещались и рюкзак, и сменная обувь, и коляска. Они быстро грузились и уезжали. Минивэн разворачивался и увозил Эриву в школу. Роза оставалась у окна — смотрела им вслед, чувствуя, как что-то уходит из-под её власти.

В комнате сгущались сумерки.

Жока лежала на спине, вытянув руку с телефоном вверх. Экран мигнул и погас.

— Всё, — сказала она. — Сдохла батарея.

Рука упала на покрывало. Эрива лежала рядом. На подушке перепутались жёсткие тёмные кудри и светлые пряди. Эрива отложила книгу и повернула голову. В тишине слышно было только, как мокрый снег шуршит по стеклу мансардного окна.

— Жока, — тихо позвала Эрива.

— М?

— Почему ты подошла тогда? В школе.

Жока не ответила сразу. Она смотрела в потолок, и лицо её медленно лишалось привычной расслабленности.

— Бабушка, — наконец произнесла она.

— Что?

— Моя бабушка. Она меня любила больше всех. Мать вечно орала, а она жалела.

Жока повернулась на бок, глядя Эриве в лицо:

— Она мне однажды сказала: «Слушай, кичи. Если увидишь девочку на белой лошади, и она протянет руку — хватай. Не думай. Просто хватай. Иначе удача от тебя уйдёт».

Эрива замерла с широко открытыми глазами.

— Девочку на лошади? — переспросила она. — Откуда она знала?

— Откуда я знаю? — Жока пожала плечами. — Болтала всякое. Старая была.

Она помолчала, разглядывая молнию на кофте Эривы.

— Она умерла потом... Сердце встало.

У Эривы внутри похолодело. «Таблетки. Сердце». Она вспомнила Розу. Как та в последнее время замирает посреди кухни, прижимая ладонь к боку. Как дышит тяжело, со свистом, когда думает, что её не видят.

— Мне жаль, — шепнула она.

Жока вдруг резко села.

— Да ладно. Давно было. Она странная была, вечно со своими бутылками и травами.

Она спрыгнула с кровати, натягивая кроссовки.

— Я пойду. Темнеет.

Уже в дверях, не оборачиваясь, она бросила:

— Знаешь?

— Что?

— Ладно... Не важно.

И вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

С тех пор она то пропадала на несколько дней, то приходила снова — как будто этот дом был для неё местом, куда можно прийти, отогреться и снова исчезнуть.

Декабрь приближался к Рождеству. Улицы становились тише, окна — ярче, а в их квартире всё чаще пахло не лекарствами и бумагой, а камином, какао и чем-то похожим на праздник.

Декабрь 2017 года. Канун Рождества.

— Что у тебя в адвент-календаре было? — с азартом спросила Жока, болтая ногами.

— Киндер... А ты уходишь скоро? — Эрива сидела на полу, в кольце из разбросанных тетрадей.

— Ещё нет, если Роза-нени не выгонит. Так что внутри? — не унималась Жока.

— Вот, — Эрива протянула ей маленькое жёлтое пластиковое яйцо. — Я не смогла открыть. Пальцы скользят.

Жока даже не задумалась. Она ловко, одним движением большого пальца вскрыла капсулу и высыпала игрушку Эриве на ладонь.

— Тю, ерунда сборная. Но хоть шоколад съела?

— Ага.

Жара в комнате стояла плотным облаком. Роза внизу растопила камин на полную мощь.

В колонках пел юный, девичий голос — живой, дерзкий, требующий сложного финала. Эрива и Жока подпевали. Они не знали точных слов, да это было и не важно. Они выкрикивали свою версию английского — смешную, ломаную абракадабру.

— Хей! Хей! Ю-ю! Ай вонт ту би ё гёрлфренд! — орала Жока, прыгая на кровати и используя пенал как микрофон.

Эрива смеялась, пытаясь попасть в ритм. Их выдуманные строчки путались, налезали друг на друга и слипались в один ком хохота.

А потом плейлист сменился. Резкий переход. Гул басов ушёл, зазвучала спокойная гитара. Эрива притихла. Улыбка медленно сползла с её лица. Она очень любила эту песню — однажды читала перевод. Когда песня закончилась, Эрива нажала повтор. И ещё раз.

Жока, уткнувшись на кровати в телефон, вдруг возмутилась:

— Блин, мы третий раз её слушаем.

— Эта песня про меня, — тихо сказала Эрива. — Там поётся: «Кого волнует, если погаснет ещё один огонёк? Меня волнует». Это то, что я делаю каждый день. Чтобы не погаснуть.

— Что мы делаем? — фыркнула Жока. — Мы дурака валяем. В телефонах сидим. В школу эту дурацкую ходим.

— Может быть... — пробормотала Эрива.

Жока отмахнулась, перевернув страницу:

— И вообще, хватит его крутить. Он умер.

Эрива замерла. Ручка зависла над тетрадью, оставив кривой след.

— Как умер? — спросила она. — Кто?

— Ну, певец этот. Летом ещё.

— Это неправда, — голос Эривы дрогнул. — Он поёт. Вот же.

— Ну поёт, — Жока пожалала плечами. — Это типа, запись. А сам он того. Суициднулся, короче...

Эрива вскинула голову и посмотрела на колонки, из которых лился тёплый, родной голос.

— Не понимаю... — прошептала она. — Зачем?

Жока села, отложив телефон.

— Кто ж их разберёт, богатых. Взял и выключился. Говорят, депрессия.

Эрива посмотрела на свои руки, которые даже «Киндер» открыть не могут.

— Это несправедливо, — протянула Эрива. — Он не должен был.

Жока хотела что-то ответить, но снизу донёлся громкий голос Розы:

— Девочки! А ну спускайтесь! Езушка прилетел!

Эрива и Жока переглянулись и рванули вниз.

В тёмной гостиной, по углам, дрожали слабые огоньки. А на последней ступеньке вспыхнула ёлка.

Возле неё, в праздничной жилетке, неуклюже стоял Пишта-бачи, сияя как начищенный таз. Рядом топтался Аарон в парадной рубашке, поглядывая на часы и поджимая пальцы ног от холода.

— С Рождеством вас, дамы! — прогудел Пишта-бачи. — Езушка с ангелами тут кое-что оставил. Ну, чего застыли? Налетай!

Эрива сорвалась первой. Она въехала в гостиную, маневрируя между креслами, прямо к ёлке.

Жока осталась у лестницы, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь войти в этот семейный круг света. Под ёлкой лежали коробки, обёрнутые в блестящую бумагу. На каждой — бирка с именем. Эрива быстро выхватывала глазами надписи: «Роза», «Аарон», «Пишта». Свои она подгребала к себе, жадно складывая на колени. Роза стояла у камина. Она посмотрела на Жоку, застывшую в тени — строго, по-хозяйски.

— А ты чего стоишь? — скомандовала она. — Иди. Ищи. Там и твоё есть.

Жока повернула голову. Глаза расширились.

— Мне?.. — тихо, с недоверием спросила она.

— Тебе. А ты что думала, Езушка про тебя забыл? Он всех видит, — проворчала Роза, скрывая улыбку. — Иди, пока Эрива всё не утащила.

Жока вышла из оцепенения. Неловко, боком, она подошла к ёлке, опустила на колени и нашла небольшой свёрток с надписью «Жока».

Она держала его в руках бережно, не спеша рвать бумагу, в отличие от Эривы. Роза всунула ей в руку маленькую шоколадку и повернулась.

— Пишта, — Роза протянула свёрток старику.

Глаза Пишты-бачи увлажнились. Он смотрел на Розу долго, не сразу взяв свёрток.

— Аарончик, это тебе.

Комната наполнилась шуршанием, треском бумаги и смехом.

— Это вам, Роза-нени, — неожиданно сказал Аарон, протягивая красивую коробку. — Я дождусь, пока Ривка распакует, и побегу к своим.

Роза растроганно прижала подарок к груди.

— Спасибо, сынок...

Вдруг Эрива ахнула. Она сорвала бумагу с самого большого, странной формы свёртка.

— Что это? Гитара? — удивилась Жока, заглядывая через плечо.

— Это укулеле...

Она подняла глаза. Роза стояла спокойно, но Аарон... Аарон улыбался. Он подошёл ближе и присел на корточки перед девочкой.

— Это не игрушка, Эрива. Это настоящий инструмент.

Он коснулся струн.

— Ты же всё время слушаешь музыку. Хватит только слушать. Попробуй её делать.

Аарон посмотрел на её слабые, дрожащие руки.

— Струны нейлоновые, мягкие, но прижать придётся сильно. Пальцы будут болеть. Сначала будет не получаться.

Он объяснял неспешно, терпеливо.

— Но если сможешь взять аккорд — это будет твой звук. Поняла?

Она попыталась прижать струну к ладу. Палец соскользнул — не хватило силы — звук вышел глухим. Эрива закусила губу, чувствуя на себе взгляд Аарона. Он ждал.

Она ещё раз прижала струну левой рукой. Изо всех сил. А правой провела по ней большим пальцем. Триньк. Чистый звук.

Аарон выдохнул и хлопнул себя по коленям, поднимаясь.

— Во. Работает.

Он подмигнул ей.

— Ладно. Я побежал. Меня ждут. С Рождеством!

Он поцеловал руку Розе, хлопнул по плечу Пишта-бачи и быстрым шагом вышел в коридор.

Эрива смотрела ему вслед, прижимая укулеле к груди.

Качели

Май 2018 года.

За школой, в тени старых каштанов, пряталась небольшая детская площадка.

Старые круглые качели-гнездо, натянутые на толстых тросах, были штабом. В эту плетёную чашу можно было завалиться вдвоём и смотреть на небо сквозь сетку ветвей.

Девочки лежали валетом. Эрива лениво гладила живот и щурилась в голубой просвет между ветками. Жока первой это заметила.

— У тебя там кто-то завёлся? — она приподнялась на локте. — Что ты там пальцем щупаешь?

— Не знаю... — задумчиво ответила Эрива. — Просто думаю.

— О пупке, что ли?

— Ага. Вдруг мы сначала на деревьях растём. Растёшь на ветке, потом она не выдерживает — шмяк. А пупок остаётся, как хвостик от вишни.

Жока фыркнула, но уже не так весело.

— Дурочка... — протянула она. — Что ты такое несёшь?

— Мама однажды сказала, что я с дерева упала. — Эрива потрогала шрам на шее. — Вот я и думаю может, правда. Перезрела, сорвалась — и вот. Смотри, тут ещё один след. Значит, я вообще на двух ветках держалась. И треснулась головой.

Жока перестала улыбаться совсем. Перевернулась на бок, лицом к ней.

— Ты сейчас прикалываешься? Не знаешь, откуда дети берутся?

— Конечно, знаю, — Эрива смущённо улыбнулась. — Я просто хочу понять, откуда я вообще взялась. Не в книжке. А у себя.

Качели тихо скрипнули.

— Ты про то, что ничего не помнишь? — осторожно спросила Жока.

— Помню... Иногда как будто вижу себя со стороны. Вот я смеюсь, глажу котёнка или бегу. Но будто не я, — Эрива посмотрела на свои ноги. — Мама говорит, что это фантазии. Из-за травмы...

Жока поёжилась.

— А самое первое что помнишь?

Эрива закрыла глаза, обхватив бёдра.

— Помню, как будто я под водой. Тёплой. А вокруг шум, как от газа на плите. Если я это помню, значит, я там уже была, да? Только когда пытаюсь вспомнить, как будто меня внутри зажимает...

— Бе... — Жока дёрнула коленями. — Капец у тебя бардак.

— Ага, — Эрива невесело усмехнулась. — Все думают, память — это просто взял и вспомнил. А у меня не так. Спросят что-то обычное — а у меня внутри уже всё плывёт, шумит, тошнота. Я ещё вопрос не поняла, а тело уже испугалось.

Жока долго молчала, переваривая.

— И поэтому тебя иногда так «кроет»?

— Наверное.

По дороге прогремел трактор, притащив за собой едкий, душный шлейф. Девочки переглянулись, морща носы. Где-то за школой орала мальчишки и гоняли мяч.

Жока ковырнула ногтем толстый трос.

— А ты вообще откуда? По-настоящему.

— Говорят, меня в ящике привезли. Ну, в таком прозрачном. Я смотрела в интернете — такие бывают.

— Серьёзно? И тебя сюда...

Эрива подтянулась на локтях и посмотрела на Жоку широко открытыми глазами.

— А как ещё?

Жока застыла, отводя глаза:

— Не ну понятно. Но родители?

Эрива провела пальцем по тросу.

— В смысле? Есть мама. Просто у нас всё странно. Она меня ждала долго.

Жока кивнула, хотя явно не очень понимала.

— А ходить почему так не очень?

— Мозг побился. Я с руками могу договориться, а с ногами не очень. Я не всегда чувствую, где они... ну, в пространстве. И когда они коснутся земли.

Жока тихо хмыкнула, но уже без смеха.

— Жесть...

— Угу.

Они помолчали. Качели чуть раскачивались.

— А ты о чём мечтаешь? — вдруг спросила Жока. — Ну по-настоящему. Дальше-то что?

Эрива долго смотрела в листву.

— Чтобы мир не казался таким громким и ярким. И чтобы я сама всё могла. Без всех этих штук. Как нормальные люди.

Жока шмыгнула носом.

— Нормальная мечта. Не тупая.

Эрива повернула голову и улыбнулась краем рта.

— А у тебя?

— Я пока не придумала, — буркнула Жока и ткнула её локтем в бок. — Но ты всё равно дурочка. Дети на деревьях...

— Сама ты с дерева упала, — фыркнула Эрива.

Качели продолжали медленно раскачиваться. Весенний свет ложился им на лица ровно и спокойно.

Скрипнули колёса по гравию. Голос Оршой раздался звоном:

— Подъём, банда! Роза-нени с ума сходит, как всегда. Эрива! У тебя комиссия, пятый класс на носу, помнишь?

Эриву обдало холодом. Она забыла. Комиссия сегодня решит.

— Спокойно. Сейчас я тебя соберу, — буркнула Жока, натягивая кроссовки.

— Сейчас я её привезу! — крикнула она в сторону парковки.

— Ты тоже едешь, — отозвалась Оршой, стоя у открытой двери минивэна. — Ты ведь не будешь вечно в четвёртом классе сидеть? — она выдержала паузу. — Шевелитесь, звёзды.

Жока подкатила Эриву к машине.

Щёлкнули замки. Сдвижная дверь минивэна поехала влево, закрывая в салоне ноги Эривы и коляску, которую придерживала Жока.

Дверь захлопнулась.

Два года спустя. Март 2020 года.

Скрежет колёс по асфальту. Машина встала.

Сдвижная дверь минивэна поехала вправо, впуская холодный мартовский воздух.

Из салона одновременно появились ноги.

Первой на асфальт прыгнула Жока. Она вытянулась, угловатость сменилась подростковой резкостью, джинсы были модно порваны на коленях.

У порога выпрямилась Эрива. Одной рукой она держалась за ручку двери, второй уверенно достала из багажника сложенную коляску: новая, активная, белоснежная. Вся в наклейках и ленточках.

Эрива рывком разложила её — щёлк! Движения были быстрыми, сильными. Она достала из салона потёртый старый рюкзак и жёсткий футляр с укулеле, привычно закинув их на спинку кресла. И тут же села.

— Спасибо, Оршо! — бросила Эрива.

— До понедельника, девочки! — махнула им женщина за рулём.

— Мы на площадке, мама, — Эрива уже говорила по телефону, зажимая аппарат плечом.

— Да. Скоро там будем.

Она сбросила вызов и ревниво посмотрела на их качели. Там сейчас болтались мальчишки.

— Привет, Пони! — послышалось оттуда.

— И вам туда же! — обиженно фыркнула Жока, поправляя лямку рюкзака, увешанного значками BTS. — С тобой поздоровались, а я тут пустое место?

Эрива усмехнулась, ловко маневрируя между выбоинами в асфальте.

— Ты просто сливаешься с тенью от деревьев, Жока. Слишком много чёрного. Тебя видно, только когда ты улыбаешься зубами.

— Ха-ха. Очень смешно, — закатила глаза Жока, доставая смартфон в чехле с блёстками.

— Это «гранж», если ты не знала. Зато я не выгляжу как передвижной цирк.

Она кивнула на яркие наклейки и ленты на коляске Эривы.

— Это не цирк, — парировала Эрива тоном эксперта. — Это тюнинг. Тебе не понять...

Жока фыркнула, но тут же уткнулась в экран, едва поспевая за темпом подруги.

— О боже... Ты видела тизер? Чимин покрасился в пепельный. — Она сунула телефон под нос Эриве, чуть не уронив его. — Он просто нереальный. Скажи?

Эрива бросила быстрый, жадный взгляд на экран, где корейский айдол смотрел в камеру идеальными глазами.

— Ну да, — сухо заметила она. — Красивый. Только у твоего парня подводка для глаз ровнее, чем у тебя сегодня. Левый глаз поплыл.

Жока резко остановилась, хватаясь за щёку:

— Врёшь! Ты сейчасрываешься, Пони. Я встала в шесть утра ради этих стрелок!

Она тут же кинулась к тонированному стеклу припаркованной машины, проверяя отражение. Эрива спокойно ждала.

— Идеально всё! — выдохнула Жока, убедившись, что макияж на месте. — Вот же язва. И как в тебя влезает столько яда при таком весе?

— Это защитный механизм, — невозмутимо ответила Эрива. — Идём, опоздаем.

— Подожди, — Жока не унималась, снова открывая приложение. — Раз уж мы такие красивые... Давай снимем тренд? Там руками движения, ты выучила, я знаю. Снимем прямо здесь, фон крутой, свет падает...

Она наставила телефон прямо на Эриву. Чёрный глазок камеры уставился ей в лицо. Эрива мгновенно замерла. Пальцы, расслабленно лежавшие на обручах колёс, вдруг сжались.

— Н-нет, — выдавила она.

— Ну Эрива! Только верх, коляску не будет видно! Мы всех порвём. Ты очень фотогеничная, когда не...

— Ж-жока... — перебила Эрива.

Её плечи поднялись к ушам, защищаясь. Тремор перекинулся на губы.

— Я с-сказала... н-нет. У-убери.

Жока осеклась. Она опустила телефон и увидела руки подруги. Затем мгновенно убрала телефон в карман.

— Всё-всё. Поняла. Никаких камер. Прости.

Она сделала вид, что ничего не заметила.

Эрива выдохнула, медленно разжимая пальцы. Ей нужно было несколько секунд, чтобы умирить тело.

Жока привычно буркнула:

— Ты копаешься, как черепаха.

Эрива сглотнула, возвращая контроль над голосом.

— А ты... — она сделала паузу, проверяя связи. — А ты ворчишь, как Пишта-бачи.

Голос снова был ровным. Они переглянулись и рассмеялись, сливаясь с толпой школьников.

— Идём в Дом культуры? — спросила Эрива, накручивая скорость.

— Да, холодно ещё тут сидеть.

— А вы слышали, что границы закрывают? — донеслось из группы старшеклассников.

— Как можно закрыть то, чего нет? Мы же в Шенгене.

— Говорят, итальянцев не пускают. Вирус какой-то.

— Это зомби-апокалипсис, — авторитетно отрезала Жока.

Она вдруг остановилась, выставила руки вперёд, изображая зомби, и пошла на Эриву:

— Мозгиии! Мне нужны мозгиии...

— Сегодня как раз пятница, тринадцатое! — донеслось рядом.

Толпа вокруг взорвалась смехом. Эрива захохотала и резко крутанула колёса, уходя от погони.

Акт III. Юность

«Начало»

Вечер пятницы. 13 марта 2020 года.

Роза позвала Эриву в гостиную, её голос звучал тревожно.

Она стояла у телевизора, сгорбившись, слушала экстренный выпуск новостей и машинально прикрывала рот пальцами. Ладонь то поднималась к губам, то падала на бедро, снова поднималась, не находя себе места.

Эрива спустилась вниз.

В этот момент на верхнем этаже, в её комнате, зазвонил телефон. Секунда — и зазвонил телефон Розы, лежащий на столе. Оба звонка наложились друг на друга.

— Мама, что происходит? — Эрива, уже пересев в коляску, подкатилась к ней ближе.

На экране, в строгом свете студии, выступал Виктор Орбан. Лицо крупным планом, тяжёлый взгляд. Внизу ползла красная бегущая строка.

Роза не отрывала пальцы от губ.

— Они закрывают школы, моя девочка, — сказала она, не поворачивая головы. — С понедельника. Все будут учиться дома.

У Эривы похолодела спина.

— Зачем? Почему? Это ненадолго?

— Вирус этот, деточка... Видать, всё серьёзно, — Роза говорила с напряжением. — Говорят, люди умирают от него...

Роза вдруг задрожала. Её взгляд на секунду оторвался от экрана и вцепился в Эриву. Она смотрела со страхом. Телефон на столе продолжал надрываться. Роза даже не дёрнулась.

— Они... — Роза сглотнула, с усилием. — Они говорят... люди со слабым здоровьем... риск...

Она судорожно втянула воздух:

— Девоч-ч... м-моа...

Правая рука, которая только что зажимала губы, слетела вниз, тяжело ударилась о бедро. Правая нога дёрнулась и обмякла, будто под ней исчез пол. Лицо медленно, страшно поползло вниз.

Эрива увидела это. Она резко, рывком, как смогла, поднялась из коляски навстречу.

— Мама?!

Глаза Розы начали бегать по комнате, расфокусированные, панические. Они искали опору.

— Шесть... нуж-но... — выдавила она едва различимо, язык стал немым.

Эрива всем телом пошла в её сторону. Она не думала, удержит ли, а просто успела подхватить, как смогла. Мгновение — и они рухнули на мягкие подушки дивана. Эрива успела направить падение. Она вцепилась в плечи Розы, сжимая ткань кофты.

— Мама! Мама, дыши!

Роза тяжело, хрипло дышала, глядя в потолок остекленевшим взглядом. Воздух входил со свистом.

— Сей-час... Ли-ора... — прошептала она.

Слово вырвалось из подсознания. Эрива даже не зацепилась за это имя.

— Я здесь, мама! Я здесь, — твердила Эрива, глядя её по щекам, заставляя смотреть на себя.

Дыхание бабушки понемногу выравнивалось. Перекос лица начал отступать.

Минута. Две. Три. Они лежали на диване, тяжело дыша. В телевизоре продолжали говорить ровным голосом, объявляя чрезвычайное положение.

— Фух... фух... Что... — Роза наконец повернула голову к Эриве. В глазах появилось узнавание. — Не плачь, девочка.

Эрива уже скрутилась рядом в калачик, поджав колени к груди, как маленький ребёнок.

— Ма-ма... что с... с... тобой? — прошептала она, запинаясь.

— Давление скакнуло, — просвистело у Розы.

Она попыталась пошевелить рукой. Пальцы слушались, но были ватными. Эрива вдруг поняла, как легко всё может оборваться.

Телефон зазвонил снова. Третий раз.

Роза вздрогнула всем телом, но не потянулась к аппарату.

— Не бери, — сказала она и сделала последний, длинный, дрожащий выдох. — Набери Илону. С моего. И иди наверх.

Эрива подняла голову. Посмотрела на лестницу — как на гору — потом снова на Розу, передавая ей телефон.

Затем пошла, медленно, поднимаясь в свою комнату. Лестница, которую она знала наизусть, вдруг растянулась, став бесконечной. На каждой третьей она останавливалась, тяжело дыша, и оглядывалась вниз, в колодец гостиной.

Там, внизу, Роза сидела неподвижно. Телефон прижат к уху, плечо судорожно поднято. Она слушала гудки. Эрива слышала их даже отсюда — длинные, протяжные.

Сверху, из её комнаты, снова надрывно зазвонил телефон. Эрива дёрнулась и поспешила, перебирая руками по перилам.

В комнате было темно. Пальцы нащупали аппарат на кровати.

— Алло... — выдохнула она в трубку.

— Ривка! Прикинь! — голос Жоки взорвался в ухе, как хлопушка. — Нашу дурацкую школу закрывают! Ура!

Жока кричала так громко, что слова смешивались в один яркий, беспорядочный шум.

— Закрывают? — произнесла Эрива очень тихо.

— Да! Представляешь? Официально! Всё, конец мукам! — Жока захлёбывалась от счастья. — Орбан выступил! Каникулы! Будем целыми днями теперь играть, смотреть телек, гулять на улице... Праздник! Весна, свобода!

Жока не унималась. Слова прыгали и звенели, но до Эривы они почти не доходили. Внутри начала подниматься вода.

Сначала она почувствовала её в ступнях. Тёплая, вязкая, успокаивающая.

Потом вода пошла выше — по голеням, по коленям. Эрива медленно опустилась на кровать. Одеяло было единственным, за что можно было держаться. Она подтянула его к себе, загребла края между ног, скручивая ткань. Свернулась, поджав колени к груди. И вдруг почувствовала: под ней не матрас, а мягкое, зыбкое облако, которое удерживает её вес.

— ...И ещё, прикинь, мама сказала, что можно будет спать... — Жока продолжала тараторить, но её голос становился всё тише, всё дальше. Будто она говорила уже не в трубку, а из соседней комнаты. Из подъезда. Из другого города.

Телефон лежал у Эривы на щеке — холодный стеклянный прямоугольник, а тёплые волны внутри качали её мягко, как колыбель. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Внизу Роза всё ещё говорила по телефону — Эрива слышала её приглушенный, напряженный бубнёж, обрывки фраз, шаркающие шаги.

Эрива прикрыла глаза, и в этом полусне, в этом тихом, плавном ускользании, слово само всплыло на губы.

— Лиора... — Она прошептала это имя в пустоту.

Вода качнула её ещё раз — сильно, плавно, и девочка провалилась в сон. Мягко.

Суббота.

Утром Эрива сидела в тишине столовой.

Она устроилась в своём кресле, лениво листала короткие видео на телефоне, прислонённом к старой салфетнице. Экран мелькал без звука — разные лица, танцы, кухни — чужая жизнь. Всё проходило мимо, не задерживаясь в голове ни на секунду.

В кружке какао уже образовалась тонкая, морщинистая плёнка. Эрива время от времени ковыряла её ложкой, разрушая узор, но не пила. Она медленно, без интереса, заталкивала в себя шоколадные шарики сухого завтрака. Жевала механически, по привычке, а не от голода.

Роза лежала на диване в гостиной.

Сегодня она спала внизу — так было всем проще и спокойнее. Телевизор работал негромко. Роза смотрела новости, останавливаясь на одной теме, потом через минуту, не выдерживая напряжения, переключала канал. Везде говорили одно и то же: Границы. Вирус. Карантин.

Резко раздался звонок в дверь.

Эрива вздрогнула и поперхнулась так, что несколько сухих шоколадных шариков вылетели изо рта, покатались по столу и со стуком упали на пол.

— Я открою! — крикнула она с набитым ртом и покатила кресло к прихожей.

На пороге стояла Илона.

Она была без маски, но пахла холодом и антисептиком. Она коротко кивнула — без лишних приветствий — и сразу прошла внутрь.

— Как ты, Роза? — спросила она уже по дороге, на ходу снимая куртку.

— Да вот новости смотрю, — слабо отозвался голос из гостиной.

Илона остановилась и обернулась к Эриве.

— Ну, ты иди, — сказала она мягко, но твёрдо. — Доедай свой завтрак.

Эрива замерла. Она всё ещё дожёвывала вязкую массу, глядя на Илону снизу вверх, и вдруг почувствовала себя маленькой.

— А я твою маму полечу, — добавила Илона почти бодро.

Эрива кивнула и вернулась в столовую. Телефон она больше в руки не взяла — он остался лежать у салфетницы, потухший и ненужный.

Она смотрела издали, через дверной проём.

Илона склонилась над Розой. Движения были уверенные, скупые: манжета тонометра на руку, взгляд на бегущие цифры, стетоскоп, холодный металл на тёплой коже. Илона что-то спрашивала тихо, Роза отвечала ещё тише, почти шёпотом. Иногда она просто проводила ладонью по её руке.

Эрива не слышала слов. Она видела только жесты. Паузы. Взгляды, которыми обменивались взрослые женщины.

Потом Илона выпрямилась, убрала стетоскоп и направилась в столовую. Она подвинула стул к креслу Эривы и села напротив — так, чтобы их глаза были на одном уровне.

Эрива подняла на неё взгляд.

— Эрива, — сказала Илона тихо. — Я знаю, тебе было страшно вчера.

Она не спешила, не торопила слова.

— Ты большая молодец. Ты очень помогла маме.

Эрива сидела неподвижно, сцепив пальцы на коленях.

— То, что случилось, — продолжила Илона, глядя ей прямо в зрачки, — это не конец света. Тебе не нужно бояться. Я хочу, чтобы ты поняла, что произошло.

Она чуть наклонилась вперёд, понизив голос до доверительного тона:

— У мамы был приступ — как мини-инсульт. Врачи называют это «транзиторной атакой». Главное — это сигнал. Если ты знаешь это слово — не пугайся.

Эрива кивнула.

— Это когда кровь на короткое время не доходит до маленькой части мозга, — объяснила Илона просто. — Поэтому у неё вчера отказали рука и нога. Поэтому она не смогла стоять.

Она сделала паузу.

— Ты её поймала. Ты ей помогла. Правда помогла.

Эрива прерывисто вдохнула.

— Но это не просто случайность, — продолжила Илона строже. — Это болезнь. А болезни нужно лечить и контролировать. Твоя мама сильная. И ты это знаешь.

Илона замолчала и медленно обвела Эриву взглядом.

— Сейчас Роза останется дома, — сказала Илона. — В больницу сейчас опасно, там вирус. Мы справимся здесь. Я назначу терапию.

Она достала блокнот и ручку.

— Но мне важно убедиться, что ты станешь моими глазами. Ты справишься?

Эрива подняла глаза.

— Ты будешь напоминать ей про лекарства. Следить за симптомами. Я всё тебе напишу, — Илона быстро делала пометки. — А вот здесь, возле двери, мы повесим правила.

Она ткнула ручкой в воздух, словно прибывая невидимый плакат.

— Запомни четыре слова. Лицо. Руки. Речь. Время.

Илона проговорила это чётко, рубя воздух ладонью.

— Если ты видишь, что у мамы перекосилось лицо. Если руки не слушаются или одна слабее другой. Если речь становится странной, невнятной, как каша.

Она посмотрела на Эриву серьёзно.

— Это значит — время. Ты сразу звонишь в скорую. Сразу. И говоришь: «У нас инсульт».

Поняла?

Эрива кивнула.

Илона улыбнулась ей:

— Ты уже всё сделала правильно.

Эрива притихла, скользя взглядом по строчкам на записке.

Илона повернулась к гостиней.

— Роза! — крикнула она деловым голосом. — Начинаем с аспирина и статинов. Плюс постельный режим. Плюс...

Она на секунду задумалась — и вдруг подмигнула Эриве.

— Плюс железная дисциплина. А с этим у нас теперь всё в порядке. У тебя появился личный надзиратель.

Она хлопнула в ладоши, ставя точку в осмотре.

— Так, ну что ж. Я сейчас съезжу в аптеку и привезу всё, что нужно.

Потом Илона обернулась к Эриве — и тон снова изменился, стал почти домашним, уютным.

— Ну что, хозяйка? — спросила она с лёгкой улыбкой. — Чай? Кофе? Угостишь доктора?

— Да а что вы будете? — спросила она, выпрямляясь в кресле. — Кофе?

Она крутанула колёса, опёрлась ладонью о стену и медленно направилась на кухню. Эрива налила воду, поставила чайник на подставку и нажала кнопку — щёлк.

Дом отозвался знакомым, нарастающим шумом закипающей воды. Чайник вибрировал, наполняя кухню гулом.

Изоляция

Школа не открылась ни через неделю, ни через месяц.

В апреле появились маски. Люди ходили по улицам, закрывая носы и рты разноцветными тряпками, сторонились друг друга. Привычные лица исчезли наполовину, голоса стали глуше, движения — осторожнее.

Экран ноутбука заполняли маленькие окна с лицами. Если для Эривы это было привычно — она и раньше часто жила в сети, — то для остальных эти аватары выглядели жалко. По утрам одноклассники были растрёпанными, в пижамах, с опухшими глазами.

На перилах террасы снова появилась корзина.

Та самая — старая, скрипучая, привязанная длинной бельевой верёвкой. Теперь она снова выполняла своё назначение. В ней ездил молоко, яйца, свежая куриная печень.

Мир сжался до экрана.

Жока и её подруги превратились в маленькие квадратики с плохим звуком. Смех с задержкой в две секунды убивал любую шутку. Реплики накладывались друг на друга, превращаясь в гул. Короткие разговоры с Аароном стали сухими — без пауз, без взглядов, без возможности просто помолчать рядом.

Каждый день начинался одинаково: нужно было логиниться.

Жизнь стала похожа на игру, в которую ты играешь уже слишком долго и от которой тошнит. Ты знаешь правила, знаешь маршруты, знаешь механику: если не зайдёшь сегодня — потеряешь прогресс. Монетки. Очки. Сундуки с оценками.

Тебе нужно заходить. Но тебе не хочется.

В этом цифровом хаосе Эрива нашла свою точку опоры. Расписание. Она следила за ним фанатично. Она подходила к приёму таблеток Розы так же ответственно, как старшая медсестра в реанимации. Часы. Дозы. Повторы. Давление утром, давление вечером. Потом она отмечала всё в тетрадке аккуратным почерком.

Через окно кухни, выходящее на задний двор, Эрива наблюдала за Пишта-бачи.

Он приезжал пару раз в неделю на своей старой машине. Выходил неуклюже, с маской, стянутой на подбородок. Выгружал из багажника мешки с сеном и опилками.

Он забирал из клеток пару живых кроликов. Уносил их. А назад, спустя время, приносил тушки. Роза спускала корзину. Пишта-бачи клал в неё мясо, задира голову и что-то рассказывал, глядя на высоту террасы. Эрива крутила лебёдку, поднимая еду.

Роза старалась научить её готовить. Спешила, будто времени стало меньше. Она показывала, как правильно разделывать кролика: как держать нож, чтобы он не соскользнул, как не бояться хруста суставов, как беречь пальцы.

Эрива смотрела внимательно. Она запоминала не только движения ножа, но и паузы между ними — когда нужно остановиться, выдохнуть, не торопиться.

С выпечкой было сложнее.

Жёсткое, тугое тесто не поддавалось её слабым рукам. Оно сопротивлялось, пружинило, возвращалось назад. Эрива злилась, уставала, но снова пробовала.

Роза стояла рядом, наблюдая, как внучка воует с мукой. Она сама собирала тесто в небольшие горки — не торопясь. Роза обхаживала его, подворачивала пальцем края, приглаживала ладонью, разговаривала с ним без слов.

— Перед тем как ставить в духовку, — говорила Роза каждый раз, — когда тесто уже готово, корочку нужно поцеловать. А потом — в печь.

Она наклонялась и легко, почти невесомо касалась губами сырого бока будущего хлеба. Эрива смотрела на это, затаив дыхание, как на магический ритуал.

Потом Роза учила её мелочам, из которых состоит вкус.

Как давить чеснок — не рубить, не резать, а именно давить плоской стороной ножа, чтобы он отдал сок. Как смешивать его со сметаной, пока соус не станет густым и глянцевым. Как аккуратно, без спешки, обмазывать нежное розовое мясо кролика, не рвать волокна, не давить слишком сильно.

— Всё должно быть мягко, — говорила Роза, глядя, как Эрива старается. — Даже если нож острый, рука должна быть доброй.

Процесс готовки увлекал Эриву. В нём было что-то правильное: последовательность, смысл, результат, который можно увидеть, понюхать и съесть.

Это помогало отвлекаться от ноутбука. Он стоял на столе постоянно: уроки, задания, Zoom, зависающие лица. Эрива привыкла к его мерцанию, к необходимости быть «онлайн». Экран больше не был развлечением — он стал обязанностью. Поэтому кухня стала для неё местом, где руки делали что-то настоящее.

Май 2020 года.

Эрива лежала на раскладушке, выставленной на террасу.

Она грела нос под майским солнцем, подставляя лицо свету. Смотрела вдаль, на холмы, стараясь расслабить глаза — уставшие, пересохшие от экранов и бесконечного напряжения. Смотреть не на точку, а между точками. Рассеивать взгляд, как учила Роза, когда болела голова.

Снизу, от магазина, донеслись голоса.

Сначала обычный бубнёж, потом — резче, громче. Эрива лениво приподнялась на локтях и посмотрела вниз через перила.

Молодой парень пытался зайти в магазин — и почти сразу вылетел обратно. Его буквально выпроводили, объясняя громко, на весь двор: сейчас не его время.

Это были «часы для пожилых». Священное время. Строго с девяти до двенадцати. В эти три часа старшие могли спокойно ходить за хлебом и молоком, не сталкиваясь с «опасной» молодежью.

Кочма рядом была закрыта наглухо. Не звенела посуда. Не слышалась музыка. Велосипеды не стояли у входа, прислоненные к стене.

Деревня словно затаила дыхание.

Парень внизу неловко извинялся, пятясь назад к машине. Его провожали строгими взглядами местные бабушки — прямые спины, поджатые губы. Голоса доносились снизу:

— Не знал он, посмотрите...

— Да-да... ходят тут...

— А нам потом в больницу помирать из-за таких...

— Во-во...

Эрива неловко улыбнулась. Она смотрела на них сверху и пыталась понять этот страх, представить сам вирус — невидимый, безликий, тот, о котором круглые сутки говорят по телевизору, но которого нельзя увидеть здесь, во дворе, на залитом солнцем асфальте.

Вдруг тишину разорвал резкий, тарахтящий звук.

Из-за угла дома вырулил самодельный мини-трактор с прицепом — csettegő. Неуклюжий и громкий. Два колеса впереди, двигатель наружу, сзади — деревянный кузов. Золи-бачи, местный фермер, наблюдавший за случившимся, заглушил мотор. Укладывая пакеты в кузов, он обернулся к старушкам и, не сдержавшись, проворчал:

— Что вы напали на парня? Купил бы себе, что хотел, и пошёл бы. Ничего с вами не случится. Вас никакая зараза не проймёт!

Слова ещё не успели осесть, как старушки развернулись на него единым фронтом. Весь их накопленный страх превратился в гнев.

— Ах ты, Золи!

— Ты вот тарахтишь — и в школе тарахтел!

— И на мопеде своём всегда тарахтел, спать не давал!

Они ворчали наперебой: будто годы не прошли; будто перед ними стоял не взрослый, седой мужчина, а всё тот же мальчишка-двоечник, мешающий вести урок. Золи-бачи махнул рукой, плюнул, сел в трактор и скрылся за поворотом, оставляя за собой облако дыма. Гул двигателя ещё какое-то время висел в воздухе, а потом растворился, вернув деревне тишину.

Эриве криво подумалось:

«Выходит, они и в школе учились вместе. Росли вместе. И стареют здесь все вместе. Деревня, как замкнутый кубик. Люди просто перемещаются внутри: школа, магазин, скамейка»

Дзынь.

Она услышала колокольчик. Тонкий, бронзовый звук.

Роза стояла внизу и звонила — привычный сигнал: пора поднимать покупки.

Эрива перекадилась с раскладушки, привычно пересела в кресло и подъехала к перилам. Руки легли на рукоятку лебёдки. Корзина медленно поползла вверх, поскрипывая и покачиваясь на верёвках. Эрива крутила и автоматически высчитывала в уме время: три оборота — одна ступенька. Она уже прикидывала, успеет ли перехватить пакеты до того, как Роза поднимется наверх.

Эрива поставила последний пакет муки в шкаф, медленно закрыла дверцу и замерла, не оборачиваясь.

— Мама, не злись только, — тихо сказала она. — Я боялась спросить.

Роза, восстанавливая дыхание за столом, подняла голову. Сердце всё ещё колотилось от подъёма по лестнице. — За что, девочка моя?

— Я видела фотографии.

Повисла тишина. Только муха билась о стекло, создавая нервный, жужжащий фон. — Какие фотографии? — голос Розы напрягся.

Эрива повернулась, прижимая пустой пакет к груди. — Те, что в серванте. Под замком. Я... я случайно. Давно ещё. Я искала дёрнула дверцу, она открылась.

Роза почувствовала, как по спине, под одеждой, стекает холодная капля пота. Она медленно посмотрела в сторону серванта.

— И что ты там видела? — спросила она очень тихо, почти шёпотом.

— Фотографии. Старые.

Эрива сглотнула, глядя в пол, потом набралась смелости и посмотрела на Розу. — Там была ты. Молодая. И мужчина с тобой. И та старая машина, что в гараже.

Пауза.

Эрива смотрела прямо в глаза Розе, прислушиваясь к её дыханию. — И ещё там была девочка с волосами, как у меня.

У Розы внутри всё сжалось. Кровь отхлынула от лица. — Девочка... — эхом повторила Роза.

— Мам... — Эрива шагнула ближе. — Это Лиора?

Роза вздрогнула, как от удара током. Руки задрожали. — Ты откуда ты знаешь это имя?

— Ты звала её тогда, — быстро сказала Эрива. — Когда тебе было плохо. Ты смотрела в потолок и звала: «Лиора».

Роза закрыла глаза. — Это она? — допытывалась Эрива. Голос дрожал от волнения. — Скажи мне это моя сестра?

Роза открыла глаза. Она смотрела на внучку и видела страх. Эрива боялась ответа. — Ты молчишь, — прошептала Эрива. — Она умерла, да? Поэтому её нет?

У Розы перехватило дыхание. На секунду Роза испугалась не этого вопроса, а другого. Но Эрива спрашивала о Лиоре — девочке-подростке с фото. Нужно было отвечать.

Роза выдохнула. — Нет, — сказала она сипло. — Она не умерла.

Эрива замерла.— Живая?..

Она подошла почти вплотную, не сводя глаз:— Расскажи мне.

Роза замялась, глотая воздух мелкими порциями.— Да. Это Лиора. Моя сестра.

Слова вышли сами, но Роза уже не смогла остановиться.

— Она взрослая. Она осталась жить в Австрии.

Эрива молчала секунду, переваривая слова.— Почему ты молчала? — в голосе звучало потрясение. — А почему в Австрии?

— Так вышло, — уклончиво сказала Роза, глядя на свои руки. — Мы расстались и потеряли связь. Я виновата. Я была строгой.

Эрива задумчиво кивнула.— А мужчина рядом это Имре?

— Да, — сказала Роза твёрдо. — Мой Имре...

И добавила тише, с настоящей болью:— Его давно нет. Имре... он очень любил нас.

— Я знаю, — кивнула Эрива. — Я видела, как он смотрит на тебя.

Эрива улыбнулась — слабо, но с облегчением.— Почему ты звала её? — она взяла Розу за руку.

Роза отвела взгляд к окну.— Мы были... — голос начал пропадать. — Очень близки, когда-то.

Эрива гладила её руку. Она долго не решалась, но всё же спросила:— Мама. А я как...

— Достаточно, — перебила Роза и тут же понизила тон. — Прости, моя девочка...

Она встала, одной рукой обняла внучку за плечи и коротко поцеловала в лоб.— Что-то ты горячая померь температуру, — хрипло сказала она. — Пойду прилягу.

Роза шла медленно, выбирая каждый шаг.

Кинотеатр

Июль 2020 года.

Девочки были в комнате.

Эрива лежала на спине, распутив по покрывалу волосы. Жока сидела за компьютерным столом и листала фотографии. Щёлкала мышкой, приближала лица, отводила взгляд, снова приближала.

Эрива гладила живот двумя руками. Ладони складывались треугольником и медленно съезжали к резинке штанов.

— Ты опять пуп ищешь? — спросила Жока.

— Нет... — протянула Эрива. — У тебя бывает такое чувство. Когда думаешь об... Аароне.

Жока на секунду замерла.

— Ты серьёзно? — Она повернулась боком на стуле.

— А что? — Эрива приподнялась на локтях. — Оно само. Я не понимаю.

Жока посмотрела на неё внимательно, уже без смеха.

— Угу, ты понимаешь, — сказала она. — Ты запала на него.

— Неправда, — буркнула Эрива, положив маленькую подушку на лицо.

Жока ткнула пальцем в воздух.

— Правда. Ты думаешь, раз он тебя на руках таскает, сопли вытирает — это любовь.

Эрива замолчала. Она переложила подушку на грудь и крепко сжала.

— Он добрый.

— Не тупи, Ривка, это жалость, — Жока положила локоть на спинку стула и прищурилась. — Это не то. С тобой легко быть добрым. Ты же не огрызаешься. Ты сидишь и смотришь снизу вверх. Удобно.

Эрива обиженно засопела:

— Я не прошу меня таскать.

— Не просишь. Но привыкла. Тебе все должны, потому что ты... ну, такая... Тебя все жалеют.

Жока положила голову на плечо. Взгляд у неё был тяжёлый, тёмный.

— Только запомни, Пони. Бесплатно только мама любит. За остальное спрашивают.

Эрива испуганно моргнула:

— Что спрашивают?

— Всё. — Жока наклонилась ближе, понизив голос. — Ты думаешь, любовь — это когда тебя гладят по головке. А любовь — это когда с тебя шкуру могут спустить, если ты не так посмотришь. Ты готова платить?

Эрива замерла.

— Я не понимаю, Жока, — прошептала она.

Жока горько усмехнулась.

— Вот именно. Ты ни сготовить, ни убрать, ни убежать. Что ты ему дашь, если он требует «взрослого»?

Эрива сжала пальцами край покрывала. Губы приоткрылись, но слов не было.

— Я я не знаю, — прошептала она.

Жока кивнула, будто именно этого и ждала.

— Потому что тебе нечем.

Эрива смотрела на неё широко раскрытыми глазами.

— Что я могу отдать?

Жока пожала плечами — коротко, без жалости.

— Себя.

Эрива сглотнула.

— Это это не «отдать». Это... — она запуталась.

— Оно и есть, — сказала Жока жёстко, но тут же добавила тише: — И ты сама ещё не понимаешь, что это значит.

Эрива отвернулась к стене, зажала руки между ног, словно удерживая тепло внутри.

— А что мне дать ещё? — спросила она почти беззвучно. — Я же ничего не умею. Я только...

Жока перебила, но уже не насмешкой — устало.

— Вот оно. Ты уже думаешь, что ты «только». А он — типа весь «такой». Меня это бесит.

Эрива молчала.

Жока встала и прошлась по комнате.

— Меня тошнит, когда девочка уже сама себя принижает.

Эрива подняла на неё глаза.

— А если я не такая?

Жока остановилась у окна.

— Тогда не бегай за ним как дурочка. Не выдумывай сказку.

Пауза.

Эрива осторожно спросила:

— И что мне делать?

Жока вернулась к столу, снова положила руку на мышку, но уже не щёлкала.

— Думай о себе. — Она глянула на Эриву. — Не думай, что ты товар со скидкой...

Внизу хлопнула дверь.

Голос Аарона разнёсся по дому:

— Девочки, спускайтесь! Машина ждёт. Эмеше уже здесь, и ребята подъехали.

Эрива резко подняла голову. Нога дёрнулась и больно ударилась о спинку кровати — Эмеше.

Жока помогла ей спуститься. Внизу было шумно. Ребята болтали о фильме, выкрикивая вразнобой:

— Scooby!

— Да ладно, «Скуби» — топ!

Эриву быстро закатили по откидному пандусу автомобиля. Короткий толчок, лязг фиксаторов — и она внутри. Здесь пахло не старой пылью, а новым пластиком и чем-то очень надёжным. В салоне был особенный, передвижной уют: идеально ровный пол, складные кресла, поручни.

— Когда я вырасту, у меня будет такая же машина, — тихо сказала Эрива. — Чтобы всё подходило.

Аарон, проверяя натяжение ремней, мельком глянул на неё:

— Из ребцентра машина. Друг работает на ней, — пояснил он, выруливая со двора. — Договорился взять на выходные, чтоб все с комфортом влезли.

Жока, сидевшая рядом, фыркнула и демонстративно поправила наушник:

— Ну уж нет. Когда я вырасту, я куплю нормальную тачку. Спортивную, красную, чтобы крыша откидывалась.

Мальчишки впереди заржали. Один обернулся, подмигивая:

— Да ты чё, Жока? Для деревни такая — самое то! Глянь, какой пандус. Это ж идеальный трап, чтобы лошадь в салон заводить.

— Точно! — подхватил второй, перегибаясь через сиденье. — А лебёдкой внутри можно сено в мешках затягивать. Пони, бери, не прогадаешь!

Эрива улыбнулась, разглядывая приборную панель и россыпь кнопок.

«А интересно, — промелькнуло в голове, — ею можно управлять как в игре? Кнопками».

Аарон поймал её взгляд в зеркале заднего вида. Он больше не улыбался. Голос звучал серьёзно, почти как напутствие:

— Ты сядешь за руль, Ривка. Баранку сколько крутила за компьютером? Всё, считай, в пальцах уже есть. Настоящая не сложнее.

Машина плавно прибавила ход, унося их из сонной деревни.

Аарон за рулём шутил, Эмеше сидела рядом с ним, иногда касаясь рукой его плеча. Эрива повернула голову в сторону окна.

В городе они сначала зашли за мороженым. Аарон купил всем — Эриве её любимое, фисташковое, и подмигнул:

— Для моей Пони.

Эрива улыбнулась. Эмеше взяла клубничное, и Аарон попробовал её ложкой, засмеявшись. Эрива отвернулась, откусывая своё. Большими, ледяными кусками.

Они пошли дальше, вглубь центра. Коляска отбивала ровный ритм по старой брусчатке.

Зал кинотеатра пах хлоркой.

Эрива отказалась от коляски: пошла сама, вцепившись в локоть Жоки, преодолевая каждый шаг как пытку. Зал встретил их «шахматкой» — красные кресла были изуродованы полосатыми лентами через одно.

Эрива села на свой «остров». Слева и справа — пустота. Аарон сидел впереди, Эмеше — по диагонали. Иногда та наклонялась к нему, что-то шептала, и их силуэты сливались в темноте зала. Наблюдая, как они перебрасываются попкорном, Эрива до боли сжимала подлокотники. Пальцы холодил шершавый пластик.

Фильм был шумный, яркий, в котором всё спасают шуткой. В зале смеялись слишком громко. На выходе Аарон притормозил у дверей, дожидаясь, пока Эрива, пошатываясь, выйдет на свет.

— Эй, Пони, ты чего такая грустная? — он заглянул ей в лицо, привычно коснувшись плеча.

Эрива вздрогнула.

— Просто кино дурацкое, — соврала она, глядя, как Эмеше легко спрыгивает со ступенек.

Перед возвращением Аарон скомандовал на площади:

— Все вместе!

Эрива — в центре, на коляске. Он обнял её за плечо. В другой руке селфи-палка. Эмеше стояла рядом с ним, её рука — на его талии. Жока раскручивала *kürtőskalács*, поднимая сдобную спираль высоко над собой. Мальчишки с краю.

Щёлк — улыбки для камеры.

Домой вернулись поздно. Эрива легла, уставившись в темноту, вспоминая руку Эмеше на его талии.

Озеро

Август 2020 года. Суббота.

Скрип тормозов разорвал тишину двора.

Жока въехала на парковку у магазина, эффектно затормозив так, что заднее колесо пошло юзом, поднимая пыль. Она стояла, опираясь одной ногой о землю, и победно хлопала ладонью по багажнику велосипеда.

Там была привязана старая диванная подушка, перехваченная бечёвкой крест-накрест, и старый чёрный футляр, примотанный изолентой — так, чтобы не болтался на кочках.

— Карета подана, мадемуазель! — крикнула она, глядя на террасу. — Эй, Пони! Спускайся. Сегодня сходка.

Роза вышла на террасу, вытирая руки полотенцем. Она всё ещё прихрамывала, но двигалась увереннее.

— Какая ещё карета, Жока? — проворчала она, щурясь от солнца. — Карантин никто не отменял.

— Да ладно вам, Роза-нени! — Жока умоляюще сложила руки. — По телевизору сказали, что с понедельника всё снимают. Уже можно. Мы только на озеро. Там никого нет, воздух свежий, вирусы в воде тонут. Ну пожалуйста! Мы ненадолго.

Эрива уже была внизу. Она смотрела на бабушку с тихой мольбой.

Роза вздохнула. Она видела, как побледнела внучка за эти месяцы в четырёх стенах.

— Ладно, — сдалась она. — Вроде и правда скоро всё откроют... Гуляйте. Но раз уж ты на велосипеде...

Она строго посмотрела на Жоку.

— Ровно на час. И осторожно на поворотах. Головой отвечаешь.

— Есть, капитан! — козырнула Жока.

Посадка была отработанным трюком. Жока держала руль, Эрива садилась на багажник боком, поджимая слабые ноги, и крепко обхватывала подругу за талию.

— Клади всё туда. — Жока покосилась в сторону потёртого футляра. — Держись, взлетаем!

Они рванули с места. Ветер ударил в лицо, и Эрива невольно зажмурилась.

Озеро было небольшим, скрытым за полосой камыша. Длинный старый пирс, почерневший от времени и воды, немного покосился, но всё ещё стоял крепко, уходя далеко от берега.

На самом краю устроились Эрива и Жока. Они сидели, свесив ноги вниз. Жока разулась, и её ступни почти касались холодной воды. Эрива просто болтала ногами в воздухе.

Чуть дальше, на середине пирса, сидели две их одноклассницы. Они сидели по-турецки, уткнувшись в телефоны, и вполголоса обсуждали свои важные дела: Инстаграм, новые фильтры, кто кого лайкнул.

— Мальчишки позже придут, — донеслось оттуда. — Жолти обещал колонку притащить.

Эрива не слушала их. Она опустила ладонь на чёрный футляр у своих ног. Щёлкнула замком, вынула укулеле и осторожно устроила его на коленях.

Жока посмотрела краем глаза.

— О-о... — протянула она с привычной ленцой. — Принцесса с арфой.

Эрива не ответила. Пальцы нашли гриф уверенно, уже без той прежней суеты. Она взяла один аккорд, потом второй — медленно, но чисто. Подобрала простую связку, которую гоняла вечерами, когда в доме было слишком тихо. Звук лёг на воду ровной полосой. Не «игрушка» и не случайный писк — музыка.

Жока замолчала на секунду. Сказала всего одно слово:

— Норм.

Эриве этого хватило. Музыка звучала некоторое время, затем она в последний раз провела по струнам — уже тише — и убрала инструмент рядом.

Эрива взяла тонкий пруттик и лениво повела им по воде, наблюдая, как расходятся круги, искажая отражение неба. Жока придвинулась ближе и положила голову ей на плечо. Её кудри щекотали Эриве шею.

Жока снова заговорила о Корее. Она описывала сложные танцевальные движения из нового клипа, странные прически айдолов, их яркие, невозможные в венгерской деревне наряды. Говорила о том, как там мальчишки похожи на девочек — красивые, утонченные, — а девочки сильные, как мальчишки.

Она мечтала вслух:

— Я бы хотела туда улететь... Пожить там, в Сеуле. Покрасить волосы в какой-нибудь безумный цвет — в розовый или серебряный, как у Чимина. Сделать такой макияж, чтобы глаза казались огромными, как у куклы.

Жока замолчала, глядя на свои смуглые руки. Голос её стал тише, грустнее:

— Но я не могу быть такой, как они... У меня темная кожа. А они белые как снег. И ты... Она подняла голову с плеча Эривы и посмотрела на её профиль.

— У тебя красивая кожа, Рива. Белая, прозрачная. Ты бы там за свою сошла. А я — грязь. Эрива не отводила взгляд от воды.

— Какая разница? — спросила она тихо. — Разве разница — в цвете кожи? Я не вижу разницы Ты красивая, Жока.

Жока тяжело вздохнула, снова опуская голову ей на плечо:

— Если бы так... Если бы все так думали.

Она снова продолжила рассказывать. Эрива молча слушала. Прутик снова коснулся поверхности. В темной воде отразилось её лицо. Бледное, с большими глазами. Лицо, которое она считала своим, а теперь искала в нём черты Лиоры.

Она резко шлёпнула прутиком по воде. Брызги полетели во все стороны. Круги пошли рябью, разбивая отражение на сотни осколков. Силуэт исчез.

— Знаешь, Жока, — сказала она наконец, не поднимая глаз. — У мамы есть сестра.

Жока, болтавшая ногами в воде, удивлённо посмотрела на неё.

— Откуда у неё сестра? Типа тётка твоя?

— Мама сказала. Я видела фото... — Эрива смотрела в воду, где осколки вновь собирались в чёткое отражение. — Она красивая. Взрослая. В Австрии. Родня...

Две девочки переглянулись и прыснули со смеху.

— Да нет у неё никакой сестры, — громко, чтобы все слышали, сказала одна. — Роза сама всегда... В том дурацком доме.

— А тебя на цыганском рынке купила, — добавила вторая девочка. — По скидке.

— Как купила? — растерянно переспросила Эрива, поднимая голову. Жока резко повернулась к ним. Глаза сузились.

— Эй! Рты закрыли.

— Ой, да кто бы говорил, — не унимались те, почувствовав преимущество. — На себя посмотри.

Эрива вдруг оживилась, цепляясь за свою новую правду:

— Я видела фотографию.

— Какую фотографию? — съязвила первая девочка. — Роза-нени старая дева. А ты просто взяла и появилась. Сестра... Твоя ещё скажи. Вот заливаешь! Сказочница.

Они снова засмеялись — обидным, липким смехом.

— Закрылись. Обе. — голос Жоки стал низким.

— А ты что, Жока, вдруг правильная стала? — девочки встали, отряхиваясь. — У тебя у самой отца родного нет. Куча братьев и сестёр — и все не пойми от кого.

Жока вспыхнула.

Кровь ударила в лицо, делая его пунцовым. Она вырвала прутик из рук Эривы, сломала его пополам и резко поднялась.

— Ну вы сейчас точно сдохнете! — крикнула она, бросаясь к ним.

— Ты что, больная? — завизжали девочки, отступая к велосипедам. — Поехали отсюда! Ненормальная. Вы обе чокнутые! Стоите друг друга!

Они вскочили на велосипеды и рванули прочь, поднимая пыль.

Жока осталась стоять. Вся красная, она тяжело дышала, хватая воздух ртом, как после марафона. Кулаки были сжаты так, что ногти впивались в ладони. Эрива никогда ещё не видела её такой, и она не знала, как к ней подступиться.

— Сучки драные... Чёрт! — выкрикнула Жока в пустоту.

Она швырнула сломанную ветку в воду.

— Как же я их ненавижу! — почти прохрипела она.

Жока вернулась к пирсу. Эрива ловила каждый вздох подруги. Она хотела что-то сказать, но Жока перехватила этот взгляд и сорвалась.

— Что ты на меня смотришь?! — закричала она, подступая вплотную. — Ну что ты смотришь на меня?!

Она почти упёрлась лицом в лицо Эривы. От неё пахло потом и страхом.

— Ты всегда так смотришь! Как будто... как будто я святая!

Она резко, с размаху опустилась на колени прямо на доски пирса и начала биться лбом о трухлявые балки.

Бум. Бум. Бум.

— Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу, — повторяла она монотонно, глухо ударяясь о дерево.

Эрива испугалась до оцепенения. На лбу Жоки, среди грязи, проступили красные ссадины.

— Я уродина... — протянула Жока, не поднимая головы. — Я грязная уродина. Ненавижу...

Руки Эривы задрожали.

Она потянулась к подруге, заикаясь:

— Ж-жока... ты меня п-пугаешь.

— Пугаю? — Жока подняла голову. Она стояла на четвереньках, волосы растрепались, на лбу наливалась шишка. Глаза были сухими и безумными.

— Тебе страшно? — она усмехнулась, перекосив рот. — Тебе, принцессе из тёплого дома с бабушкой... Тебе страшно?

Голос сорвался, ушёл вниз, к слезам.

— Страшно, маленькая Пони? — повторила она глухо.

Потом вдруг оборвала сама себя. Она посмотрела в темную, мутную воду пруда.

— А знаешь... — прошептала она. — А может, и хорошо, что у тебя нет папы. Или нет никого... кто вместо папы.

Жока не отрывала взгляда от воды.

— Поэтому ты не уродина. Поэтому к тебе никто не лезет каждую ночь.

Она слотнула.

— И тебе не нужно смывать с себя грязь каждое грёбаное утро.

Эрива смотрела на неё, не моргая.

Слова влетали в сознание, но смысла в них не было. Какая грязь? Кто лезет? Почему ночью? В её мире, где Роза мерила ей давление и целовала тесто, таких понятий не существовало. Эриву замутило. Она не знала, куда девать услышанное.

— А может, мне утопиться? — сказала Жока вдруг, почти спокойно. Рассудительно.

— А потом меня достанут. И у меня, как у тебя, будет дырка в голове. Ничего не помнить. Ничего не знать. Быть чистой...

Жока повернулась к Эриве. В её глазах была мольба.

— Может, так лучше, а? Ривка, как ты думаешь? — Она тихо фыркнула. — Может, так лучше?

Эриву колотило. Руки тряслись, голос не выходил — горло пережало спазмом. Она хотела крикнуть «Нет!», но звука не было. Свет ударил Эриве в глаза. Реальность мигнула и погасла.

Дзынь.

Она отключилась. И не услышала топот на пирсе, всплеск воды, крик птиц.

Мир вернулся рывком.

Жока стояла по колено в воде, у самого берега. Пруд был мелким. Она была вся в ряске, мокрая одежда облепила тело, к ногам прилипли нити тины. Жока дрожала и смотрела на Эриву снизу вверх — испуганно, почти по-детски. Она подошла прямо к пирсу, с неё текла вода. Схватила Эриву за плечи, тряхнула:

— Эй... ты чё? Ривка? Ты чё?

Голос прорвался сквозь звон в ушах.

— Ты отключилась?

Эрива моргнула. Фокус навёлся.

— Прости меня, — быстро, испуганно затараторила Жока, стуча зубами. — Прости. Я дура. Я просто... Я пошутила. Не слушай. Забудь.

Эрива смотрела на неё. Она хотела сказать «Я поняла» или «Я помогу». Но она не поняла и не могла помочь. Она почувствовала, как эта чужая тайна заполняет желудок. Спазм скрутил живот узлом. Эриву резко, фонтаном вырвало. Прямо в воду, туда, где стояла Жока.

Жока отшатнулась.

Они смотрели друг на друга молча.

— Поехали домой, — прохрипела Эрива, вытирая рот ладонью. — Пожалуйста.

Они въехали во двор в тишине.

У гаража стоял Пишта-бачи. Он привёз мешки с кукурузой для зимы и теперь молча сметал с кузова шелуху. Увидев девочек, он остановился, опёрся рукой о борт грузовичка. Он ничего не сказал. Просто сдвинул кепку на затылок, глядя на них своими выцветшими, добрыми глазами.

Роза сидела на скамейке у гаража. Она выглядела утомлённой — день был душный, нога ныла. Увидев их, она медленно поднялась.

Жока — мокрая насквозь, футболка облепила худое тело, с волос капало. Эрива на багажнике тряслась мелкой дрожью, вцепившись в мокрую спину подруги. Губы у обеих были синие.

— Господи... — тихо выдохнула Роза. Сил на крик у неё не было. — Вы где были?

Жока слезла с велосипеда. Она стояла, опустив голову, будто притащила беду в этот двор.

Пишта-бачи подошёл ближе.

— Искупались, что ли? — спросил он негромко, без издёвки.

Эрива сползла с багажника. Ноги не держали. Она качнулась, и Роза тут же подхватила её под локоть.

— Я оступилась, — сказала Эрива. Голос был слабым.

Роза замерла, ощупывая её холодное плечо.

— С пирса, — добавила Эрива, глядя в уставшее лицо бабушки. — Не удержалась на ногах. Я бы не вылезла, мам. Жока прыгнула. Вытащила.

Повисла пауза, слышно было только, как где-то кудахчут куры. Пишта-бачи посмотрел на Жоку — серьёзно, внимательно.

— Там вода ледяная, — веско сказал он. — Ключи бьют. Справилась, значит.

Он кивнул ей, как взрослой.

Роза закрыла глаза на секунду. Выдохнула.

— Спасибо тебе, Жока, — сказала она тихо.

Жока переступила с ноги на ногу.

— Я пойду, Роза-нени... — пробормотала она, пяясь к велосипеду. — Мне надо...

Она шмыгнула носом, готовая расплакаться.

— Куда ты пойдешь? — устало возразила Роза. — Ты же до нитки. Заболеешь ещё.

Матери твоей только этого не хватало.

Она махнула рукой в сторону дома.

— Идите. Горячая вода есть. Высохнете, чаю попьёте, потом пойдёшь.

— Да я...

— Иди, дочка, — мягко поддержал Пишта-бачи, забирая у неё велосипед. — Роза дело говорит. Не трясись. Я велик в гараж поставлю.

Жока посмотрела на Эриву.

Та стояла, привалившись к бабушке, и ждала.

— Идём, — одними губами сказала Эрива.

Жока сдалась. Оставляя мокрые следы на бетоне, она пошла за ними в дом.

Торт

Спустя несколько дней Жока пришла без звонка.

Дверь на кухню щёлкнула тихо — не так, как обычно, когда она влетала, как ветер, и сразу начинала говорить. Сейчас она вошла боком, будто боялась задеть стены. Капюшон натянут до бровей. Руки — в карманах.

Эрива сидела у окна. На коленях лежал мягкий футляр с укулеле. Она как раз закрыла молнию, собираясь убрать инструмент, пока Роза смотрела новости и не начала ворчать из-за шума.

— Ты поздно, — сказала Эрива.

Жока кивнула. Не улыбнулась. Она вытаскила руки из карманов — и Эрива сразу увидела костяшки. Сбитые. Синеватые. На правой — тонкая полоска крови, уже подсохшая, но ещё свежая.

Эрива ничего не спросила. Просто повесила футляр на плечо и развернула колёса к лестнице.

— Пошли, — сказала она спокойно. — Сейчас.

Жока фыркнула.

— Я не маленькая, Пони.

— Я тоже. Пошли.

Подъём по лестнице занял время. Эрива не торопилась: перила, пауза, ещё ступень. Жока шла рядом, не помогая и не мешая. Наверху коридор был тёмным и прохладным, в ванной пахло стиральным порошком. Эрива включила свет — он ударил по глазам резко, неприятно. Жока поморщилась.

Эрива поставила на край раковины бутылочку перекиси, ватные диски и маленькую чашку с тёплой водой. Она собирала всё это молча, без суеты.

Жока села на край ванны, согнула плечи.

— Покажи, — сказала Эрива, протягивая руки.

Жока вытянула кулаки. Кожа на костяшках была натянута, как на барабане.

Эрива взяла её правую руку — осторожно, и спросила, не поднимая глаз:

— Больно?

Жока усмехнулась одним уголком рта.

— Ему, наверное, больнее.

Эрива на секунду задержала движение, но не посмотрела в лицо. Перекись шипнула. Жока дёрнулась всем телом, втянула воздух.

— Ай, — выдохнула она сквозь зубы.

Потом добавила быстро, почти зло:

— Нормально. Не нежничай.

Эрива промокнула кровь ватой. Вода стала розовой. Шипение повторилось. Жока зашипела в ответ сквозь зубы.

— Ты опять... — начала Жока и замолчала.

— Что, чашку разбила? — сказала Эрива ровно.

Жока резко подняла глаза.

— Не лезь...

— Я слышу, когда в тебе появляется злость, — тихо перебила Эрива и аккуратно перевернула руку Жоки ладонью вверх, немного подтянув край рукава. — Вот оно. Ты же понимала, что я замечу.

Жока сглотнула. Рука задрожала. На секунду её лицо стало совсем детским — не дерзким, не резким, а пустым.

— Я не хочу быть... — начала она и не договорила. Только раздражённо дёрнула плечом.
— Короче... Я ему врезала.

Эрива кивнула, обрабатывая вторую руку. Жока уже не дёргалась, только морщилась и стучала пяткой по плитке, отмеряя боль.

— Козёл, — выцедила Жока, задирая верхнюю губу. Она осторожно провела языком по зубам, проверяя кровь. — Чуть челюсть не вывихнула.

Эрива вскинула на неё глаза и резко выдохнула:

— Дать что-то? Холодное?

— Само заживёт. Забей... — она с сухим хрустом повела челюстью из стороны в сторону.

Когда всё было промыто, Эрива достала бинт и пластырь.

— Дай, я сама, — буркнула Жока.

— Держи, — ответила Эрива и всё равно придержала её пальцы, чтобы узел не расползся.

Пауза растянулась.

Эрива вдруг тихо спросила — не про руки и не про «его»:

— Жока а если я тебе скажу одну вещь, ты не будешь ржать?

Жока посмотрела на неё сверху вниз, устало.

— Я сегодня уже отработала норму.

Уголки губ Эривы приподнялись, а на лице появился румянец:

— Я переписываюсь с одним мальчиком. В интернете.

Жока замерла, потом фыркнула.

— О-о-о. Пони вырастет.

— Он классный, — быстро сказала Эрива. — Не тупой. И не противный.

Жока прищурилась.

— Как зовут?

Эрива чуть отвела глаза.

— Никак. Там ник, «Vandor_04». Аноним.

Жока помолчала секунду, вторую — и выдала сухо:

— Смотри, чтобы твоим «анонимом» не оказался мужик сорок пять лет, с пузом и чужими фотками.

Эрива невольно улыбнулась — криво, но по-настоящему.

— Дура.

— Я тебе дело говорю, — сказала Жока и посмотрела ей прямо в лицо.

Эрива потянулась к табурету, где лежал футляр. Медленно растянула. Достала укулеле и положила себе на колени.

— Я выучила ещё одну, — сказала она тихо.

— Ну? — Жока скривилась, но в голосе уже не было яда. — Давай. Удиви.

Эрива поставила пальцы. Не идеально — но уже уверенно. Получилась короткая связка: два аккорда, потом третий. Ровно настолько, чтобы это было музыкой. Жока хмыкнула и, не глядя, сказала то самое слово:

— Норм.

Эрива выдохнула. За дверью скрипнула половица. Где-то в доме кашлянула Роза. Жока быстро встала, потянула рукава вниз, пряча бинты.

— Я пойду, — сказала она резко, привычно. — Поздно уже.

Эрива кивнула.

— Завтра придёшь?

Жока задержалась на пороге ванной, не оборачиваясь.

— Если ты не сольёшься со своим сорокапятiletним, — бросила она.

— Не сольюсь, — сказала Эрива.

Жока поправила волосы и вышла.

Эрива осталась сидеть с укулеле на коленях. Пальцы ещё помнили струны, а в ушах всё ещё шипела перекись.

В следующие дни бинты на костяшках Жоки были уже не такими белыми. Она приходила снова — будто между «вчера» и «сегодня» ничего не было. Садилась на табурет у окна, вытягивала руки и молча позволяла Эриве снять пластырь и заменить повязку. Они говорили мало. Жока смотрела, как Эрива берёт укулеле. Не просила и не подгоняла. Только изредка бросала своё короткое «норм» — и этого хватало.

В сентябре, на пятнадцатилетие, Роза приготовила небольшой торт. Долго возилась с узорами, разгибая спину после каждой кремовой розочки. Эрива смотрела в окно на пустые улицы.

Тишину перебил звонок. Роза глянула на экран, быстро вытерла руки о передник и отсекла звук — не сбросила, просто заставила телефон замолчать. Она торопливо вышла в коридор, прикрыв за собой дверь, и только тогда ответила.

Эрива не стала прислушиваться. Она подкатилась к столу с ноутбуком и принялась отвечать на поздравления, сыпавшиеся в ленту.

Когда Роза вернулась, почти сразу пришла Жока. Она держала перед собой бумажный пакет с яркой надписью «В.Ú.É.К.» — поздравлением с Новым годом. Эрива медленно развернула кресло.

— Привет! С днюхой! — Жока резко протянула пакет.

— Спасибо, — отозвалась Эрива, принимая подарок. — Не думала что кто-то придёт.

Она запустила руку в пакет и достала тяжёлый дневник в кожаном переплёте с металлическими уголками.

— Вау, — выдохнула она, вскинув голову. — Ну ты чего? Это же дорого.

Жока скривилась, избегая её взгляда:

— Не бойся, это с гуманитарки. Мне всё равно дома прятать его некуда...

Роза подошла ближе, коснулась плеча гостью:

— Разувайся, проходи. Торт будем есть.

Жока скинула кроссовки и встала за спиной Эривы.

— Надеюсь, больше никого не будет, — процедила Жока, вцепившись в ручки коляски.

Она оттолкнулась, повиснув на прямых руках. Коляска опасно качнулась назад, но удержала равновесие под весом девочек. Волосы Жоки упали Эриве на плечи. Девочки рассмеялись, и Эрива, резко толкнув обода, покатила в сторону столовой.

Дневник

Осенью снова начали закручивать — сначала почти незаметно, как ремень на одну дырку. В новостях опять появились цифры и новые правила, и Роза стала дольше стоять у телевизора, прикрывая рот пальцами, как в тот март. Давление у неё прыгало чаще.

Эрива написала: «Дорогой дневник», поморщилась и сразу стёрла.

«Привет, мой друг» — грифель на секунду завис, и она тут же прошлась ластиком по бумаге.

«1 октября 2020. Кажется, на небе что-то напуталось, и лето решило вернуться».

Эрива сдвинула стопки книг в сторону и уложила дневник в самый центр — на освобождённый островок полки. Учебники больше не путешествовали в школьном рюкзаке — школа опять поплыла в экран. Лица вернулись в «квадратики» — маленькие окна, где люди существовали наполовину: лоб, глаза, кусок стены за спиной. Смех приходил с задержкой, как отправленный по почте. Шутка звучала, зависала в воздухе, и только через две секунды на чужих лицах появлялась реакция, слишком поздняя, чтобы быть настоящей.

— Ха... — говорила Жока в микрофон и сразу добавляла: — Кринж.

Фразы в разговорах становились обрывками.

— Ты слыш...

— ...у меня не грузит...

— ...потом напиш...

И всё. Тишина. Пустота. Эрива научилась подставлять смысл туда, где он пропадал.

Связь с Анонимом не прервалась. Они продолжали писать друг другу, не допуская ни голосов, ни лиц — держась только за текст. С Аароном они тоже общались коротко: «как вы?», «держитесь», «норм».

Жока держалась рядом, но иначе. Иногда она появлялась с теми же руками — уже без крови, но с новой синевой. Иногда — без следов, слишком аккуратная, слишком «нормальная». Иногда не приходила вовсе. Эрива не спрашивала. Что происходило в эти дни, она не знала. О том дне на озере они больше не говорили.

«18 ноября 2020. Жоки нет две недели. Даже в сети. Завтра в больницу. Спину ровнять».

К декабрю деревня снова стала маленькой и ранней. Вечера наступали быстро, по улицам ходили реже. Рождественский бетлехем так и не поставили. Ёлка у школы мерцала скупыми огнями — голая, без единой игрушки. Всё лишнее убрали, оставив лишь холодный свет: прикасаться к вещам было нельзя.

Эрива сидела на террасе, поглубже зарывшись в тяжёлый плед. Пальцы сжимали горячую кружку с какао — единственное живое тепло в застывшем воздухе. Перед ней тускло светился экран ноутбука, разбитый на мелкую сетку: чья-то ёлка в углу кадра, люди за столом, пустые стулья и кто-то, монотонно жующий в полумраке.

Тишину деревни вспорол далёкий крик со стороны церкви: «Три! Два! Один! С Новым годом!»

Лицо Эривы на миг выхватила из темноты одинокая вспышка салюта. Она едва заметно улыбнулась гаснущим в небе искрам.

«1 мая 2021. Открылась кочма. Надувала шарик. Теперь болят щёки. Ещё струна порвалась».

Эрива играла каждый день. Немного — сколько хватало пальцев и терпения. Каждый раз, когда звук получался чистым, она ловила себя на одной и той же мысли: если можно прижать струну и добиться ноты — значит, можно и другое. Значит, не всё решается «само».

У неё осталось немного: тетрадка с таблетками, укулеле и Жока, которая всё равно приходила. Пусть и молча, с отбитым смехом и этим своим «норм», которое заменяло объятия.

Вечерами Эрива закрывала молнию на футляре — «вжик» — знак, что сегодня ничего не развалилось.

«2 января 2022. Мама переживает. Завтра в школу. В школу! Но страшно».

Карантин уходил медленно, слоями. Сначала возле магазина перестали ругаться из-за масок, потом люди начали снова узнавать друг друга в лицо, а не по глазам. В школе одноклассники были растерянными, как будто все забыли, где их парты и шкафчики. Мальчишки здоровались не за руки, а «локтями». В столовой осталась пластиковая посуда, которую закупили впрок, но для Эривы это было мучение. Она не могла удержать ни тарелку, прогибающуюся под весом еды, ни стакан с чаем. Жока выручала, не упуская возможности двинуть чью-то ножку стула. Но даже она, всегда смеявшаяся над «взрослыми планами», теперь всё чаще зависала над сборниками тестов, прикусив губу. Одноклассники в коридорах шептали даты и формулы — впереди экзамен.

Эрива задерживалась в школе, пока коридоры не пустели. Вечером она часами неподвижно смотрела в тёмный потолок. Тело гудело от шума, сон не шёл.

«21 января 2022. Завтра — экзамен. Я не могу уснуть. И таблетку пить не хочу. Ничего не хочу»

Утром в окнах стоял серый, пепельный холод. Роза хозяйничала на кухне тише обычного. Она упаковывала папку с документами так бережно, словно там лежал хрусталь: две ручки, вода, шоколадка «на удачу», таблетки и — по привычке — запасная маска.

— Поешь, — коротко сказала Роза.

Когда подъехала Оршоа, деревня казалась совсем неподвижной. В машине было тепло, но Эриве казалось, что внутри неё всё равно холоднее.

У школы в Пече их встретила толпа. Шумная и тревожная. В коридорах Эриву ударило осознание: одноклассники — это не «квадратики» в мониторе. Это живые люди. Чужие локти, колени в джинсах, запахи парфюма. Она негромко просила дорогу и короткими толчками проворачивала обода, вырезая себе путь в толпе. Впритирку, стараясь ни на кого не наехать.

Экзамен прошёл в гулкой тишине. Эрива писала медленно, экономя силы в пальцах. Когда рука начинала дрожать, она просто клала ладонь на край стола и ждала. На выходе облегчения не было.

На экране телефона мигнуло короткое сообщение:

Vandor_04: Держись! Удачи!

Эрива улыбнулась и спрятала телефон.

«24 февраля 2022. Выбирала направления — гуманитарный профиль и языки. Мама сказала: в языке тело не мешает. Может, она права?»

Зашла Жока. Она выглядела повзрослевшей и какой-то обветренной.

— Я пойду работать, Рива, — сказала она, глядя в окно. — Учёба — это когда есть запас сил. А мне нужно жить сейчас.

Они не спорили. Просто сидели рядом.

«27 апреля 2022. Пришло письмо. Приняли! Теперь мне нужно будет ездить в Печ. Мама волнуется. Жока сказала, что пойдёт на выпускной в джинсах. А я не знаю, как стоять».

В середине июня был Ballagás — выпускной.

Для Эривы это стало не праздником, а тестом на выносливость. Она приехала в коляске — белое платье до колен, которое Роза гладила три раза, чтобы ни одной складки. Пятнадцать минут в строю, ступеньки, жара. Чтобы не упасть на глазах у всего класса, она заранее встала, оперевшись на серую «канадку». Рука дрожала, но Эрива старалась держать спину ровно. Сил хватило на пять минут, и она села в коляску, прижимая к себе букет.

Рядом, не отходя в сторону, стояла Жока — в длинном чёрном платье. Она казалась совсем тонкой, а её выпрямленные волосы всё равно норовили пойти волной и собраться в кудри. Жока то и дело одёргивала подол и косилась на Эриву.

Эрива чувствовала, как горят щёки. Жока незаметно придвинулась ближе, плечом почти коснулась её плеча, и тихо, одними губами, прошептала:

— Дыши, Пони.

Роза стояла чуть в стороне с мокрыми глазами. Она крепко сжимала телефон перед лицом, ледяным взглядом провожая тех, кто проходил мимо, влезая в кадр. Иногда кивала учителям, выдавливая улыбку.

«23 августа 2022. Мама говорила по телефону с кем-то, на немецком. Странно. Может, это за лечение. Таблетки пью через раз. Хуже не стало. Мама спросила, что хочу на День рождения. Сказала про ту игрушку. Теперь стыдно, блин»

На зачисление в город Печ их повезли Аарон и Эмеше. В машине всё было привычно и надёжно, но Роза в тот день выглядела плохо: лицо серое, рука всё чаще искала опору в ручке двери.

Первый месяц в гимназии был похож на хаос.

Огромные коридоры, сотни лиц, которые не знали, кто такая «Пони».

Учёба была вторичной. Главным была система: изучить лифты, найти тихие углы, научиться выходить из класса на минуту раньше, чтобы не попасть в пробку из тел. Эрива строила город как карту: здесь — бордюрный съезд, там — датчик дверей, впереди — тихий сквер с лавочкой и ровные тротуары.

«16 ноября 2022. Немецкий провалила. С мамой что-то не так. Боюсь спрашивать»

Ранним утром, когда солнце ещё не взошло, Эрива боролась с обледеневшей бороздой на переходе возле церкви. Вдруг коляску сзади резко дёрнуло — Жока неслышно подошла и перехватила ручки.

— Опять копаешься, как черепаха?

Эрива резко обернулась:

— Блин. Я испугалась!

Жока лениво шмыгнула носом.

— Погнали, дотолкаю. Автобус щас будет.

— Опоздает. Дорога скользкая, — сказала Эрива, стягивая мокрые перчатки. — Куда ты пропала? Мы же раньше вместе ездили.

Жока громко зевнула:

— Я теперь первым рейсом. Мне же восемнадцать, могу дополнительные часы брать.

Жока докатила её до остановки, и они зашли под навес. Постройка больше напоминала жилую комнату: картины на стенах, полки с книгами. Стояли два кресла, а между ними — макет камина. Эрива посмотрела на искусственный огонь и зябко вздрогнула всем телом. Жока привалилась к углу, закрыла глаза и уронила голову на плечо.

— А сегодня? — тихо спросила Эрива. — Что-то случилось?

Жока нехотя вынырнула из полудрёмы и потёрла глаз.

— Не случилось. Проспала, — она снова зевнула, глухо замычав себе под нос.

Вдали показались фары. Эрива выщелкнула «канадку» с крепления на спинке и с усилием поднялась.

— Автобус, — бросила она. — Поможешь сложить?

— Угу...

Они забрались в салон. Автобус тронулся. Эрива вполголоса рассказывала про гимназию, новых знакомых, про то, как ей занижают оценки по немецкому за странный выговор. Жока сначала кивала, а потом совсем притихла. Эрива осторожно забрала телефон из её ослабевших рук, поправила подруге капюшон, подложив шапку под голову, и крепче прижала её к своему плечу.

«10 апреля 2023. Началась теория. Боже, я путаю лево и право. Помеха справа“ — это точно про меня. Хочу проколоть уши. Заказала посылку».

Бабл-ти

2023 год.

Солнечным майским днём девочки выбрались в город. Их маршрут лежал через небольшой тенистый парк. Жока медленно толкала коляску, увешанную рюкзаками и пакетами. Колёса ровно шуршали по плитке, а из маленькой колонки, болтающейся на ремешке у борта, тихо играла музыка.

Они остановились у павильона. Внутри монотонно перемешивалась «ледяная каша», гудели аппараты, а в витрине красовались стаканы, набитые цветными желейными шариками. Жока с азартом разглядывала меню, чуть не впечатав коляску в стоящий впереди стул.

— Эй! Ты чего? — воскликнула Эрива и резко выставила ногу перед собой.

— Я хочу всё! — протянула Жока, смешно высунув язык.

— Давай возьмём вот то, — Эрива кивнула в сторону витрины со стаканами. — Я никогда не пробовала.

Они остановили коляску у окошка, и Жока тут же рванула к кассе, бросив через плечо:

— Да ладно тебе, все пробовали.

Эрива повернула голову и долго смотрела на разноцветные горы мороженого в лотках.

— Может, пробовала, — едва слышно произнесла она. — Просто не помню.

Жока резко обернулась, нервно прикусив губу. Ничего не ответила.

Забрав заказ, они поехали дальше.

Эрива сидела, спрятавшись в капюшон, из-под которого выбивались распущенные волосы. Она вытащила из стакана толстую трубочку с застрявшими внутри шариками, зажав один конец пальцем. Рука дрогнула, и цветные желейные капсулы шлёпнулись на плитку.

— Ты так все вкусняшки растеряешь, — с ехидцей заметила Жока.

— Ты просто толкаешь неровно, — отозвалась Эрива, проверяя на пятна своё белоснежное худы.

Она вернула трубочку в стакан и потянулась к ней губами, пытаясь выудить скользкие сладкие «икринки». Жока резко толкнула коляску вперёд, ускоряя шаг. Эриву качнуло, рука со стаканом дёрнулась, и пластиковая трубка больно ткнулась ей в зубы.

— Я чуть не вдохнула! — испуганно выпалила она.

— А ты не жалуйся, Пони.

Жока покосилась на мальчишек, сидящих невдалеке на лавочке, а затем перевела взгляд на шнурок, который Эрива машинально тянула вниз:

— Лучше капюшонними.

Эрива поправила край ткани у шеи:

— Будет видно след.

Жока с шумом втянула шарик через трубочку и сморщилась:

— Тебя и так видно.

Эрива отвернулась и натянула край капюшона сильнее, пряча ухо.

— Ты не понимаешь, — тихо сказала она.

Жока остановила коляску в тени, обошла её, встала напротив Эривы и опустилась на корточки.

— Понимаю, Пони, — её взгляд остановился на горле подруги. — Снимай.

Эрива медленно стянула капюшон. Волосы упали на плечи. Она тут же попыталась закрыть ими шею.

Жока фыркнула.

— Думаешь, всем нужен твой «пуп» на шее? — она прищурилась от яркого света. — Ты красивая, Пони. Не прячь.

Эрива посмотрела на мешковатую кофту Жоки, на длинные рукава, скрывающие кисти почти до самых пальцев, на её широкие бесформенные штаны.

— Тогда почему ты прячешься? — спросила она, глядя прямо в глаза.

Жока дёрнула плечом и поставила свой стаканчик на тротуар.

— Это другое! Поняла? — она резко повысила голос, но тут же опустила глаза: — Мы же договорились Помнишь?

Эрива моргнула и опустила взгляд на плавающие в её стакане цветные шарики.

— Это то же самое, — тихо ответила она. — Только другого цвета.

Её пальцы снова потянулись к волосам — закрыть. Но она остановила движение на полпути. Рука задрожала, и Эрива опустила её на подлокотник. Жока накрыла её дрожащие пальцы своей ладонью.

— Это не то же самое, — сказала Жока. — Тебе страшно, что у тебя это увидят.

Она отвернулась, уткнувшись носом в собственное плечо, затем снова посмотрела на подругу.

— На тебя не пялятся, — её голос стал хриплым. — Кто-то скажет, ты «сильная».

Жока поднялась с корточек, взяла с асфальта свой стакан и покосилась на собственные кулаки, надёжно скрытые длинными рукавами кофты.

— Меня никто не пожалеет, Пони...

— Ты не стыдная... а я не бедная, — жёстко перебила её Эрива.

Подбежала собака, ткнулась носом в руку Эривы — и умчалась на свист хозяина. Только раздражающий гул детских электрических машинок наполнял парк.

— Я знаю, где ты была тогда... те две недели, — почти шёпотом произнесла Эрива.

Жока вздрогнула. Её лицо дернулось, она резко отвернулась.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, недобро прищурившись.

Эрива перевела взгляд на ближайшую клумбу. Глубоко вздохнула.

— В больнице медсестра, — она снова посмотрела на Жоку. — Сказала, девчонку из нашей деревни промывали.

— Почему ты решила, что это была я?

Лицо Жоки налилось. Эрива не отрывала от неё взгляд:

— Я боюсь, Жока. За тебя.

Жока замолчала.

Где-то невдалеке раздался детский смех, затем голос владельца собаки снова выкрикнул кличку. Жока опустила голову, медленно подтянула длинный рукав кофты вверх, обнажая запястье, и молча положила руку на подлокотник коляски — рядом с пальцами Эривы. Потом резко одёрнула руку.

— Не надо, — тихо сказала Жока. Помолчала и вдруг спросила: — А куда мы едем вообще?

Она поднялась, встала позади коляски и поправила лямки рюкзаков.

— На пункт выдачи, — ответила Эрива. — В конце парка. Поехали.

Она расправила скомканную ткань капюшона на плечах и откинула волосы за спину. Ветер зашелестел листьями — коляска тронулась с места уже без рывка.

Девочки вышли из парка и остановились возле длинного металлического шкафа постамата. Эрива ввела код на экране. На другом конце аппарата щёлкнул замок — приоткрылась узкая дверца.

— Что там? — с любопытством спросила Жока.

— Опора, — бросила Эрива и крутанула колёса к открытой ячейке. — Помоги.

Жока подошла и вытянула длинную картонную коробку.

— Что это, Пони?

Эрива подъехала чуть дальше, к большому жёлтому мусорному контейнеру.

— Сюда, Жока, клади. — Эрива с усилием приподнялась с коляски, опираясь о край контейнера: — Тут можно — рви!

Жока подошла ближе и принялась разрезать упаковочную плёнку ключом, как маленькой пилой. Раскрыла створки. Внутри, плотно замотанная в «пупырку», лежала трость.

— У тебя же есть дома палка, чтобы ходить? — спросила Жока.

Эрива не ответила. Она аккуратно стянула плёнку, сбросила в бак пенопластовые уголки, защищавшие края, и достала трость. Углепластик блеснул на солнце, полупрозрачный набалдашник поймал свет, а на рукояти качнулся плетёный кожаный ремешок.

— Обалдеть! — резко выдохнула Жока.

Эрива долго держала трость в руке. Провела пальцем по гладкому гляncу, качнула, пробуя вес. Затем уверенно опёрлась на набалдашник, перенесла вес тела и только тогда ответила:

— Есть. Но эту я не хочу прятать.

Она сделала шаг — ноги дрогнули. Жока машинально вскинула руки, готовая ловить, но тут же опустила их и уже спокойнее, без суеты, просто взяла подругу под руку.

Площадь

Лето 2023. Печ.

Площадь Сечени гудела: иностранная речь, звон посуды с открытых террас, оклики официантов между плотными рядами столиков. По брусчатке, пересекая её по невидимым диагоналям, шагали сотни людей. Над всем этим возвышался силуэт ратуши, отбрасывая длинную тень, в которой пока ещё пряталась утренняя прохлада.

Девочки медленно шли вдоль площади. Эрива сидела в белоснежной коляске; на ней было белое платье, слегка открывающее плечи, а шею украшал лёгкий шёлковый платок, завязанный плотным узлом на манер галстука. Жока в длинном чёрном худи, которое висело на её хрупком теле мешком. Широкий клёш её штанов, казалось, сметал всю пыль с брусчатки, а на шнурках кед позвякивали прицепленные пластиковые значки.

Они двигались в привычном ритме. Жока толкала коляску, нагруженную рюкзаками, пакетами и футляром с укулеле. Разглядывая витрины и людей на террасах, она рассказывала о работе: про ненавистный сканер, от которого сводит палец; про менеджера, не сводящего с неё глаз; про добрую коллегу, которая тактично отводит взгляд, когда Жока набивает сумку просрочкой. Эрива слушала, вставляя короткие реплики, чтобы поддержать подругу.

В какой-то момент Жока остановилась, обошла коляску и заглянула Эриве в лицо.

— Мне надо съехать, — сказала она тихо. — Понимаешь? Надо. Мать опять орёт... Карточку забрала...

Эрива прищурилась и прикрыла ладонью глаза от яркого солнца. Она вытянула трость из-за спинки коляски и, словно мечом, ткнула ею Жоку в бок, указывая, чтобы та заслонила её от лучей.

Когда легла тень, Эрива спросила:

— Ты вообще без денег?

Жока скрестила руки на груди и зябко поёжилась.

— Я только двадцать тыщ сняла, — она глубоко вздохнула. — Каждый форинт на счету, блин. Мне не хватает на залог за комнату... А дома я больше не могу.

Эрива молчала. Ветер шевелил край её платка. Она перевела взгляд с Жоки на площадь: на террасах под навесом сидели люди. Кто-то пил кофе, кто-то смеялся, откидываясь на спинку плетёного стула. Вдалеке, у фонтана, кто-то перебирал струны гитары — звук то терялся в толпе, то выныривал снова.

— Сколько тебе не хватает? — ровно спросила Эрива.

Жока резко выдохнула и дёрнула плечом:

— Ты чё? Даже не думай.

Эрива посмотрела на свои колени, затем на чёрный футляр, висевший у подлокотника. Пальцы привычно легли на плотную ткань.

— Значит, нужно попробовать, — сказала она. — Прямо сейчас идём!

Она кивнула на укулеле. На лице появилась хитрая улыбка.

Жока отшатнулась, но тут же нахмурилась:

— Что ты придумала? Рива, мы же деревня. Нас тут засмеют. Это тебе не на балконе бренчать.

— Тем более, — Эрива сняла футляр с ручки, положила на колени и взялась за обода колёс. — Тебе нужны деньги. К тому же здесь нас никто не знает.

Эрива кивнула в сторону фонтана, где девушки в лёгких топах и прилипших к ногам джинсах брызгались водой.

— Им можно. Почему нам нельзя? — бросила она.

Они двинулись вдоль ряда террас. Эрива выбирала место вдумчиво: ей нужен был не центр потока, где люди спешат по делам, а край, «карман» перед фасадом, где шаг замедляется сам собой.

Они остановились у крайнего ресторана. Терраса была огорожена высокими кадками с гранатами, чьи цветы напоминали маленькие огоньки. За ними образовалась естественная ниша — слепая зона, где уже стоял чей-то пристёгнутый самокат.

— Сюда, — скомандовала Эрива.

Они зашли за кадки. Эрива поставила коляску на тормоз, достала укулеле и перекинула ремешок через голову. Трость легла рядом, прижатая к ограде террасы и скрытая тенью листвы. Коляска осталась за ограждением. Жока помогла Эриве встать, собраться и поправить платье.

Эрива вышла к террасе и выпрямилась, насколько позволяли ноги.

— Блин, только не ори, — Жока стояла рядом, нервно теребя ручку футляра. — Что будешь петь?

— Slipped away, — Эрива провела большим пальцем по струнам. Звук получился сухим, глухим. Она чуть подтянула колок. — Мне эту песню легче держать.

Эрива сделала шаг к кадке и остановилась, опираясь спиной о край вазона и перенося вес так, чтобы не тратить силы ног понапрасну. Жока положила у её ног открытый футляр и отошла чуть в сторону. Она прислонилась к стойке с меню, делая вид, что просто ждёт заказ или подругу.

Эрива посмотрела на толпу. Никто не обращал на неё внимания, люди шли мимо. Она ударила по струнам. Первые аккорды прозвучали тихо — голос ещё не согрелся.

— Блин, Пони, я тебя убью, — процедила Жока сквозь зубы.

— Просто стой рядом, — ответила Эрива, не отрывая взгляда от площади.

Она начала петь. Искренне, под простые аккорды. Не для них — для себя. Тихо, не пытаясь перекричать площадь.

Первые двадцать секунд ничего не происходило. Мужчина в широких шортах прошёл мимо, даже не замедлив шага. Стайка студентов громко смеялась, заглушая музыку. Палец не до конца прижал лад. Но на знакомой строчке голос вдруг «попал». Он прорезал шум брусчатки и звон бокалов.

Женщина с собакой на поводке притормозила. Собака села. Женщина улыбнулась, глядя на Эриву. Парень с рюкзаком остановился у соседней витрины; он достал телефон, но не стал снимать, а просто замер, слушая.

— Они реально слушают, — шепнула Жока с детским удивлением.

Эрива не улыбнулась. Она выпрямилась и закрыла глаза. Песня раскрывалась, и напряжение в плечах постепенно уходило. На мгновение она приоткрыла глаза, ловя чужие взгляды. Эрива коротко выдохнула между строками припева и, не открывая глаз, легко стукнула носком кроссовка по кофру.

Жока вытаращила глаза.

— Ты серьёзно? — спросила она одними губами.

Она шагнула вперёд — сначала деревянно, неловко. Присев у футляра, она начала тихо отбивать ритм по его краю. Сначала мимо, но потом поймала такт. В футляр полетела первая монета. Потом звякнула ещё одна. Эрива не вздрогнула — она была внутри песни.

Жока посмотрела на первого прохожего, бросившего деньги, и кивнула ему. Улыбнулась — уже деловито, убирая волосы с лица. Подошёл ещё кто-то, опустил купюру. На секунду лицо Жоки осветилось триумфом, но она тут же напустила на себя серьёзный вид.

Песня закончилась. Эрива накрыла струны ладонью, гася звук. Раздались редкие хлопки. На лице Эривы появилась лёгкая улыбка. От группы людей поодаль отделились двое парней — обычные студенты или туристы. Один из них, в светлой футболке, подошёл ближе, улыбаясь легко и открыто.

— Это было круто, — сказал он. — Вы откуда?

Жока мгновенно сделала шаг вперёд, закрывая Эриву плечом.

— Да ниоткуда. Мы уже уходим.

Второй парень, темноволосый, проигнорировал Жоку и посмотрел прямо на Эриву.

— Ты реально сама играешь? — спросил он мягко, сбрасывая рюкзак на брусчатку. — Ты классная. Есть инста?

Эрива почувствовала, как к щекам приливает кровь. Она растерянно опустила взгляд на инструмент, натягивая подол платья ниже колен.

— Спасибо, — сказала она ровно, стараясь дышать медленно. — Нам пора.

— Давайте проводим, — не сдавался первый. — Или, может, посидим на террасе?

Эрива замерла. Она скосила взгляд за кадку, туда, где стояла коляска. Ноги уже гудели от напряжения, бедро мелко задрожало, пальцы крепче впились в гриф укулеле. Жока всё поняла по её лицу.

— Не надо, — отрезала она. — Мы рядом живём.

— Ну серьёзно, — второй парень сделал полшага вперёд, продолжая улыбаться. — Мы просто хотели...

У Эривы не было выбора: ноги больше не держали.

— Не сейчас... — прошептала она почти беззвучно.

Она отступила в тень гранатов, нащупала холодный пластик трости и вышла обратно к свету, уже опираясь на неё.

Улыбка на лице темноволосого парня не исчезла — она просто застыла. Первый парень моргнул.

— Ой а это что? — потерянно спросил второй, непроизвольно отступая.

— Чаплин, — Эрива сделала шаг в сторону коляски и опёрлась двумя руками на набалдашник. — Танец будет.

— Так мы останемся... — попытался продолжить разговор парень, но осёкся, увидев за кадкой колесо. — Это твоя?

Жока стояла между ними, прижимая футляр как щит.

— Нам правда пора, — отрезала она.

— Может, помочь чем-то? — Он слегка присел, поднимая с брусчатки рюкзак. — Я... Ладно. Я ж не знал.

Эрива смотрела на него. Слишком прямо.

— Бывает, — бросила она. — Хорошего дня.

— Да извини, — первый уже пятился. — Мы, правда пойдём.

Они развернулись и быстро зашагали прочь. Тихо и без злости.

Эрива молча провожала их взглядом.

— Рива, — тихо позвала Жока.

Эрива не успела ответить. С террасы, из-за столика, мимо которого они прошли вначале, поднялся мужчина. Он был старше, в цветастой рубашке; на столе остался недопитый бокал пива. Он подошёл спокойно, без суеты.

— *Beautiful*, — сказал он с тяжёлым немецким акцентом. Доброжелательно. Мягко. — *Very beautiful*.

И протянул руку. Между пальцами была зажата крупная купюра. Жока вспыхнула мгновенно, вскинув ладонь.

— Ноу-ноу. Сенкью, — сказала она, инстинктивно преграждая ему путь. — Не надо.

Мужчина не понял или сделал вид. Он настойчиво продвинул руку ближе к Эриве.

— *For you*, — сказал он, глядя ей в глаза. — *For help*.

Эрива не стала ничего объяснять. Она чувствовала, как сводит скулы, а колени дрожат так сильно, что стучаются друг о друга. Она посмотрела на купюру, на Жоку, на руку мужчины

— и резким, коротким движением выдернула бумажку из его пальцев. Мужчина моргнул от неожиданности.

Опираясь на трость, Эрива сделала два шага за кадку и тяжело опустилась в коляску. Сняла тормоз. Положила укулеле на колени. Оранжевая купюра осталась смятой в её кулаке, впитывая пот с ладони. Она крутанула обода. Колёса с тихим шорохом покатались по брусчатке, прочь от террасы, прочь от застывшего с пустой рукой туриста.

— Рива! — раздался сзади злой шёпот Жоки. — Ты чего?!

Эрива не обернулась. Она прибавила скорость, объезжая компанию туристов. Жока догнала её через десять метров и схватилась за ручку коляски.

— Рива!

— Пошли домой, — бросила Эрива, глядя прямо перед собой.

Порог

На следующее утро Эрива проснулась поздно — когда солнце, сползая с верхней кромки штор, начало настойчиво щекотать лицо. Её разбудил телефон: прикроватная тумбочка мелко вибрировала от уведомлений. Встать не хотелось. Эрива лениво потянулась к экрану, щурясь от яркого света.

Три сообщения.

Первое — от Розы. Сухое, по-деловому:

Уехали утром. Завтрак на столе.

Второе — от Жоки. Очередная дурацкая картинка, шумная и бестолковая.

Третье — от Анонима:

Доброе утро, толстушка.

Эрива невольно усмехнулась. Когда-то она сама выбрала эту ложь: проще было назваться в переписке «толстой и прыщавой», чем признаться в своей настоящей «поломанности».

Кончиками пальцев она нащупала ворс ковра, отыскала тапочки и побрела в ванную, опираясь о стену.

Шум воды заполнил дом.

Струи стекали по волосам и плечам — тяжёлые, слишком тёплые, почти неуместные в пустоте комнат. Одной рукой Эрива держалась за поручень, а другой обхватила собственное плечо — крепко. Локоть привычно прижался к животу.

«А как это вообще — когда тебя обнимают? — подумала она. — Просто так».

Тёплая вода собиралась в ложбинке между грудью и рукой. Эрива машинально опустила ладонь ниже — и остановилась. Вспоминая вчерашний день, вопрос поднялся сам, без слов: какая она, если не смотреть на тело как на проблему?

Она вытерлась, натянула сорочку и, придерживаясь за перила, спустилась вниз — к большому зеркалу у лестницы.

Фен заглушил тишину. Поток воздуха обдувал влажные волосы и открытые плечи. Этот воздух касался кожи как чужие руки. Эрива поймала себя на том, что стоит ровнее, чем нужно: подбородок чуть выше, плечи собраны — как перед невидимым зрителем.

Она стояла перед зеркалом в лёгкой ночной сорочке, одной рукой придерживаясь за спинку стула. Попыталась отпустить стул — выстоять целиком, без поддержки, увидеть себя в отражении. Ноги дрогнули, как всегда, но дрожь была другой.

Эрива подхватила стул, подтянула ближе, повернулась боком к зеркалу и сделала то, что раньше казалось ей чужим: не упражнение — а позу. Расправила плечи, чуть приподняла подбородок, провела пальцем по ключице, опустила лямку сорочки.

Утро было тихим. Она напевала под нос и чуть качалась, будто танцевала. Несовершенно, хрупко — но своё.

Послышался скрип — кто-то тихо вошёл в дом. И тут Эрива заметила взгляд.

Аарон стоял на пороге в конце коридора. Стоял молча, почти окаменев, и смотрел.

Эрива вздрогнула. Руки сами потянулись к стулу — спрятаться за него.

— Ты давно стоишь? — спросила она резко, почти грубо.

Аарон не сразу ответил.

— Я? Нет только зашёл. Привет. Я коробки занёс, — сказал он и отступил на шаг. — Прости. Я должен был постучать.

Эрива вглядывалась в тёмный проём не моргая. В груди поднялся жар, как после резкого подъёма по лестнице. Ноги задрожали сильнее, чем обычно.

— Аарон, — позвала она тихо. — Ты ушёл?

Он вышел из-за угла и продолжал смотреть. Эрива вдруг перестала понимать, куда деть руки.

— Я нормально выгляжу? — спросила она, убирая волосы с плеч. — Не смешно?

Она провела пальцем над самой ложбиной между ключицами — метке, которую нельзя «исправить»:

— Тут...

Затем пальцы невольно скользнули к бледному шраму, чуть выше талии.

— И вот это тоже... — добавила она тише. — Я устала прятать.

Аарон на мгновение зажмурился. Он шумно, тяжело выдохнул.

— Да, — сказал он наконец. Голос был едва слышным. — Ты ты красивая, Рива.

Он не сделал ни шага. Просто стоял, тяжело дыша и медленно опустил голову.

— Я сейчас, — произнёс он глухо. — На кухню зайду. Коробки поставлю.

Он развернулся и быстро ушёл.

Звук его шагов вниз ударил Эриву в грудь. Она поправила сорочку, тяжело опустилась на стул и уставилась в своё отражение. Она смотрела на себя и чувствовала не стыд, а злость.

Днём в столовой пахло картонной пылью и тёплым хлебом. На столе стояли аккуратно сложенные коробки.

Аарон говорил с Эмеше о дороге — буднично, деловым голосом, будто утреннего коридора не существовало. Эмеше отвечала коротко, уверенно. В её голосе было что-то спокойное, взрослое.

Эрива села у края стола. Пальцы спрятала под ткань шорт, как под крышку. Держала лицо ровным, дыхание тихим. Держала себя.

— Роза-нени, зачем так много пустых коробок? — спросил Аарон, склонившись над раковиной.

— Да... — Роза ответила уклончиво. — Две недели собирали в магазине.

Аарон не стал настаивать. Он искал взглядом полотенце.

— А ты сдала теорию? — Он бросил взгляд на Эриву. — Когда вождение?

— Сдала, семьдесят пять баллов... Через две недели первый урок, — тихо ответила Эрива. Её взгляд остановился на Аароне, затем на Эмеше.

Эмеше протянула руку Эриве:

— Это сто процентов? Поздравляю!

— Молодец! — Аарон улыбнулся, поднял руку — и на безымянном пальце блеснуло тонкое золотое кольцо.

У Эмеше — точно такое же.

— Ага... — сказала Эрива слишком ровно. — Понятно.

Аарон поймал её взгляд. Улыбка сползла с лица. Он машинально вытер ладони о форменные брюки, оставив на ткани влажные следы, и сразу же тронул кольцо большим пальцем.

— Мы да, — произнёс он. — Официально вместе. Помолвка.

Эрива усмехнулась. Губа дёрнулась.

— Кольцо чтобы всем было проще. Чтобы не объяснять?

Эмеше сделала шаг вперёд — и на полсекунды задержалась. Аарон выставил ладонь, останавливая Эмеше, и скривился, подбирая слова:

— Нет, Рива. Это про обещание.

— Конечно, — перебила Эрива. Голос стал тонким и ломким. — Поздравляю. Как мило...

Она говорила быстро, чувствуя, как лицо заливают жаркая, позорная краска. Пятна пошли по шее, забираясь под воротник. В пальцах начался мелкий тремор, который она не могла унять.

— А дальше что? Поживёте здесь, пока удобно, а потом — в город?

Эмеше напряглась, плечи застыли.

— Мы про город ещё не решали, — сказала она резко.

— Ещё не говорили — значит, думаете! — Эрива почти выкрикнула это, поворачиваясь к Аарону. — Ты же всегда так делаешь. Сначала «всё норм», а потом «случилось само».

Она ткнула в него дрожащим пальцем:

— Ты понимаешь, что в городе ты станешь просто никем?

Аарон побледнел. Он снова взялся за кольцо — уже сильнее.

— Здесь ты... — выдохнула Эрива. — Здесь ты живой. А там «ещё один». И это... — она запнулась на секунду, — страшно.

Эрива тяжело вздохнула.

— Ты серьёзно сейчас? — тихо спросил Аарон.

— А ты думал, я буду врать? — она пожала плечами, и дрожь пошла дальше, в локти, в позвоночник. — Я не про город. Я про то, что ты уйдёшь в другую жизнь. А я окажусь лишней.

Эмеше прервала её.

— Эрива, стоп. Он не твоя мебель. У него своя жизнь, и в этой жизни теперь есть я.

Эрива резко развернулась к ней. Перед глазами всё поплыло. Мысли сбились.

— Он не вещь! Он один, кто... кто видел меня, когда другие... — она не договорила.

Аарон шагнул ближе, хотел коснуться. Не коснулся.

— Ривка, я не исчезаю, — сказал он медленно. — И я не стану пустым. В городе не умирают.

— Станешь, — выдохнула Эрива, чувствуя, как во рту пересохло. — Ты станешь тише. И мне мне страшно, что не будет тебя.

Эмеше прищурилась, глядя на неё долго и внимательно. Потом посмотрела на кольцо, вращая его большим пальцем:

— Ты просто запуталась, — тихо выдохнула она.

Эрива замолчала. Сил спорить больше не было. Жар в лице сменился ледяной слабостью. Тремор стал таким сильным, что ей пришлось спрятать руки под бёдра, сжав их коленями.

— Ты боишься, что я уйду, — повторил Аарон.

— Я не... — начала Эрива и осеклась. — Боюсь. И я ревную. Доволен?

Аарон снова прокрутил кольцо.

— Нет, — сказал он тихо. — Мне больно, что тебе больно. Это обещание ей. Но оно не отменяет тебя. Просто теперь я буду объяснять, а не прятаться. И говорить прямо.

Эрива отвернулась к окну.

Из кухни донёсся усталый голос Розы:

— Что вы там в столовой застыли? Идите сюда. Чай остынет.

Аарон посмотрел на Эриву.

— Пойдём на кухню, — сказал он очень тихо. — Не здесь.

Эрива не подняла глаз. Только кивнула — один раз, коротко. Она смотрела на столовую, заставленную пустыми, аккуратно сложенными коробками. И молчала.

Фонтан

— Пшш-ш.

Жока с силой давила на колпачок баллончика. На заднем дворе заброшенного магазина, у бетонной разгрузочной рампы, сияла надпись: «Zsóka». Она взяла другой баллончик и встряхнула — внутри громко затарахтел шарик. Жока попятилась, оценивая контур, затем повернулась к Эриве. Та сидела рядом на скейте, обхватив колени.

— И что, так и сказала?

Эрива кивнула и упёрлась подбородком в колени.

— Ну ты даёшь, — Жока снова шагнула к рампе. — А он что?

Эрива провела ладонью по голени.

— Сказал, что я красивая.

Жока замерла с баллончиком в руке. Медленно опустила его.

— И всё?

— В том-то и дело, — тихо сказала Эрива.

Жока скривилась.

— Ещё хуже. Значит, всё понял.

Эрива повела плечом. Скейт под ней едва качнулся.

— Скейт откуда?

— Бенце дал. С новой работы, — отозвалась Жока, снова нажимая на колпачок. — Сказал, у меня «хорошая стойка». Придурок.

Эрива подняла взгляд.

— А коробка с красками тоже от него?

— Угу.

— У вас что отношения?

Жока фыркнула.

— У нас? Нет. У него, может, в башке и есть. — Она вывела чёрную тень под буквой. — То кофе привезёт, то подвезти предлагает, то коробку эту притащил. Заботливый, блин. — Она тряхнула баллончик сильнее, чем надо. — Раздражает.

Эрива упёрлась подошвами в бетон и откатилась на полметра.

— Ты из-за этого такая бешеная?

Жока покосилась на неё через плечо.

— Я? — она резко обернулась. — Я просто не люблю, когда ко мне лезут, — она шагнула ближе и ткнула баллончиком в сторону Эривы. — Сначала типа забота, потом уже будто тебе можно внутрь. Бесит.

Эрива ничего не ответила, только оттолкнулась ещё дальше. Жока выдохнула через нос.

— Ладно. Забей. — она помолчала. — А твой Аноним? Ты с ним сколько уже сидишь? Может, хватит прятаться в телефоне?

Эрива отвела глаза.

— Не начинай.

— С чего вдруг? — отрезала Жока. — Тебя заклинило на Аароне. А этот хоть пишет тебе не из жалости.

— Он не настоящий.

— Потому что ты его в реале не видела? Так встретиться.

Эрива коротко усмехнулась.

— Да? И как это будет? — Она выпрямилась на скейте. — Привет, это я. Извини, что в чате я нормальная, а вживую — корявая?

Жока промолчала. Снова нажала на баллончик. Раздалось сухое шипение:

— Пшш-ш...

Краска кончилась. Жока несколько раз вдавила колпачок, потом отбросила баллончик в коробку.

— К чёрту.

Эрива смотрела в потрескавшийся бетон. Жока села рядом на край рампы и толкнула носком кеда колесо скейта.

— Он может оказаться не идиотом.

Эрива не подняла глаз.

— Может. Но проверить я не хочу.

Жока стиснула челюсти, убрала баллончики и с грохотом швырнула коробку на бетон. Она смотрела в брызги краски на коробке и невнятно тянула припев из колонки.

— Слушай, а зачем Роза собирает эти коробки? — вдруг спросила она.

— Не знаю, — Эрива нахмурилась. — Она странная в последнее время. Ездит в город.

— Поэтому отпускает тебя?

— Нет. Не знаю.

Эрива посмотрела на стоявшую в стороне коляску, где пиццала севшая колонка. Жока перехватила её взгляд, поднялась и подставила локоть:

— Ладно, Пони. Собираемся. На фонтан сгоняем.

Эрива протянула руку.

— Хорошо. Я только маме напишу.

Площадь Святого Иштвана пахла мокрым мрамором. Жока визжала и плескалась. Вокруг неё бегали знакомые ребята, обливая её водой из фонтана. Эрива смеялась вместе с ними, прикрывая от брызг рожок фисташкового мороженого. Коляска стояла рядом: на ней висели рюкзаки, пакет со сменной одеждой, втиснутый между ручками скейт и Жокина коробка.

Эрива отошла и села на край мраморного борта. Холод пошёл вверх по телу. В отражении воды мелькали куски неба и полосы солнца. Она машинально слизывала мороженое, стекавшее по вафельному конусу, и смотрела на отражение сидящей рядом девочки. На миг ей показалось, что она увидела в нём себя, а где-то в струях прозвенел детский смех — тонкий, звонкий. Эрива на долю секунды подумала, что это Жока.

Она хотела обернуться, но увидела: Жока стоит молча, смотрит в другую сторону. Губы сжаты. Смех прозвенел ещё раз. И опять не совпал ни с одним лицом рядом. Эрива зажмурилась и всем телом вздрогнула. Внутри что-то провалилось — будто память перепутала голоса и картинку, затягивая её под воду. Дыхание перехватило.

— Пони, ты чего? — Жока подбежала ближе. — Ты замёрзла?

Эрива показала рукой «нормально», попыталась улыбнуться. Встала, откатила коляску в сторону и села на сиденье. Достала телефон, вытерла мокрый экран о футболку и нажала «вызов».

Роза сняла трубку почти сразу.

— Да? Ты где?

— На площади. У фонтана. Я писала.

— Знаю, — быстро сказала Роза. — Что случилось? У тебя голос другой.

— Ничего.

— Эрива, — Роза произнесла полное имя. — Скажи нормально.

Эрива посмотрела на рябь в фонтане.

— Мне показалось, — сказала она наконец. — Глупость. Картинка поплыла. Вода шумит... и мне стало очень страшно. Я хочу домой, мам.

Роза промолчала секунду.

— Ты в порядке? — сухо спросила она.

— Да. Просто мне надо домой.

— Езжай. Сядь в коляску. И напиши, когда будете на автовокзале.

— Хорошо.

— Жока рядом?

Эрива обернулась. Жока стояла совсем близко, мокрая, и смотрела внимательно.

— Рядом.

— Тогда давайте.

Эрива нажала «отбой».

— Что? Роза? — Жока подошла вплотную.

— Мне надо домой.

— Что случилось?

— Не знаю, — Эрива опустила глаза. — Просто мне плохо. Поехали.

Жока не стала спорить.

Дорогу обратно Эрива почти не запомнила. Автобус гудел, но она почти не видела пейзажа за окном. В ушах звенел чужой неуместный смех. Фонтан, вода, город — всё осталось там, как чужой праздник.

Роза открыла дверь сразу. В проёме — плед на плечах, босые ступни на коврик, волосы собраны наспех. Она посмотрела не на улыбку Эривы и не на Жоку, а на то, как Эрива держит корпус и куда падает вес.

— Заходи. — Роза чуть повернула голову. — Спасибо. Довезла?

— На автовокзале сели, как вы просили, — ответила Жока.

— Хорошо. Жока, иди. Я дальше сама.

Жока подняла брови, посмотрев на Эриву. Та кивнула.

Жока быстро обняла её, кивнула Розе и вышла. Дверь закрылась. Они прошли на кухню.

Роза сняла плед с плеч и накинула на Эриву.

— Снимай мокрое. Ты холодная.

— Мам, я переоделась...

— Тогда садись, — отрезала Роза. — Пей.

Она протянула стакан тёплой воды и осталась стоять.

— Теперь рассказывай. Без украшений. Почему ты мне звонишь таким голосом?

Эрива сжала стакан.

— Я испугалась.

Роза чуть наклонила голову:

— Чего?

— Был смех. Детский. Я на секунду подумала, что это Жока. Обернулась — Жока молчит. И мне как будто... Я посмотрела на воду — и всё. Голова закружилась. Я просто... испугалась, что потеряюсь опять. И позвонила тебе.

Роза смотрела, как дрожат пальцы Эривы на стакане.

— Ты упала?

— Нет.

— Боль, судорога, потемнение?

— Нет, мам.

Роза кивнула.

— Хорошо. Значит, не травма. Усталость и страх.

— Ты злишься?

— Я? — Роза удивилась. — Я испугалась. Ты где была, когда звонила?

— У фонтана. Я...

— Вот, — перебила Роза. — Ты у фонтана. В городе. Мокрая. Ты и вода, всегда... — она глубоко вздохнула.

Эрива молчала.

— Прости, — сказала она глухо. — Я опять как маленькая.

— Не извиняйся. Слушай. — Роза подошла к столу, сдвинула миску, которой накрывали хлеб. Ладонь на секунду задержалась на краю. Затем она повернулась к Эриве. — Ты испугалась, потому что тело помнит. И мне надо кое-что тебе сказать.

Эрива почувствовала, как пот с болью проступает по спине. Она крепче прижалась к спинке стула.

— Мам...

— У меня рак.

Эрива не поняла сразу.

— Что?

— Опухоль, — повторила Роза. — Печень. И ещё кое-где. Достаточно того, что ты поняла: оно не пройдёт.

Эрива смотрела на неё, не находя правильного вопроса.

— Илона знает? — вырвалось у неё.

— Илона знает. И Илона будет приходить. Она не бросит. Это её выбор. И мой.

Слёзы подступили, но Эрива их удержала.

— Почему ты мне не сказала?

— Я хотела, чтобы у нас было лето, а не похороны заранее.

Слёзы всё равно пошли. Эрива вытерла лицо рукавом. Роза подошла ближе и положила ладонь ей на бедро.

— Слушай меня, девочка. Мы не будем делать из этого конец света. Мы будем жить.

Эрива судорожно вдохнула.

— Как жить?

— По порядку. Как ты любишь. Как тебе надо. — Роза начала перечислять ровно, как инструкцию: — Первое: ты не геройствуешь. Если ноги сдают — коляска. Если устала — лежишь. Мне не нужна мученица. Второе: ты не разносишь это по деревне. Жоке скажешь. Остальным — нет. Третье: Илона приходит — ты не споришь и не стесняешься. Она не чужая.

Эрива кивнула, шмыгая носом, и обхватила себя за плечи.

— А ты сколько?

— У меня нет расписания. Но у нас есть лето. И я хочу его прожить так, чтобы ты потом не жила с мыслью «я не успела».

Эрива закрыла глаза.

— Я не умею без тебя, — сказала она почти шёпотом.

— Умеешь. Просто ещё не пробовала.

Тихо щёлкнул закипевший чайник. Роза чуть отступила.

— Завтра ты дома. Никуда не идёшь.

— Что завтра?

Роза посмотрела на коробки в углу.

— Мне надо тебе показать порядок. Бумаги. Где что лежит. Кому звонить. Не потому, что я умираю. А потому, что ты должна знать. — Она накрыла хлеб миской, затянула кран потуже. — А сейчас иди в ванную. И спать. Завтра будет длинный день.

Эрива поднялась. Ноги дрожали. Возле лестницы она обернулась.

— Мам...

Роза подняла голову.

— Я здесь.

Акт IV. Отражения

Контур

На следующий вечер жара наконец-то сдалась. Дом выдохнул, стены остыли, пол перестал отдавать жар, и на террасе можно было дышать легче. Роза лежала в шезлонге, укрытая тонким шерстяным пледом, обхватив чашку обеими ладонями. Эрива примостилась на низком стуле, прижавшись спиной к перилам. Она не сидела спокойно: взгляд метался от Розы к двери, а затем падал на телефон, который она крепко зажала между ладоней.

Внизу, в гараже, привычно возились кролики, из корчмы слабо доносилась музыка, а на фонарном столбе сухо трещал клювом аист, на мгновение распахнув огромные крылья.

— Ты сегодня слишком тихая, — заметила Роза, не поворачивая головы.

— Я просто думаю, — ответила Эрива.

— Думать вредно. Вечером надо жить, а не думать.

Эрива коротко усмехнулась. Во рту было сухо. Она провела языком по губам, в голове завис вопрос:

— А ты скажешь Лиоре?

Роза ответила не сразу. Пальцы ещё плотнее сжали фарфор чашки.

— Не сейчас.

Эрива кивнула.

— А когда? — Эрива почувствовала, как заныл затылок. — Ещё... Ты сказала вчера...

Про меня. Про воду.

Роза взглянула на огонёк тлеющей антимооситной спирали: дым ровно поднимался к крыше террасы.

— Сказала.

— Ты сказала так... — Эрива запнулась, переводя дыхание. — Будто это часть меня.

Роза медленно повернула голову. Её взгляд был прямым и тяжёлым.

— Это не отдельно от тебя. Это и есть твоя жизнь.

Эрива отложила на столик телефон и сжала ладони между колен.

— Ты вчера закрыла тему. А что сегодня?

Роза тяжело выдохнула. Чашка в её руках звякнула о блюдце.

— Сегодня можно. Но аккуратно. Без истерик. Я не выдержу твоего крика, а ты — не выдержишь, если я скажу всё сразу.

— Я смогу, — пообещала Эрива, хотя в ушах начал нарастать странный, вибрирующий гул. Звук шуршания кроликов внизу вдруг стал неестественно громким.

Роза долго всматривалась в её лицо, проверяя зрачки.

— Ты помнишь, как ты боялась воды? — спросила она вдруг.

Эрива моргнула, сбита с толку.

— При чём здесь это?

— Ни при чём. И при всём одновременно. — Она отвернулась, посмотрела на пролетающего мимо террасы аиста и продолжила. — Ты всегда спрашиваешь «почему это со мной», а не «что со мной». Это разные вещи.

Эрива сморщилась от запаха дыма.

— Тогда, — заговорила Роза, — когда ты чуть не утонула. Ты ушла внутрь себя. Понимаешь?

— Кома, — шепнула она.

— Да. Ты лежала так долго, что это стало пыткой.

— И мир пошёл дальше, — бросила она резко. — Пока я лежала и ничего не помнила. Роза посмотрела на неё строго.

— Мир не ждёт. Никого. А потом тебе кажется, что тебя предали. Особенно если это близкие люди.

Эрива вскинула голову.

— О ком ты сейчас?

Ответ Розы был коротким:

— Твоя мать не выдержала.

Эрива выпрямилась. Взгляд её — тяжёлый, неподвижный — впился в Розу. Губы дрогнули раньше, чем она успела подобрать нужные слова.

— Моя кто?

Роза сделала паузу, словно отмеряя дозу правды:

— Мать. Та, что тебя родила... Лиора.

У Эривы потемнело в глазах, дыхание стало прерывистым.

— Лиора мать? — Голос стал тонким, рваным.

Роза не ответила сразу, следя за тем, как судорожно вздымается грудь Эривы.

— Я осталась с тобой, — сказала она наконец. — Когда моя дочь не смогла.

— Ты врала? — Эрива попыталась встать, но не смогла. Металлический вкус во рту стал невыносимым, едким. — Всё время?

— Я тебя не бросила. — Роза подалась вперед, её голос стал жёстким.

— Твои родители были рядом, сколько могли. А потом — перестали. Не выдержали.

Эрива замерла. В ушах поднялся гул.

— Значит меня... — она ловила ртом воздух, фразы рассыпались на куски. — Бросили?

— Не смей так говорить! — Роза вскочила. Шезлонг с грохотом ударился об перила. Она схватила Эриву за плечи, пытаясь поймать её ускользающий, расфокусированный взгляд.

— Эрива, смотри на меня!

— Почему ты? Ты... — она запнулась на секунду, набирая рывками воздух. — Ты... Врала. Зачем?

— Я не хотела отпускать тебя... — Роза оборвала себя на полуслове. — У меня не было выбора.

Тело Эривы забила мелкая дрожь. Пальцы скрутило. Руки и ноги будто отстегнули от неё — тяжёлые, чугунные. Гул стал таким сильным, что она перестала слышать собственные мысли. Запах дыма выедал ноздри. Она открыла рот, но вместо вопроса вышел хриплый, надсадный выдох.

Голос у Розы стал ровным, движения — короткими и точными.

— Всё! Хватит!

Она выхватила из кармана блистер. Резкий, сухой щелчок фольги.

— Под язык! Быстро!

Через мгновение Роза втиснула таблетку под язык, прижимая голову девочки к себе.

— Ждём... Горько, знаю. 59... 58...

Роза раскачивалась под счёт секунд, ждала, пока таблетка растворится, затем прижала стакан к губам Эривы.

— Пей, — уже шёпотом сказала Роза.

Вода была ледяной, она обожгла горло, помогла зацепиться за реальность.

— Пей, девочка моя! Смотри на меня!

Эрива судорожно глотала воздух, с ужасом глядя на руки Розы.

— В глаза! Дыши. Глубже.

Эрива сделала судорожный вдох. Гул начал отступать, оставляя после себя жуткую, серую слабость и горький вкус. Она чувствовала себя пустой.

— На сегодня достаточно, — Роза тяжело опустилась обратно в шезлонг, её рука, сжимавшая плечо Эривы, заметно дрожала. — Иди умойся. И в постель.

Эрива поднялась не сразу. Ноги слушались неохотно, казались чужими и неповоротливыми. Она медленно сделала несколько шагов к двери, тяжело навалившись на косяк, и обернулась. Губы Эривы дрогнули, но спазм в горле убил вопрос прежде, чем он превратился в звук.

Роза не обернулась, продолжая смотреть в темнеющий сад.

— А ты?.. — выдавила из себя Эрива.

— Я буду рядом, — ответила Роза, не меняя позы. Голос был сухим и надтреснутым. — Пока могу.

Дыхание

Утром дом был тем же самым. Только после вчерашнего в нём стало теснее.

Эрива проснулась рано и тяжело — голова болела, руки дрожали, ноги онемели, словно продолжали лежать в кровати: отдельно.

Стакан воды себе. Отложить таблетки Розе. Вниз, в гараж — к кроликам. Дверца клетки, задвижка, знакомый сухой шорох. Порядок не спасал, но помогал не рассыпаться. Если сделать это — день начнётся.

На кухне Роза уже сидела за столом. Волосы убраны в строгий узел, плечи прямые. Чай в её чашке был почти прозрачным.

— Спала? — спросила Роза, не поднимая глаз.

— Немного.

Роза не стала допытываться. Она просто положила телефон рядом с чашкой экраном вниз и подвинула поближе зарядку.

После завтрака Роза сделала несколько пробных шагов по кухне, проверяя, слушается ли её тело. Потом коротко кивнула в сторону гостиной:

— Займись коробками сегодня.

Эрива кивнула. Она знала этот язык с детства. Когда они переезжали в эту квартиру, маленькая Эрива клеила на ящики цветные наклейки — сосредоточенная, серьёзная, будто от цвета зависело, не потеряется ли по пути что-то жизненно важное. Теперь история повторялась, только вместо наклеек были жирные маркеры и сухие подписи на крышках.

В гостиной стопки стояли слишком аккуратно для живой комнаты. Зелёный. Красный. Жёлтый.

Маркеры выскальзывали из пальцев, липкая лента превращалась в тугой резиновый жгут. Она работала медленно, иногда сидя прямо на полу, иногда — держась за коляску, которая стояла рядом.

К десяти пришла Илона.

В её походке больше не было прежней спешки.

— Ну что, Мольнар Роза, — Илона заговорила прямо с порога, — опять всех строишь?

Роза сидела на террасе. На лице — то самое упрямое спокойствие, которое держится на одном только характере.

— Я не строю. Я организую.

Илона усмехнулась, сбросила сумку, сняла обувь и прошла к столу. Её движения были быстрыми и точными. Она не задавала Эриве лишних вопросов, не спрашивала «как ты» — просто коротко кивнула:

— Доброе утро.

Эриве этого хватило. От Илоны не требовалось сочувствия — только её привычное, рабочее присутствие.

Осмотр был недолгим: давление, пульс, пара замечаний Розе — брошенных как бы между делом, но так, чтобы та не смела спорить. Илона не смотрела на часы как обычно и не торопилась.

— Болеть — можно. Геройствовать — нет.

Роза лишь фыркнула:

— Тебе бы книжки писать.

— Я тебе сейчас напишу, — спокойно парировала Илона, делая укол. — И подпись поставлю.

Когда Илона ушла, тишина вернулась, но уже не так давила. Роза осталась на террасе, а Эрива вернулась к коробкам. Спина ныла, а пальцы всё ещё помнили утреннюю дрожь.

Телефон в кармане мягко вибрировал. Она достала его, щурясь от яркого света экрана.
Сообщение:

Vandor_04: Удачного заезда, толстушка! Дарю тебе синее небо)))

Эрива замерла, прислонившись лбом к прохладной стене. Ей нравилось, что этот парень из сети был единственным, от кого не было ни жалости, ни советов. Просто небо. Она не стала отвечать — не было сил подбирать слова. Она просто закрыла глаза и представила синее небо.

В дверь коротко постучали. Жока.

Она не звонила.

— Привет, — Жока сразу отвела взгляд на коробки, сжав кулаки у груди, наматывая на пальцы шнурки от худи.

Эрива распахнула дверь шире:

— Проходи.

Жока вошла, машинально считывая метки: зелёный, красный, жёлтый. Её взгляд замер на небольшой, плотно заклеенной коробке без подписи.

— Я... — Жока выдохнула, уткнувшись подбородком в замок молнии. — Можно я кое-что заберу?

— Что именно?

Жока указала на безымянную коробку.

— Там вещи. Роза говорила если будет нужно. У нас дома сейчас... — она осеклась, резко дёрнув шнурки.

— Забирай, — сказала Эрива. — Только нормально. Не как будто ты её украла.

Жока кивнула — быстро, благодарно и каким-то злым движением. Она прижала коробку к груди и уже у самой двери вдруг остановилась.

— Я ещё про другое, — выговорила она, не оборачиваясь. — Помнишь про первое сентября? В комнате?

Эрива не изменилась в лице.

— Помню.

— Я тогда сказала тебе фразу ну, про «белую лошадь». Что это типа бабушкина мудрость.

Эрива молчала.

— На самом деле это была моя голова, — Жока наконец посмотрела на неё.

Она прикусила губу и скосила взгляд на ноги Эривы. Потом продолжила:

— Я отмазалась. Просто думала, что раз ты такая... ну, поломанная, то ты типа святая. Что ты всё знаешь. А нифига ты не знаешь. Я вообще не понимала, как тебе хреново. А я тогда... просто придумала сказку, чтобы красиво было.

Эрива ответила не сразу.

— Ты не обязана была понимать. Мы обе были маленькими.

Жока резко усмехнулась, спасаясь от слёз.

— Ну да. А теперь мы типа большие. Почти как взрослые.

Она подняла коробку повыше.

— Я пойду.

— Иди. Только не исчезай совсем.

Ближе к вечеру приехал инструктор Аकोш.

Эрива узнала его машину по звуку: ровный, уверенный гул, без деревенского надрыва старых моторов. Аकोш всегда был таким — вовремя, по делу, с тем внутренним спокойствием, которое даёт только железная дисциплина.

— Готова? — спросил он.

Эрива взяла трость и вышла к магазину.

— Нет, — ответила тихо.

Она накрыла ладонью свою руку на рукояти, пытаясь расслабить непослушные ноги.

— Я не спрашиваю твои ноги, — он улыбнулся прямо в глаза. — Ты?

Эрива понимала: уйду сейчас, значит навсегда. Она посмотрела на его лицо, его туфли, машину, стоящую капотом к дороге.

— Да... Готова, — и сделала шаг вперёд.

Автомобиль Акоша выглядел обычным, пока не сядешь внутрь. Там, у руля, было «другое» устройство — ручное управление. Теперь всё шло через руки. Акош дождался, пока она устроится, пока её ноги замрут в безопасном положении.

— Мы не торопимся, — напомнил он. — Мы учимся не скорости. Мы учимся контролю.

Эрива положила ладони на колени, но они вспотели прежде, чем она коснулась рычагов. Она смотрела на педали — и не смотрела одновременно. Она знала: это больше не её язык. Ноги для неё — территория риска, а не прибор. Её путь начинался от рук.

— Дыхание, — мягко произнес Акош.

Эрива вдохнула. Повернула ключ. Ровный рокот двигателя отозвался в груди не радостью, а чистым, концентрированным страхом ответственности. Они проехали несколько метров по пустой улице. Медленно, почти комично — если бы не бешено стучащее сердце.

— Смотри вперед, — Акош был непоколебим. — Не в себя. Вперед.

Эрива подняла взгляд. Дома, пыльные заборы, равнодушная собака у калитки. Мир не замер и не делал из неё сенсации. От этого равнодушия ей внезапно стало легче.

Когда они вернулись, Роза уже накрывала на стол. Она не спрашивала, было ли страшно. Она просто сказала:

— Ужин готов.

— Я ехала сама, мама, — Эрива вцепилась в тарелку обеими руками, будто всё ещё сжимала рычаги управления. — Сама...

Она замерла, изучая взглядом прожилки на листьях салата. Слово «мама» не обожгло и не ранило — оно привычно сорвалось с губ, придя оттуда же, откуда и всегда. Она замолчала.

— Поешь, — тихо ответила Роза.

Ночью, когда дом погрузился в тишину, Эрива уснула мгновенно. Она уже была на границе забытья, когда услышала негромкий голос Розы.

Не зовущий — телефонный.

Роза говорила не на венгерском.

Эрива знала немецкий достаточно, чтобы выхватывать фразы, но недостаточно, чтобы не чувствовать в них чужеродного холода. Роза говорила сдержанно, почти приглушенно.

— ...nicht bei ihr (не при ней), — чеканила она. — ...nicht heute (не сегодня).

Пауза. Короткие, резкие слова.

— Genug (достаточно).

Щелчок. Разговор оборвался.

Эрива лежала, боясь шелохнуться. Она поняла не все слова, но поняла суть: Роза удерживает какую-то плотину. Удерживает так, будто там держится что-то очень хрупкое.

Через минуту скрипнула половица. Шаги Розы замерли у двери Эривы. Роза прислушивалась к её дыханию.

Не вошла. Не открыла. Просто постояла и ушла к себе.

Эрива закрыла глаза, но сон не возвращался. Значит, сказано было не всё.

Ford Granada

Прошло несколько дней. Утром Роза вела себя так, будто ночного телефонного разговора не существовало. Чай. Таблетки. Несколько выверенных шагов по кухне — проверка, держат ли ноги. В голосе — всё та же привычная сухость, в движениях — требовательность к миру. Эрива тоже прилежно играла в «обычное утро». Только вопрос «с кем?» лежал внутри отдельно, как острый предмет в кармане.

День просочился сквозь мелкие дела и усталость от них. К вечеру терраса перестала пахнуть жаром и наполнилась ароматами сухой травы и пыли. После ужина Роза не ушла к себе. Она долго сидела над пустой чашкой, прижав пальцы руки к губам. Потом встала и сняла с крючка тяжёлую связку ключей.

— Пойдём, — бросила она.

Эрива подняла глаза:

— Куда?

— В гараж. На пять минут. Мне нужно тебе кое-что показать.

Они спустились. Внизу было прохладно: воздух в гараже всегда жил по своим законам. Он пах землёй, металлом и старым деревом. Здесь все звуки становились глухими, словно пропущенными через слой сукна. Кролики в полумраке оживились, заскребли лапами по сеткам, вытягивая морды навстречу — внеурочный визит они приняли за лишний ужин.

— Тихо, — строго осадил их Роза. — Никакого ужина сегодня.

Она прошла вглубь гаража к машине. Ford Granada стоял под брезентом столько лет, что Эрива перестала её замечать: не автомобиль, а деталь интерьера. Роза никогда не заговаривала о ней, и Эрива привыкла думать, что эта территория для неё закрыта.

Сегодня Роза остановилась рядом и, не глядя, протянула связку.

— Подержи.

Металл ключей был тёплым от Розиной ладони.

Роза сорвала брезент одним движением — резким, почти злым. Ткань опала на пол тяжёлым занавесом. Машина открылась сразу: хром, лак, безупречные линии, строгое достоинство старой школы.

— Красивая, — невольно выдохнула Эрива.

— Она не «красивая», — отозвалась Роза. — Она — память.

Не дожидаясь ответа, Роза открыла водительскую дверь и села внутрь. Осторожно, уверенно — как человек, вернувшийся на своё законное место. На её лице мелькнула тень прежней улыбки.

— Садись. — Роза хлопнула ладонью по пассажирскому креслу. — Рядом.

— Зачем?

— Потому что я хочу, чтобы ты увидела, как оно было. Не из слов. Почувствуй.

Эрива обошла капот и нырнула в салон. Внутри пахло старой кожей, пылью и чем-то неуловимо сладким — так пахнут вещи, которые долго томились в темноте. Роза положила ладони на руль. Мотор молчал, но она держала обод так, будто впереди была долгая дорога, а не глухая створка гаража.

— Знаешь, когда я была счастливой? — спросила она вдруг.

Эрива повернулась к ней, поражённая самим вопросом.

— Ты была?

Роза коротко усмехнулась:

— Только не делай такое лицо. Я была. По-настоящему. Не «держалась», не «терпела»

— я жила.

Она нежно провела большим пальцем по трещине на руле.

— Имре подарил мне её, когда родилась Лиора.

Она бросила беглый взгляд на Эриву, словно готовилась к повороту. Эрива тихо вздрогнула, вцепившись в натянутый велюр.

— Моей мамы? — спросила она осторожно.

— Да. В честь её рождения. Не потому, что «нужно купить». Он хотел закрепить: у нас получилось.

Эрива слушала в тишине. Перед глазами встала другая Роза. Женщина, а не функция. Человек, которого любили.

— Я тогда верила, что мы будем ездить, — продолжала Роза. — На озёра, в горы. Просто так. Потому что воскресенье. Машина как мечта. Глупо?

— Почему глупо? — шёпотом спросила Эрива.

— Потому что мечта всегда выглядит просто. А жизнь потом оказывается сложной. Но это не отменяет того, что мечта была настоящей.

Она повернулась к Эриве:

— Я хочу, чтобы ты знала: я не родилась бабушкой. Я была врачом. Была молодой. Меня любили, и я любила.

Взгляд Эривы замер на часах над бардачком, стрелки которых много лет были неподвижны. Её палец коснулся пыльного стекла циферблата. Роза поправила зеркало, всматриваясь в пустоту заднего сиденья.

— Мы начинали не с комфорта, девочка. Мы начинали с абсолютного риска. Одна ночь. Один чемодан. А потом — Вена: аэропорт, чужой язык и ни одного знакомого лица. Чтобы быть вместе, мы бросили свои дома. Я — Москву. Он — Венгрию. Это не было красивым кино. Это был голый страх.

Эрива оторвала взгляд от часов и повернулась к Розе:

— И вы не испугались?

— О-о. Испугались, — подтвердила Роза. — Ещё как. Но сидеть на месте было ещё страшнее.

В гараже воцарилась тишина, нарушаемая лишь возней кроликов.

Роза чуть смягчила тон:

— Не думай, что тебя держат вещи. Держишься ты сама. Как ставишь ноги — так и держишься. А дальше — уже решение.

Эрива смотрела в лобовое стекло на закрытую дверь. Роза смотрела прямо вперёд.

— А если я останусь одна? — тихо спросила Эрива.

Роза ответила безжалостно и честно:

— Ты не первая и не последняя. Ты справишься.

Эрива судорожно вздохнула и обхватила себя руками.

Роза крепче сжала руль.

— И ещё. Запомни: люди уходят не только от нелюбви. Иногда они уходят, потому что не выдерживают. Это разные вещи. Помни, это будет важно.

Эрива вспомнила ночной немецкий и промолчала.

Роза открыла дверь и вышла. Снаружи гараж показался ещё более сырым и холодным — словно старый салон действительно удерживал остатки тепла.

— Выходи. Помоги набросить тент.

Они вместе подняли тяжёлую ткань и укрыли машину. Роза бережно пригладила края, проверяя, чтобы не осталось щелей.

— Потом, — сказала она, не глядя на Эриву, — я покажу тебе, где лежат бумаги.

Эрива напряглась, но Роза добавила всё тем же будничным тоном, каким говорят о рецептах или ключах:

— Не потому что «конец». А потому что порядок должен быть во всём.

Она первой пошла к лестнице. Задержалась на секунды. Обернувшись, посмотрела на брезент, прижала пальцы к губам.

— Мне... — она хмыкнула и тут же добавила: — Свет не забудь выключить.

Роза вышла.

Эрива смотрела ей вслед, на кроликов, на стены, где до сих пор держалась их старая жизнь. Она замерла у двери, коснувшись выключателя. Обернулась, бросила последний взгляд на машину и щелкнула клавишей.

Порядок у лета

После ужина Роза позвала Эриву. Один раз. Коротко.

Эрива вошла на кухню и замерла у порога — на столе лежала папка. Плотная, тёмная, перетянутая тугой резинкой. Телефон Розы лежал рядом, экраном вниз. Чая не было.

— Это что? — спросила Эрива, чувствуя, как сразу же пересохло в горле.

— Порядок, — ответила Роза. — Садись.

Эрива отодвинула стул почти беззвучно и села на самый край, сжав плечи — готовая в любой момент вскочить.

Роза сняла резинку с папки. Её пальцы, тонкие и сухие, работали уверенно. Она достала один лист, выровняла его на столе, повернула.

— Сразу скажу, — произнесла она ровно. — Ты можешь не понять всего смысла сейчас. Но без имён ты начнешь строить версии. А я не хочу, чтобы ты жила в выдумках.

Эрива сжалась ещё больше, обхватив ладонями дрожащие коленки.

— Это про...

— Про всё, — отрезала Роза. — И про них тоже. Читай.

Она пододвинула лист.

Первые секунды буквы плыли и дробились. Потом фокус вернулся. Официальный штамп, дата, фамилия Розы и две другие фамилии, чужие и острые.

Имя «Лиора» отозвалось резкой вспышкой. Эрива прочитала вслух, почти по слогам, медленно проговаривая чужие слова:

— Liora Holzer... Erik Holzer.

Она вцепилась в край стола. Пальцы побелели.

— Тут... — Эрива наклонилась над столом. — На немецком.

— Ты достаточно его знаешь, — Роза поднесла пальцы к губам и добавила уже тише: — Ты всегда его знала. Просто забыла, как и всё остальное.

— Это... Мой папа?

Собственный голос показался ей чужим. Роза кивнула.

— Да.

Эрива подняла взгляд на Розу:

— Опекунство. Почему?

Роза не ответила. Эрива принялась просматривать следующие документы. Она не видела в них смысла — лишь цеплялась за отдельные слова.

— Я жила в Австрии? — голос звучал сухо, царапая горло. — И здесь я чужая?

Следующий лист.

Капля громко упала на пластик файла. Эрива вытерла глаза рукавом — руки дрожали всё сильнее.

— Прекращение опеки... — она продолжала перебирать файлы один за другим.

Роза вздрогнула, налила стакан тёплой воды и поставила рядом. Эрива дёрнулась от стука по столешнице.

— Пей! — скомандовала Роза.

— Нет. Я думала... — выдохнула она.

— Я знаю, что ты думала, — Роза не отводила глаз. — Ты держалась за ту версию, с которой могла жить. Я не стала её рушить раньше.

Эрива вздрогнула, будто от укола под рёбра. Роза не шелохнулась, чтобы утешить, лишь накрыла ладонью папку, фиксируя её на месте, как якорь.

— Не решай сейчас, что ты к ним чувствуешь. И не ищи слова. Запомни: сначала выслушаешь. Судить будешь потом.

Эрива усмехнулась:

— Они приедут?

Роза выдержала паузу, выверяя ответ:

— Приедет он. Один.

Эрива шмыгнула носом и провела пальцем по щеке, вглядывалась в лицо Розы в поисках опоры.

— Я не смогу, мама... — она замотала головой. — Где он был?.. А она?

— Она не готова, — ответила Роза. — И, возможно, не будет готова ещё очень долго. Не надо сейчас мучить себя её отсутствием.

Эрива смотрела на лист, но видела не текст, а зияющие дыры в своей памяти. Год комы. Чужие решения, печати — подпись Розы под документами.

— Ты держала это в себе?

— Держала, — подтвердила Роза. — Просто больше было некому.

Она забрала листы и вложила их обратно в папку. Закрыла и натянула резинку. Щёлк.

— На сегодня достаточно. Остальное — потом.

Она убрала папку в ящик буфета и повернула ключ.

— Ложись спать. Завтра будет тяжёлый день. Не из-за событий, а потому, что мозг начнет догонять то, что ты сегодня узнала.

Эрива поднялась. У лестницы она замерла, не оборачиваясь:

— Почему ты рассказала именно сейчас?

— Потому что раньше ты бы рассыпалась, — Роза говорила спокойно, почти холодно. — А теперь ты это выдержишь. Хоть и больно.

И добавила тише, подводя черту:

— И потому что я больше не могу держать это одна.

Эрива тяжело оперлась на перила и опустила голову, пряча лицо. Не открывая глаз, она едва слышно спросила:

— Я хочу видеть ту фотографию.

— Не сейчас, — ответила Роза и скрылась на кухне.

Эрива ушла к себе. Она села на край кровати и долго не гасила свет — боялась, что в темноте всё прочитанное станет окончательным. С кухни доносились редкие, глухие шаги Розы. Щёлкнула дверца холодильника. Внизу, в гараже, привычно зашуршали кролики.

Эрива закрыла глаза, пытаясь представить лица за именами «Лиора» и «Эрик». Ничего не вышло. Только старая фотография из серванта и тёмная папка с тугой резинкой.

Голос Розы всё ещё стоял в ушах. Она ждала, что Роза зайдет, просто постоять рядом.

Но дверь так и не открылась.

Сон

Дни потеряли границы, слившись в одно долгое, душное ожидание. Когда Роза окончательно перестала подниматься вверх, они перебрались в гостиную. Разложенный диван стал их общей постелью — не уютной, а вынужденной. Розе здесь было легче дышать, а Эриве не нужно было каждую минуту решать, пора ли подходить.

Эрива помогла Розе устроиться. Она сегодня была непривычно тихой — не «ласковее», а именно тише — отказалась от еды и даже от чая, который всегда был для неё священным ритуалом.

Эрива легла рядом, спиной к ней, свернувшись калачиком: так было проще удерживать собственное тело в покое. Роза положила руку ей на бедро, привычно обхватив колено. Ладонь была сухой и тёплой.

— Не переживай, девочка моя, — прошептала Роза в затылок. — Чудо моё...

И почти сразу заснула.

Ночью дом погрузился в тишину. Редкая машина выхватывала фарами узор на тюле и переносила его на стену плавным движением. Эрива долго смотрела в темноту: в гостиной уже был тот порядок, который наводят перед уходом.

Сон подступил тихо, без провала.

Сначала была вода. Тёплая, по щиколотку. Дно — мягкий песок, не знающий сопротивления. Вода не пугала и не причиняла боли. Это было странно и правильно.

Потом проявился сад. Не их, не Розин — другой. Слишком светлый и прозрачный. Кусты роз стояли живыми стенами, образуя лабиринт, а воздух пах чистым, беззаботным детством. Из-за поворота выбежали две девочки. Они смеялись и носились так, что из-под ног, вместо пыли, поднимались облака. Одна была чёткой, узнаваемой. Вторая — расплывчатой, будто не успела проявиться, но всё же тело Эривы узнало её. Узнало без памяти и объяснений.

Одна из девочек обернулась — и Эрива увидела себя. Лёгкую. Без трости.

Девочка засмеялась, обдала её брызгами и умчалась дальше. Рядом бежала вторая — та, смазанная. На мгновение они слились в одну линию, и Эрива не смогла понять, где кончается одна и начинается другая.

Кто-то коснулся её плеча. Роза.

Но не та Роза, что задыхалась на диване. Юная. Прямая. Светлая.

— Что же ты стоишь, глупенькая? — улыбнулась молодая Роза. — Ну Беги.

И Эрива побежала. Не раздумывая, не проверяя, выдержат ли ноги. Она бежала, потому что ноги были её собственными, а тело помнило состояние свободы.

Лабиринт оборвался внезапно. Перед ней открылось море — мелкое, сияющее, бесконечное. Она опустила ладонь в воду и провела по песку.

Обернулась — ни сада, ни девочек. Только море и тихое, чистое небо...

Эрива всплывала на поверхность реальности медленно, ещё несколько секунд удерживаясь в тёплой воде сна. Она всё ещё чувствовала руку Розы на своём бедре — та по-прежнему обнимала колено, как и ночью. Эрива не открывала глаз, стараясь подольше сохранить в себе то сияющее море.

Но рука была другой.

Она не была тяжёлой или тёплой — она была неподвижной. Она больше не «держала» — она «лежала».

Эрива не вздрогнула. Медленно открыла глаза.

Комната была прежней. Те же коробки, тот же ровный утренний свет.

Эрива лежала неподвижно ещё минуту. Не поворачивалась. Не проверяла. Просто чувствовала эту руку на себе.

Внутри поднялась дрожь. Сначала тонкая, в самых кончиках пальцев, затем она переросла в крупный тремор, прошедший по плечам и спине. Колени затряслись.

Эрива осторожно, почти невесомо выскользнула из-под этой руки. Она боялась, что любое неосторожное движение — шорох ткани или поворот головы — сделает всё окончательным.

Эрива села на край дивана. Руки на коленях. Дыхание короткое, поверхностное. Закрывает глаза — Роза всё ещё оставалась там, в том сне, молодая и звонкая.

Она встала, очень медленно, будто поднимаясь со дна.

Шаг. Ещё шаг. Трость. Опора. Воздух.

Эрива прошла на кухню. Села за стол. Свет лежал на столешнице так же ровно, как и вчера. Чайник, кружка Розы — всё было на своих местах. Этот привычный порядок был почти невыносимым.

Эрива ждала. Не событий, а просто момента, когда тело само решит, что делать дальше. Дрожь не проходила. Она прижала ладони к столешнице, чтобы не видеть, как ходуном ходят пальцы.

Через вечность она взяла телефон. Набрала номер Илоны. Гудки тянулись бесконечно. Илона ответила — голос был сонным, но мгновенно стал собранным.

— Да?

Эрива смотрела в одну точку на краю стола.

— Здравствуйте... Это Эрива.

Пауза.

— Да. Я слушаю.

Эрива попыталась вдохнуть, но горло было перекрыто.

— Мама ушла, — сказала она и опустила телефон на колени.

— Я еду, — коротко бросила Илона.

Эрива положила телефон на стол и осталась сидеть в тишине. Просто пыталась дышать и ни о чём не думать.

Слышен был скрип лестницы у соседей и звон посуды. Внизу, в гараже, зашуршали кролики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.